

Н. Кареев. ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГ.

Типография М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28. 1913.

Н. Кареев.

ИЗ ЛЕКЦИЙ ПО ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ИСТОРИИ.

Теория исторического знания и теория
исторического процесса.

Часть I.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Часть I. Теория исторического знания	27
I. Что такое теория истории?.....	27
II. Есть ли история наука?.....	33
III. Предмет и задача исторической науки.....	41
IV. Метод и материал исторической науки	49
V. Разные роды и виды исторических источников.	57
VI. Критика источников.....	70
VII. Констатирование исторических Фактов.....	83
VIII. Разделение исторических фактов на прагматические и культурные.	90
IX. Установление связей между историческими фактами	98
X. Синтетическая работа в исторической науке и исторические обобщения	109
XI. Сравнительно-исторический метод.....	121
XII. Историзм в гуманитарных и социальных науках	132
XIII. Специальные истории и история общая.....	141
XIV. Частные истории и всемирная история	146
XV. Философия истории	152
XVI. Исторический объективизм	155
XVII. Национализм в истории	158
XVIII. Конфессиональный субъективизм в истории	167
XIX. Политическая партийность в истории и выводы из предыдущего	169
XX. Разные виды оценки прошлого в истории	176
XXI. Этическое отношение к прошлому.....	183
XXII. Историческая наука и общественная жизнь.....	190
XXIII. Общественное содержание исторической науки и место в ней биографического элемента.....	199
XXIV. Историческая номенклатура и терминология.....	206

Предисловие

Во вступительной статье к этой книге сказано достаточно о её происхождении и о её цели. Здесь остаётся только указать на то, что, издавая первую часть своего курса по общей теории истории, автор рассчитывает выпустить в свет вторую часть осенью текущего года. Каждая из этих частей, однако, должна рассматриваться, как вполне самостоятельное целое с вполне законченным содержанием. В первой части основная тема — определение условий, соблюдение которых делает историю наукой, а предметом второй будет рассмотрение самого механизма исторического процесса.

ВСТУПЛЕНИЕ.

В основу этой книги — в смысле темы, плана, идей — положены курсы, по теории истории, читанные мною в течение ряда лет, начиная с 1907 г., на Высших Женских Курсах в Петербурге. В своих лекциях на эту тему я повторял, разъяснял, дополнял и развивал мысли, которые ещё раньше высказывались иною в многочисленных моих работах — книгах и статьях — о том же предмете или предметах, ему родственных, так или иначе, его касающихся. Кроме самой теории истории, я, говоря это, имею в виду и то, что писалось мною по социологии и по вопросам преподавания истории, а отчасти и по самой истории. Чтение указанных курсов было для меня постоянным поводом подвергать пересмотру свои взгляды на основные проблемы теории истории, и в этом смысле настоящая книга является сведением в одно целое неоднократно пересмотренных общих взглядов на историю, высказывавшихся в разное время, по разным поводам и с разных точек зрения — историко-теоретической, социологической, педагогической, общественной. Это, в известной мере непрерывное, занятие теоретическими вопросами истории заставляло меня более или менее постоянно, хотя бы иногда лишь урывками, следить за соответствующую литературу, более ранние произведения, которой изучались мною систематически для главных моих трудов в этой области. Конечно, и окончательное редактирование настоящей книги не могло обойтись без справок в новейших работах историко-теоретического содержания.

1

Подводя итоги под мыслями, разбросанными в целом ряде книги и статей, я иногда бываю вынужденным делать ссылки на эти свои работы, в которых часто то или другое изложено и обосновано более подробно или сопровождается как критикою других взглядов на то же самое, так и

историческими данными о разных постановках и решениях историко-теоретических вопросов в прежние времена, а, наконец, и литературными, библиографическими и иными справками. Список своих работ, имеющих отношение к теме настоящего курса, я даю вслед за вступлением, здесь же отвечу лишь то, что первая из них появилась ещё в 1876 году, и ограничусь указаниями только на главнейшие.

Это, прежде всего, «Основные вопросы философии истории» (1883), моя докторская диссертация, вызвавшая в свое время (в середине восьмидесятых годов прошлого столетия) большую полемику в общей прессе, — полемику, которая заставила меня издать в защиту своих взглядов целую книжку (под заглавием «Моим критикам»). Конечно, будучи написана около тридцати лет тому назад, названный труд в некоторых своих частях устарел, и в нем по отношению к современному состоянию теории истории есть пробелы¹⁾, но главные положения книги я повторяю и в настоящем курсе. Могу даже прибавить, что некоторые положения, особенно вызывавшие нападки со стороны критиков-дилетантов, оказались ещё более обоснованными, благодаря вообще дальнейшей разработки предмета.

2

Далее, в 1890 г., в виде продолжения «Основных вопросов» (третьего их тома), вышла в свет другая моя книга «Сущность исторического процесса и роль личности в истории»²⁾, оставшаяся (*habent sua fiata libelli!*) почти незамеченной в печати, хотя для меня лично как-раз она до сих пор остается наиболее значительным трудом моим в области теории истории. Основные положения «Сущности исторического процесса» я популяризировал в небольшом (не бывшем напечатанным) курсе, прочитанном в зиму 1901—2 г. в парижской Высшей русской школе, равно как и в упомянутых лекциях на Высших Женских Курсах.

Наконец, почти одновременно, в самые последние годы XIX в., были мною изданы ещё две книги, из которых одна называется «Введение в изучение социологии» (1896), другая — «Старые и новые этюды об экономическом материализме» (1897). Первая из них образовалась, в главных своих частях, из особых курсов, читавшихся мною в то время в Петербургском университете³⁾, вторая — из отдельных лекций, рефератов и статей в журналах и из специально для неё написанных глав, т.е. действительно из ряда «этюдов», вызванных проповедью у нас

¹ Напр., в своей "Методологии истории" (СПб. 1910, вып. I, стр. 46), А. С. Лаппо-Данилевский отмечает, что „Основные вопросы“ писались „в то время, когда чисто логическое различие между двумя познавательными целями науки пай точками зрения - обобщающей и индивидуализирующей — ещё слишком мало было выяснено в литературе. Это, в общем, верно, хотя самое различие и было мною указано, так как о нем, говорил ещё Огюст Конт. Отмечу ещё сам, что в то время не было также и литературы в духе экономического материализма (ср. ниже, стр. 3).

² Большой том в 627 стр.

³ Эти курсы читались мною "для желающих", т.е. вне общего плана факультетского преподавания с 1891 по 1898 гг. Проспект одного из таких курсов (1897—8 г.) был мною напечатан.

экономического материализма и тогдашними боевыми схватками между «народниками» и «марксистами». В обоих книгах мне пришлось затронуть вопросы, которые совсем отсутствовали как в «Основных вопросах», так и в «Сущности исторического процесса».

Во всех четырех книгах читатель может найти вообще весь идейный, фактический и литературный (историографический) или критический (нередко с полемическим характером) материал, положенный в основу содержания этой книги. Некоторые к нему дополнения находятся и в отдельных статьях, печатавшихся в разных журналах и отчасти перепечатывавшихся в особых сборниках ⁴.

3

Как в книгах этих, так и в статьях я старался по мере возможности быть *au courant* касательно литературы рассматривавшихся в них предметов и многие произведения по теории истории даже прямо анализировал, но обо многом очень важном, особенно за последние годы, мне совсем не приходилось упоминать. К числу таких произведений относится и самый, в настоящее время, капитальный, в смысле систематичности, полноты, основательности, обилия всякого библиографического материала, труд Эрнста Бернгейма, «Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichts-Philosophie», вышедший в свет в 1889 г. и не раз после того переиздававшийся в переработанном и дополненном виде, равно как сделавшийся известным и русским читателям в переводе краткого его изложения самим же автором ⁵.

В этом руководстве, которое должно быть настольного книгою каждого, занимающегося историей, а также в более краткой и популярной книге Ланглуа и Сеньобоса «Introduction aux études historiques», изданной в 1898 г., и в некоторых других, разработаны те отделы общей теории истории, которыми лично я самостоятельно наименее занимался и о которых даже почти ничего до сих пор не писал: это — методы исторического исследования и даже техника исторических работ в виде «эвристики» (источниковедения) и критики источников с их интерпретаций.

По этим вопросам существует вообще весьма большая и притом очень старая литература, но она была вне круга моих специальных интересов, хотя я и не упускал из вида наиболее важных её произведений, как прежних, так и теперешних.

4

Для многих все теоретическое отношение к истории сводится чуть не

⁴ В «Историко-философских и социологических этюдах», имевших два издания (1895 и 1899 гг.), и в первых двух томах «Собрания сочинений» (1911 и 1912 гг.).

⁵ Проф. Бернгейм. Введение в историческую науку. М. 1908.

целиком к исследованию приёмов и формулированию правил обращения с источниками исторического знания, к простой технике добывания его первых элементов, и например, Бернгейм сам первоначально только это, главным образом, и рассматривал в своём «Руководстве исторического метода», в первом издании которого не было (и в самом заголовке книги) никакого упоминания о «философии истории», включенной в состав труда только впоследствии и являющейся наиболее слабою его частью. Понятно, что общая теория истории не может быть полной без рассмотрения технических приёмов исторического исследования, и потому я включал этот отдел в свои историко-теоретические лекции, поскольку это считал нужным для общей характеристики исторической науки. Более систематическое и детальное изложение такого предмета с кафедры для начинающих заниматься историей в высшей школе едва ли имело бы смысл: плавать учат посредством плавания, а не рассуждениями о том, что нужно делать, чтобы держаться на воде подвигаться вперёд, нырять и т. п.; то же самое относится и к технике исторической работы.

Технические правила науки—одно, её теоретико-познавательные принципы — другое. В общем курсе теории истории последним должно, несомненно, принадлежать первое место, ибо задача такого курса не в том, чтобы научить, как работать в области истории, а дать понять, что такое история, как наука, в чём заключаются условия её научности, т. е. в каком смысле возможно научное познание прошлого и что составляет её предмет и её задачу (или задачи). К числу условий научности любой отрасли знания относится правильность мышления, являющаяся, как известно, предметом логики⁶, причем логика может быть общею и специальной, имеющей дело с отдельными науками. В то время как писались мои «Основные вопросы философии истории» не только специальная логика исторической науки, но и вообще логика общественных наук была разработана крайне недостаточно.

5

Тогда или не было ещё трактатов по логике, которые я потом имел возможность рассмотреть во «Введении в изучение социологии»⁷, или я не успел ещё с ними познакомиться (напр., с «Логикой» Вундта в первом её издании),— а были только известные труды Милля и Бэна, в которых менее всего имелась в виду история, так как **обоих интересовало, главным образом, открытие законов, уже тогда не считавшееся мною за задачу исторической науки, как таковой?**⁸. Лишь в более близкое время работы Виндельбанда и

⁶ В этом смысле А. И. Введенский правильно на заглавном листе своего курса поставил: "Логика, как часть теории познания" (СПб., 1912).

⁷ См. в названной здесь книге главу X.

⁸ Основные вопросы философии истории, кн. I, гл. 2. Впрочем, и Вундт в этом отношении не особенно отличается от Милля и Бэна. Логика Зигварта существовала уже в семидесятых годах, но в своем отделе об историческом знании не соответствовала тогдашнему обобщающему направлению.

Риккерта, о которых ещё будет говорить ниже, а также Зиммеля⁹, поставивших вопрос о сущности истории на точку зрения гносеологии, в разработке основных вопросов исторической логики произошло некоторое оживление. Тем менее я мог пренебречь в своем преподавании теории истории новыми точками зрения, что, с одной стороны, они отчасти и до известной степени совпадали с моими прежними взглядами, и что, с другой, они сделались у нас очень популярными у учащейся молодежи, как это замечено было не мною одним из преподавателей высшей школы¹⁰. Вообще вопросы методологии истории за последние годы стали сильно занимать теоретическую мысль, о чем свидетельствуют, например, недавний (в последнем десятилетии прошлого века) спор в Германии о «старом и новом направлениях в истории и основание во Франции специального органа «Revue de synthese historique», редактор которого, Анри Берр, в 1911г. издал «критический и теоретический опыт» под заглавием «La synthese en histoire»¹¹.

6

С теоретическими вопросами исторической науки я более или менее всегда старался знакомить всех своих слушателей, то, посвящая этому предмету вступительные лекции в отдельные свои исторические курсы, то, объявляя особые лекции «для желающих». Вообще чтение историко-теоретических лекций или курсов не представляет собою новизны в деле преподавания в высшей школе. В обычае прежних профессоров было предпосылать своим курсам общие сведения об исторической науке и её методах¹², а также иногда читать и целые курсы, главным образом, впрочем, об исторической технике, о критике и интерпретации источников, а также о так называемых «вспомогательных науках истории», вроде палеографии, дипломатики, сфрагистики, дисциплинах чисто технического значения. Только очень недавно,— при том параллельно с курсами социологии¹³,— стали систематически читаться кое-где и входить в состав общеобразовательных исторических предметов курсы по теории истории в более общем и широком смысле.

Настоящая книга, как было уже упомянуто, является воспроизведением читанных мною лекций, где с сокращениями, где, наоборот, с дополнениями, какие я нашел необходимыми и полезными. Издавая ее, я имею в виду

⁹ W. Windelband. *Geschichte und Naturwissenschaft* (1894).— H. Meier. *Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung* (1896) и *Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft* (1896).— (r. Simmel. *Probleme der Geschichtsphilosophie*.

¹⁰ См. в Логике А. И. Введенского указание на то, что "среди учащихся... под влиянием Виндельбанда и Риккерта... нередко встречается мнение, будто бы окончательной целью истории служить само же единичное", стр. 80.

¹¹ См. о нем мою статью в XVII т. "Исторического Обозрения".

¹² Образец этого мы находим в довольно известных учащимся "Лекциях по всеобщей истории" бывшего харьковского профессора М. Н. Петрова.

¹³ О том, как и где началось преподавание социологии к концу XIX в., см. в специально этому посвященной главе "Введения в изучение социологии".

преимущественно учащуюся молодежь и людей, занимающихся самообразованием, притом интересующихся вообще не только историей, но и другими предметами историко-филологического и юридического факультетов: языком, литературой, искусством, религией, философией, правом, политикой, экономикой, поскольку в наше время «историзмом», в большей или меньшей мере, проникнуты все гуманитарные и общественные науки.

7

Другими словами, в этом своем курсе я исхожу из самого широкого понимания истории, распространяя его на исторические элементы всех наук о человеке и человечестве, взятых с психологической и социологической точек зрения.

Одно дело — писать учёный трактат, другое — составлять курс лекций. Ученые трактаты могут быть интересны и понятны только специалистам или в лучшем случае людям, имеющим известную подготовку в данной области, могущим не только заинтересоваться, но (и это главное) понять прочитанное и произвести ему самостоятельную оценку. Учебные пособия, наоборот, пишутся для начинающих, которые ещё только должны получить самую общую подготовку в предмете, которым о многом предстоит ещё узнать или подумать только в первый раз, и для которых на первых порах очень многое бывает даже лишним, наприм., разные подробности, только мешающие сосредоточить всё свое внимание на существе дела. Мои «Основные вопросы философии истории» были ученым трудом, — не даром я сделал из них диссертацию на степень доктора всеобщей истории, — но потом, переиздавая их уже для большой публики, я упростил книгу, устранив из неё большую часть так называемого ученого аппарата, выкинув около сотни страниц историографического обзора, сократив массу подстрочных примечаний, цитат, ссылок и т. п.¹⁴ Такой же упрощенный вид я придаю и этому своему пособию — в интересах, надеюсь, читателей, которых я вообще не желаю вводить сразу в запутанный лабиринт историографического и критического рассмотрения с беспрестанными упоминаниями собственных имен историков, философов, социологов и т. д. или названий книг, брошюр, статей, с постоянными историческими справками о том, как прежде ставился или решался тот или другой вопрос, с частыми изложениями и разборами разных мнений, когда-либо высказывавшихся или теперь высказывающихся в литературе, с остановками на второстепенных подробностях и всяком случайном материале.

8

История каждой науки, история её отдельных вопросов — вещь весьма

¹⁴ В первом издании текст книги занимал 856 стр., во втором — 610, в третьем — 446.

важная, да и не историку отрицать значение исторического отношения к научному знанию и его проблемам, но в преподавании, имеющем дело с теоретическими основами науки, отнюдь не следует смешивать задачи ознакомления с её методологией, как последняя понимается теперь, и задач ознакомления с историей разработки этой методологии. Далее, по многим вопросам теории истории и теперь существуют и разногласия, и несходные оттенки мнений, наоборот, в общем между собою согласных, но в большинстве случаев для ясного и отчетливого понимания излагаемых истин нет надобности перечислять всё мнения, считаемые нами за ошибочные или в чем-либо отклоняющаяся от наших. Исторический и критический (или вернее полемический) элементы в изложении предмета я сознательно довожу в этой книге до минимума, оставляя его лишь там, где он признаётся мною безусловно необходимым. Если бы можно было совсем без него обойтись, — как это делается при преподавании элементарной математики, — было бы ещё лучше, но это оказывается, к сожалению, невозможным.

Сознательное сокращение, до возможного минимума, как исторического, так и полемического элементов влечет за собою устранение из книги большого количества собственных имен авторов и названий их сочинений, понятного в книге, предназначенной служить и справочным пособием, но отнюдь не в курсе, имеющем своею целью изложение руководящих идей в их отвлеченном понимании. Конечно, совсем ссылок на отдельных авторов и на отдельные сочинения избежать было нельзя, но, кроме особенно важных книг, я упоминаю только о тех, притом большею частью имеющих на русском языке, с которыми могли бы и даже иногда должны были бы непосредственно познакомиться читатели этого курса. Менее всего я думал о том, чтобы эта книга служила и справочным пособием по библиографии теории истории.

9

С тою же самою целью не загромождать изложения ничем лишним я нашел нужным быть как можно скупее на подстрочные примечания, которыми можно было бы, по имеющимся у меня выпискам из разных старых и новых книг, брошюр и статей, наполнить нижние половины большей части страниц. В общем, я допускаю примечания в сравнительно редких случаях, когда считаю бесполезным или объяснить значение какого-нибудь термина, или мотивировать, почему отступаю от какого-либо распространенного взгляда, или же привести чье-либо мнение, удачно подтверждающее мою мысль, кроме, наконец, случаев, когда я делаю ссылки на свои прежние работы, в которых о том или другом говорится более обстоятельно.

Все вышеизложенное относится, главным образом, к той части курса, которая посвящена теории исторического знания, т.-е. гносеологической, логической и методологической части, коей я даю специальное название

«историки»; у теории истории, кроме этой формальной стороны, есть ещё другая, так сказать, реальная, или материальная, выделяемая мною в другую часть, феноменологическую, т. е. социологическую, как теория исторического процесса (именно уже не знания, а самого процесса), или, как я её называю, "историологию". И в этой части курса я стремлюсь держаться такого же способа изложения, как и в первой,— способа, который можно было бы обозначить как догматический,— но по существу все-таки есть большая разница между обеими темами — темой историки и темой историологии.

Как-никак, историческая наука с определённым материалом и содержанием, задачами и приемами, существует, и теории исторической науки, как одной из отраслей научного знания, остается только установить и выяснить основные принципы этого знания, более или менее всеми научно образованными историками признаваемые. Другое дело — вопрос о существовании исторического процесса, о его основных причинах, силах, факторах, формах, законах, о том, что можно, дабы выразиться совсем коротко, назвать его механикой.

10

В сущности, это вопрос социологический, но, к сожалению, мы пока не имеем единой социологии, потому что, как известно, налицо имеются только разные социологии. Как ни хочется верить в близкую возможность синтеза главных социологических направлений в единую социологию, по поводу которой у занимающихся ею не будет коренных разногласий и взаимного непонимания, все же в данное время нет общепризнанного социологами учения о законах, проявляющихся в процессах, которые совершаются в общественной жизни и во всей своей совокупности обуславливают историческое движение и различные направления, темпы, формы и результаты последнего, наблюдаемые нами в действительности. Если в методологической части теории истории приходится, главным образом, подводить итоги под прочно уже добытым, то в этой, феноменологической части, мы вынуждаемся скорее лишь намечать программу будущих усилий теоретической мысли в области исторической науки.

Во всех четырех своих книгах историко-философского и социологического содержания я отводил много, и, быть может, даже слишком иногда много места изложению и разбору разных общих теорий и мнений по отдельным пунктам, за исключением разве только книги «Сущность исторического процесса», в которой особенно полно и подробно я изложил свои собственные мысли относительно этого предмета. После появления в свет названной книги, давно уже вышедшей из продажи, прошло более двадцати лет, в течение которых я много работал по самой истории и по её теории с социологией, не оставляя никогда вне круга своего внимания теоретического вопроса о сущности исторического процесса. Чтение лекций

по теории истории заставляло меня, время от времени, пересматривать свои прежние взгляды в зависимости от приобретения новых исторических знаний и большего углубления в старые. Настоящий момент я счёл удобным для того, чтобы без всяких историографических обзоров, критических экскурсов и библиографических ссылок изложить общие итоги своих размышлений над проблемами теории исторического процесса.

11

Каждый историк имеет свое представление о том, как совершается история,— представление, вытекающее и из априорных предпосылок, без которых не обходится никакая научная работа, общее говоря, из всего мирозерцания историка, и из тех обобщений, которые складываются у него на основании собственного изучения им тех или других комплексов исторических фактов. Историк может не отдавать себе ясного отчета в своих априорных предпосылках, но они у него должны быть, их у него не может не быть, и если он не сам их для себя и вполне сознательно установил путём гносеологической критики, то это только значит, что происхождение их к его мысли чисто традиционное, не логическое, а психологическое. То же самое следует сказать и об обобщениях, к которым приводить историков изучение ими прошлого: и эти обобщения могут оставаться у них за порогом сознания, да и быть не столько результатами намеренного искания каких-либо обобщающих формул путём логического мышления, сколько произвольными выводами из фактов, возникающими тем же путем, каким складывается в практической жизни то, что мы называем житейским опытом, т.-е. опять-таки чисто психологическим путем. Конечно, достоинство истории, как науки, требует, чтобы и априорные, и апостериорные элементы нашего знания о прошлом оправдывались логикой, наукой о правильном мышлении, без чего знание будет находиться в полной зависимости от личной психики отдельных людей и не получит общеобязательного значения. Раз критическое исследование должно быть внесено в область вопросов, касающихся сущности истории, как науки, её предмета, задачи, метода, то нет никаких логических оснований не требовать того же самого по отношению к существу истории, как одной из составных частей мира явлений, т. е. и внутренней основы истории, и её внешних форм.

К сожалению, — на что я не раз уже имел случай указывать,— вопросами теории исторического процесса занимались, ставили их и, так или иначе, разрешали большею частью не историки-специалисты, а представители других отраслей знания, как-то философы, психологи, социологи и т. п., да и то лишь с недавнего времени историки сами начали разрабатывать эти вопросы, взяв их, так сказать, из рук философов и социологов.

12

Раньше они даже не считали нужным задумываться над такими проблемами и часто относились к ним вообще отрицательно, прямо с крайним недоверием ко всяким теоретическим отвлеченностям как порождениям метафизической философии истории, достаточно себя дискредитировавшей перед судом положительного знания. Так как, однако, без некоторых теоретических предпосылок о сущности исторического процесса работать в области исторической науки нельзя, если только дело не ограничивается критикой источников и констатированием фактов, то, в сущности, у каждого историка должна была быть своя историология, основные положения которой некоторые и высказывали в форме всякого рода афоризмов. Это, конечно, не то, чем должно быть систематическое занятие предметом.

Можно даже сказать, что у каждого поколения историков без их ведома складывались особые взгляды, выдвигавшие на первый план ту или другую сторону процесса, как главную и основную, т. е. свои более или менее популярные лозунги. Очень часто последние возникали под влиянием новых, идей в таких науках, как география и антропология, когда в этих науках были поставлены вопросы о влиянии природы на человека и о различиях человеческих рас. С другой стороны, случалось и так, что, наоборот, и бывшие в свое время очень модными в социологической литературе определения исторического процесса не оказывали большого влияния на работу историков, как это можно сказать о специально дарвинистической социологии или об органической теории общества, не пользовавшихся большим кредитом у историков. Исключительно натуралистический характер таких доктрин отталкивал от себя большинство историков, державшихся, в общем, интеллектуалистического или идеологического объяснения истории — из идей или, говоря частное, из господствующих идей эпохи.

13

Лишь постепенно в работах историков стал выдвигаться на передний план чисто экономический фактор, но это делалось как-то само собою, без теории, больше под непосредственным влиянием жизни с её экономической злобою дня, и только в последнее время эта новая тенденция историков стала некоторыми из них обосновываться началами теории экономической материализма, возникшего, как известно, вне специальной области исторической науки.

Начинающие ученые невольно примыкали к тем общим историческим идеям, которые были в наибольшем ходу в то время, когда они учились, воспринимая вместе с тем и какое-либо из философских учений, бывших наиболее популярными в данный момент. Многие и успокаивались на взглядах, сложившихся у них на первых порах их деятельности, не

подвергали их пересмотру, не заботились о развитии их в сколько-нибудь цельную теорию. Иногда, усвоив из философии или социологии известные общие взгляды на историю, но не находя для них непосредственного применения в своих научных занятиях, молодые ученые потом эти свои взгляды просто забывали. Во всяком случае, создавались некоторые объединяющие для отдельных поколений начала, но в их последовательности не всегда замечалось общее развитие, а скорее скачки, которые имели своим результатом целый ряд случаев взаимного непонимания старших и младших поколений.

На своем веку я был свидетелем не одной замены одних идей, пользовавшихся популярностью, другими, тоже делавшихся в свою очередь, так сказать, модными: я именно решаюсь сказать, что здесь происходила смена мод. Я помню ещё то время, когда властителем дум молодежи, сколько-нибудь интересовавшейся общими идеями, был Бокль, книга которого, знаменитая «История цивилизации в Англии», была для «молодого поколения» настоящим откровением, воспринимавшимся наиболее горячими поклонниками Бокля с таким же догматизмом, с каким воспринимается любое откровение. Мы, тогдашняя молодежь, готовы были видеть в каждом критическом прикосновении к «Истории цивилизации в Англии» признак умственной отсталости и затхлого консерватизма (притом не в одной науке, но и в политике).

14

Конт, с которым русское общество познакомилось несколько позже и которого оно в подлиннике в руках своих не имело, не был так широко популярен, но те, которые могли с ним ближе познакомиться, испытывали на себе и его влияние. Приходилось иногда слышать со стороны наиболее увлекавшихся заявления даже такого, наприм., рода, что всё-де дальнейшее развитие исторической науки должно быть не чем иным, как фактическим оправданием, детальным применением и логическим развитием исторических взглядов Конта. Более всего, разумеется, такой догматизм проявлялся со стороны дилетантов и профанов, потому что кто начинал сколько-нибудь серьёзно работать в области исторической науки, не мог не видеть, до какой степени сложен исторический процесс и сколько нужно ещё сделать, чтобы придти к каким-либо прочным, не вызывающим основательных возражений выводам. И именно изучение самой истории не позволяло тому, кто ему предавался, увлекаться бывшими очень распространенными в широких кругах взглядами, будто биологическая теория Дарвина включает в себе ключ к истинному пониманию сущности истории или будто весь секрет последней сводится к спенсеровскому закону эволюции, как интеграции, сопровождаемой дифференциацией. Полоса догматического увлечения экономическим материализмом Маркса и Энгельса тоже представляет собою не мало явлений, аналогичных тем, о

которых сказано выше, и критическое отношение к этому учению тоже, как известно, сплошь и рядом отождествлялось с научным непониманием и с политической реакционностью.

Догматические увлечения весьма естественны при малом знании, но против малого знания самое действительное средство есть увеличение знания. Конечно, и пишущий эти строки в свое время отдавал дань таким увлечениями, но чем более знание его увеличивалось, тем более догматизм уступал критицизму. Я говорю здесь не об одном фактическому знании, заключающем в себе научный материал для критики всяких теоретических построений с точки зрения их соответствия действительности, но и о знакомстве с разными другими, по возможности со всеми теоретическими построениями, а не с одним только тем, которое почему-либо было раньше других узвано и усвоено.

15

Все идеи, все теории в данной области знания одинаково должны быть предметом совершенно однородного анализа, подвергнуты беспристрастной критике со стороны логики и со стороны фактов,— вот тот принцип, который мною руководил, когда я работал над своими «Основными вопросами философии истории», которые в подзаголовке и были обозначены, как «критика историософических идей». Одновременная критика нескольких теорий не может не сопровождаться их сопоставлением, постоянным сравнением их исходных пунктов, основных идей, важнейших выводов и принятием того, что во всём этом оказалось бы приемлемым со стороны логики и фактов. Тех же самых приемов держался я и в других своих трудах вообще, в особенности же во «Введении в изучение социологии». В науках, истины которых вообще покоятся на более прочных основаниях и пользуются общим признанием специалистов, нет надобности в сравнительно-критическом фронтировании разных учений, но в таких случаях, как нас сейчас занимающий, без этого обойтись нельзя. В настоящее время так думают и те теоретики, которые крайне отрицательно относятся к содержанию прежних ненаучных теорий¹⁵, рассчитывая, однако, извлекать из них приемлемые результаты или заслуживающие внимания гипотезы¹⁶.

16

Занявшись систематическим изучением литературы по теории исторического процесса, в общем составе историко-философской

¹⁵ Henri Berr в книге „La synthese en histoire" (стр. 39) пишет: „il ne faut pas faire table rase du passe, et l'histoire des systemes serait la premiere partie de la tache que nous cherchons en ce moment a preciser... Tout en voulant reagir contre la philosophie de l'histoire, nous protestons contre le dedain ou l'indifference de beaucoup d'historiens a l'egard des anciennes philosophies de l'histoire".

¹⁶ Тот же автор говорит ещё (стр. 260): c'est travailler a la synthese que de faire l'histoire des conceptions historiques, que de chercher a degager, de ce long et multiple effort, les resultats acquis et les hypotheses vivaces.

литературы, начиная с Джамбаттиста Вико, жившего двести лет тому назад, я обнаружил и своевременно отметил одну особенность этой литературы, состоящую в том, что большинство авторов строилось, так сказать, на новых местах и по своим собственным планам, как будто до них никто нигде и никогда не делал того же самого. Научной преемственности как будто не существовало, и каждый как бы сызнова начинал создавать науку — *prolem sine matre creatam*). Не так создаётся настоящая наука: усилия предшественников должны быть перед глазами, и в самых их ошибках должны заключаться предостережения для позднейших исследователей. С другой стороны, изучая сочинения прежних теоретиков и философов, я не мог представить себе, чтобы в их взглядах, — если только последние не имели теологического или метафизического характера, — не было хоть маленькой доли истины, т. е. чтобы у этих взглядов не было никаких логических и фактических оснований, чтобы они не вытекали из каких-либо более или менее установленных истин и не являлись обобщениями из наблюдений над фактами. Беспреданно мне приходилось встречаться со своего рода «sic ac non», с диаметрально противоположными ответами на одни и те же вопросы. Эти ответы приходилось анализировать и доискиваться их оснований, которые и оказывались в той или другой мере приемлемыми, хотя бы с оговорками и урезками, — оказывались, поэтому не то что ложными, а лишь односторонними, преувеличенными, не в меру обобщающими и распространяющими на целое то, что правильно только по отношению к одной части, к одной стороне этого целого, к одной категории данного класса явлений. Правильным решением в таком случае приходилось признавать не то или другое, но и то, и другое, только в известных своих частях и в известной комбинации этих частей, или, говоря иначе, искомая истина находилась не в золотой середине, а в высшем синтезе, снимающим в себе противоречия тезиса и антитезиса.

17

Золотой середины и быть не может там, где дается дилемма «или — или», как не может быть и чисто механического сложения $+ a$ с $- a$, дающих в сумме нуль. Нет, здесь речь должна идти только о настоящем, синтезов, и этим путем я старался всегда идти, не останавливаясь на чисто отрицательных результатах критики чужих теорий. Такое сопоставление противоположных решений одних и тех же вопросов в целях, во-первых, их критики, которая вылущивала бы в каждом решении возможное в нём зерно истины, и, во-вторых, синтеза добытых результатов сделалось даже одним из обычных методов моих историологических рассуждений. Когда я познакомился с большим количеством работ Фулье, я увидел, что он также систематически пользовался этим приемом в своих многочисленных философских работах, именно «методом примирения» (*methode de conciliation*), как он сам его обозначил.

В книге «Будущее метафизики» названный французский философ нашел нужным **заняться отграничением своего «конциляционного» метода от простого эклектизма**¹⁷. Я невольно вспоминаю здесь самозащиту Фурье, потому что мне самому часто приходилось встречаться и по своему адресу с обвинением в эклектизме за то, что я не становился решительно на сторону какой-либо теории, а старался соединять вместе отдельные элементы разных теорий, в том числе, и противоречивых. **Если уже на то пошло, эклектическим путем развивается каждая наука,— эклектическим путем в смысле выбора**¹⁸ **приемлемого наукой из положений, высказывавшихся разными учеными и не всегда бывших верными**. В этом не только нет ничего зазорного, но иначе наука и не может развиваться, лишь бы то или другое принималось ею в силу логической или фактической обоснованности, а не по каким-либо посторонним науке соображениям, моральным или политическим, как это было у блаженной памяти французских эклектиков первой половины XIX в.

18

Руководясь исключительно научными соображениями, логикой и фактами, а не голосом чувства или интереса, мы из массы того, что высказывалось другими, выбираем и соединяем вместе отдельные мысли, постоянно имея в виду, что они не могут находиться между собою в противоречии, что, наоборот, они должны быть между собою в таком согласии, которое позволяло бы представлять их в стройной системе. Это уже не эклектизм, сшивающий белыми нитками то, что ему понравилось или что он нашел выгодным, а именно **синтез логически и фактически обоснованных положений, подвергавшихся научной критике и выдержавших это испытание**. Легко сказать: «стань решительно на точку зрения какой-либо школы», но если каждую из них я найду односторонней и вместе с тем в каждой все-таки вижу долю истины. Легко также сказать: «ну, а в таком случае давай свою собственную теорию», но если я принципиально против всякого сочинительства, **раз вся литература по философии истории представляется мне громадным полем с великим множеством начатых и неоконченных построек, а будь даже и оконченных, то оставшихся необитаемыми и часто совсем даже забытых!**

Выше уже было сказано, что моим намерением в настоящей книге не было излагать, анализировать и критиковать чужие теории исторического процесса: заговорив о своем **«конциляционном» методе** их изучения, я хотел только показать, что в основу догматически излагаемой мною теории положен, как мне кажется, **достаточно широкий синтез положительных истин, добытых прежними теоретиками истории, взятой в смысле жизни**

¹⁷ А. Fouillee. L'avenir de la métaphysique fondée sur l'expérience (1889), стр. 129 (§ под заглавием "Difference entre la methode de concialition, la méthode hégélienne et la méthode relectique").

¹⁸ Греч. — выбирать, отбирать.

человечества в прошлом с её продолжением в настоящем. Никто никогда не создавал какую бы то ни было науку сразу, и общий трактат по любой науке является, в конце концов, подведением итогов под уже сделанным в ней другими учеными, а не изложением одних новых истин, открытых самим автором руководства. И в изложении теории истории нужно заботиться, прежде всего, о научной основательности, а не оригинальности и новизне излагаемого. Мы имеем слишком много философий (и теорий) истории и слишком много социологий, чтобы желать прибавления к существующим ещё таких, которые были бы опять новыми постройками на новых методах и по новым планам вне связи с прежними усилиями и добытыми результатами¹⁹.

19

Новые истины открываются частными исследователями, хотя, разумеется, и в общих трактатах не возбраняется высказывать новые мысли.

Об излагаемой мною теории исторического процесса нужно сказать ещё следующее. Выше было, между прочим, отмечено, что в подзаголовке «Основных вопросов философии истории» значилось, что это — «критика историософических идей», но там, кроме того, было прибавлено: «и опыт теории прогресса». Обращаю внимание на последние слова, на то, что меня во время работы над этим трудом занимал не исторически процесс вообще, а, так сказать, квалифицированный исторический процесс, т.е. такой процесс, которым осуществляются в жизни человечества принципы истины и справедливости. Я могу теперь сказать, что историко-философская идея прогресса, собственно, и была исходным пунктом моего интереса к тем теоретическим, в области истории, вопросам, изучению которых я посвящал столько: времени и труда. Идея прогресса включает в себе элемент оценки, коего нет в понятии просто процесса. Прогресс, это — нечто, субъективно оцениваемое, процесс — нечто, объективно понимаемое, и то, что отправною точкою моего интереса к философии истории была идея прогресса, стоит в тесной связи с влиянием, какое на меня оказывали в семидесятих годах прошлого столетия (после Бокля и Конта) русские социологи: Лавров, Михайловский, Южаков.

20

Впоследствии теории двух первых стали называть **«субъективной социологией»** и даже говорили о «русской социологической школе», к которой удостоили причислять и меня. Особенность этой «школы»,

¹⁹ Читая уже называвшуюся выше книгу Л. Бетра, я с сочувствием отчеркнул следующее место в предисловии к ней "ce n'est pas l'originalité que j'ai cherchée ici. Je me suis efforcé, *comme il convenait en matière de science*, non de créer une théorie neuve de l'histoire, mais de critiquer, d'utiliser, de faire aboutir les théories antérieures" (стр. X). Курсив мой; его цель обратить внимание на то, что именно это и есть путь науки — подвергать критике разные теории, отбирать в них приемлемое и подводить под этим итоги.

позволившая назвать её субъективной, заключалась в том, что в ней интерес к делам человеческим не ограничивался вопросами о том, что есть, но и распространялся на категорию долженствующего быть, с оценкой существующего с точки зрения должного. Представлениям о должном, или идеалам в этом круге идей придавалось особое значение среди факторов прогресса и особое значение личностям, проводящим эти идеалы в жизнь. Занимаясь теорией прогресса, как осуществления идеалов деятельностью личностей, я не мог, конечно, не поставить вопроса о самом, так сказать, механизме истории, о сущности исторического процесса безотносительно к тому, что же осуществляется этим процессом — благо или зло, прогресс или регресс. Решением таких вопросов об объективной сущности исторического процесса независимо от субъективной оценки действительного хода истории и её результатов и о роли человеческой личности в этом процессе, я и занялся во второй своей книге. Становясь на такую точку зрения, я не отказывался от того, что и раньше признавал, и теперь продолжаю признавать «законным субъективизмом», а только резче отделил вопрос о том, как совершается всякая история, от вопроса, совершается ли историей и как на самом деле происходит воплощение истины и справедливости в жизни человечества.

Я не буду спорить, если мне кто-либо теперь скажет, что правильнее было бы начать теоретическое исследование данного вопроса не с определения прогресса, которое не может не быть субъективным, а с объективного изучения исторического процесса, отвлеченно взятого, как особой формы мировой эволюции, и изучения его без всякого отношения к нашим желаниям, стремлениям, идеалам, вообще к понятиям добра и зла. Но это не значить, что рядом с такою научною задачею не может существовать другая — задача оценки действительного хода истории с точки зрения добра и зла.

21

Придавая книге о сущности исторического процесса и о роли личности в истории строго «объективистический» характер, я только резче разграничивал задачи объективного понимания и субъективной оценки, обособлял задачу строго научную от задачи чисто философской, отнюдь не отрицая права второй из них на самостоятельное существование.

В последнем десятилетии XIX века, «субъективная социология» (или «русская социологическая школа») подверглась резкому нападению со стороны экономического материализма, который до сих пор продолжает оказывать влияние на историологическую мысль. Во время полемики, вызванной выступлением экономических материалистов против «субъективной социологии», полемики, сильно осложнявшейся разногласием политических программ марксистов и народников, почти совершенно незамеченной осталась у нас происходившая в Германии полемика индивидуалистического и коллективистического направлений («старого» и

«нового») в историографии, впрочем, и не дававшая ничего нового для нас, русских, которые уже раньше много об этом и думали, и говорили. Наши споры по вопросам историологии касались не только вопроса об идеологическом или экономическом понимании движущей силы в историческом процессе, но и о роли в нём человеческой личности с её внутренними переживаниями и внешними, действенными проявлениями. Те нападения, которые экономическими материалистами были сделаны на «субъективную социологию», менее всего касались вопросов, специально занимавших меня в «Сущности исторического процесса», ибо в этой книге главное — вопрос не о том, идеология ли или экономика двигают историческую жизнь вперед и вообще вызывают в ней существенные перемены, а о пассивности или активности человека в историческом процессе и о механизме человеческих взаимодействий, вопрос, прибавлю, остающийся для меня одним и тем же, на какую бы из двух точек зрения (и из других ещё возможных) я ни стал.

С экономическим материализмом я поступил так же, как поступал и с другими историологическими теориями.

23

Отказавшись от всякой личной полемики, подобной той, какую вел в восьмидесятых годах, защищая свои «Основные вопросы», я подверг это учение принципиальной критики в целом ряде статей и в книге «Старые и новые этюды об экономическом материализме», дабы потом во «Введении в изучение социологии» ввести это учение в круг других направлений социологии для сопоставления и сравнения его с ними в интересах будущего социологического синтеза. Экономический материализм не создал, по-моему мнению, цельной и всеобъемлющей теории исторического процесса, но он, несомненно, обогатил её той частью своего содержания, против которой беспристрастная критика возразить ничего не может. С точки зрения экономического материализма в историческом процессе объясняется многое, даже очень многое, но далеко не всё: ошибка его последователей — та, что они настаивают на необходимости выводить все из одного начала, объясняющего только нечто, хотя бы это нечто и было очень важным. Во всяком случае, экономический материализм дал не мало ценных элементов для историологического синтеза: и односторонние теории при надлежащем пользовании ими заключают в себе много важного для понимания сущности исторического процесса.

Для того, чтобы это понимание было научным, его нужно вообще отделять от всего, в чем замешаны наши вкусы, интересы, идеалы. «Субъективная социология» была тесно связана с «народническим» социализмом, представлявшим собою чисто практическую программу, которая сама вовсе не вытекала из понимания Лавровым или Михайловским того, как совершается всякая история. В своих «Старых и новых этюдах» я

старался доказать, что и экономический материализм представляющий собою официальную историологию социал-демократии, вовсе не так от неё логически неотделим, чтобы нельзя было представить себе социал-демократа, который не был бы экономическим материалистом, или экономического материалиста, который не был бы социал-демократом. Пример последнего сочетания уже был тогда в лице известного Ахилла Лория, а вскоре после выхода в свет моих «этюдов» **Эдуард Бернштейн** своим выступлением в «Предпосылках социализма» фактически доказал и возможность существования социал-демократа, не верящего в догмат экономического материализма.

23

Теория исторического процесса, как и всякая другая научная теория, должна быть теорией самодовлеющей, отнюдь не обоснованием или оправданием какого бы то ни было политического направления — ни реакции, ни консерватизма, ни либерализма, ни радикализма, ни социализма, ни коммунизма, ни анархизма: это все направления к тому или другому стремящейся воли, тому или другому симпатизирующего чувства, а не познающей, добывающейся понимания мысли. Теория исторического процесса должна основываться исключительно на логическом и фактическом фундаментах без малейшей примеси чего-либо, что имеет свой корень в общественной партийности. Она должна показать, как вообще совершается история, и показать с такою убедительностью, чтобы это было одинаково понятно и доказательно для людей, которые в других отношениях разделяются на самые непримиримые лагеря. И самый завзятый ретроград, и наиболее ярый революционер одинаково должны признавать, наприм., что дважды два четыре, что площадь треугольника равна половине произведения от помножения основания на высоту, что тела притягиваются прямо пропорционально массам и обратно пропорционально квадратам расстояний между ними, что вода состоит из водорода и кислорода и т. п., почему же они должны думать различно о том, как совершается история, сколько бы ни было разногласий между ними в понимании своих и чужих прав или того, чем должно быть человеческое общество? Разумеется, до такой теории истории далеко, но это все-таки идеал, к которому нужно стремиться. Лучшее средство в деле приближения к подобной цели, это — постоянно различать категории данного в опыте (сущего) и желательного (должного), и потому отделять теоретическое понимание происходящего в действительности от практических требований, предъявляемых нами к будущему, иными словами, не связывать этого понимание со своими общественными стремлениями, тем более что должное не вытекает логически из данного в опыте.

24

Я знаю, что исполнено этого требования очень трудно, но это — не что иное, как требование истинной научности. Отграничение объективно-теоретического понимания исторической жизни от установления практических требований, могущих быть предъявленными к этой жизни, во не могущих не быть субъективными, пожалуй, покажется неправильные людям, мало знакомым с условиями научности всякого знания, и против такого отграничения многие, пожалуй, выдвинуть аргументы того современного философского направления, которое известно под названием прагматизма. Здесь не место доказывать, что не следует смешивать категорий сущего и должного, что то и другое познаётся разными путями, что цели познания того и другого совершенно различны, и что, наконец, познание в строгом смысле слова может относиться лишь к тому, что уже существует или существовало, а не к тому, существования чего мы только желаем или добиваемся. ещё менее я нахожу возможным критиковать здесь прагматизм в той его стороне, которая состоит в смешении стремлений ума и стремлений воли. Правда, в прагматизме есть нечто родственное так называемой «субъективной социологии», но лично я никогда сам не говорил о субъективном «методе», признавая законность только одного метода— объективного, и весь защищавшийся мною субъективизм, — который я и называю законным в отличие от разных видов субъективизма незаконного,— сводился лишь к оценке того, что нами констатировано при соблюдении правил логики и на основании объективных фактов. К числу проявлений незаконного субъективизма я отношу вместе с субъективизмом национальным или конфессиональным, против которых раньше особенно считал нужным бороться, ещё субъективизм партийный и классовый, который провозгласили в науке сторонники экономического материализма. Принадлежность научного работника к какой-либо национальности, вероисповеданию, сословию, социальному классу, политической партии обусловлена или внешними обстоятельствами его рождения и воспитания, или внутренними свойствами его ума, темперамента, характера, а это все такие условия, от которых логическое мышление никоим образом не может зависеть и которые в познании действительности не объединяют людей, как это делает логика, а разделяют на враждебные и друг друга не понимающие группы.

25

«Законный субъективизм»; защищавшейся мною в «Основных вопросах», есть субъективизм этический, и на этой точке зрения я продолжаю стоять и в настоящей книге: если я в чем-либо отступаю от прежнего взгляда на этот предмет, то лишь в призывании всего, относящегося к категории должного, не интегральной частью научной теории исторического процесса, а философским к ней придатком, вполне, впрочем,

законным.

Устранение субъективного элемента из теории исторического процесса, отвлеченно взятого, устранение, произведенное мною ещё в книги «Сущность исторического процесса и роль личности к истории», вероятно, сильно обесценит излагаемые в моем курсе историологические взгляды в глазах читателей, которые ищут во всякой исторической теории как обещаний относительно будущего, так и руководящих идей для деятельности в настоящем, не столько, значит, знания, сколько веры. Я отнюдь не осуждаю этого искать и, наоборот, признаю его законность, его **важность, как искания смысла жизни, нравственного и общественного идеала, высшей правды**, что и подчеркивал постоянно в своих писаниях для молодежи²⁰, — но у холодного и бесстрастного познания действительности задача совсем иная, какие бы применения из выводов науки потом и ни делались в самой жизни. То, что по аналогии с одним недавно возникшим термином я назвал бы вероискательством, особенно проявляется в молодежи, в которой довольно сильны догматические привычки мысли, мало ещё дисциплинированной практикою научного анализа и философской критики, но ни над чем так хорошо нельзя упражнять логическое мышление, как над вещами безразличными в отношении наших чувствований и стремлений, нашей воли.

26

Различая в историческом знании реальную и формальную сторону, некоторое *что*, затрагивающее эмоциональную и волевою сторону нашей психики, и некоторое как, способное заинтересовать только наш ум, я в теории исторического процесса вижу только это как истории, такое же, в сущности, с каким мы имеем дело в других частных теориях действительности, ставящих, например, следующие вопросы: как возникла солнечная система? Как совершаются движения планет вокруг солнца и их спутников вокруг планет? Как образовались на земле горы? Как происходит изменение видов животного и растительного царств? Как в растениях вырабатывается хлорофилл? Как действует человеческий глаз? Как происходит ассоциация представлений? Как возникло у людей государство? Как устанавливается равновесие между спросом и предложением? Как кровавая месть заменилась вирой? Как был изобретен телеграф? Как отражаются технические изобретения на промышленности? Как происходит замена абсолютизма конституционным строем? Все это — **вопросы о способах, путях, последовательностях, порядках, формах происхождения и развития всего доступного нашему внешнему и внутреннему опыту, всего, что способно приковывать к себе наше внимание лишь потому, что находится в поле нашего зрения, вами наблюдается, возбуждает наше любопытство, заставляет нас ставить вопросы: «почему, да как»**,

²⁰ Письма к учащейся молодежи о самообразовании. — Беседы о выработке миросозерцания — Мысли об основах нравственности. — Мысли о сущности общественной деятельности. — Идеалы общего образования.

безотносительно к каким бы то ни было нашим стремлениям. Такие же «как» и «почему» возникают в нашем уме и при созерцании перемен, происходящих и происходивших в исторической жизни человечества. **Задача теории исторического процесса** — ответить на эти вопросы, руководствуясь исключительно логикой и фактами и всячески остерегаясь того, как бы ответы на отдельные теоретические вопросы не стали подсказываться нам нашими чаяниями, упованиями, желаниями, интересами.

Есть две основные веры, чаяния и упования которых оказывали большее или меньшее влияние на понимание сущности исторического процесса. Психологически, как известно, **знание и вера** в смысле «переживаний уверенности в истинности некоторых из наших мыслей»²¹ неразличимы, и вся разница между ними заключается в том, обоснована ли данная мысль удовлетворительными с логической точки зрения доказательствами, или же в истинности данной мысли мы уверены без каких-либо строго логических доказательств.

28

Идея прогресса, как показывает её история²², имеет двойкий корень: в логических выводах из известных наблюдений над действительностью и в чаяниях нашего сердца, в вере в то, что у исторического процесса есть высшая цель, придающая ему разумный смысл. Логически последнее недоказуемо, и потому здесь мы имеем дело с верою, а не со знанием. Между тем едва только стали зарождаться мысли о теории исторического процесса, они под влиянием некоторого безотчетного оптимизма, почти неразрывно связанного с самою жизнью, начали принимать характер известного рода верований.

Одна из вер в прогрессивность истории имеет свой корень в религиозном мирозерцании, точнее говоря в христианстве, в его **провиденциализме**: Божественное Провидение неисповедимыми путями ведет человечество к высшему совершенству, как истинной цели всемирной истории. Метафизические системы, с пантеистической окраскою в роде гегельянства, приписали всемирной истории имманентную прогрессивность, поняв ее, как постепенное самораскрытие мировой сущности в полном её совершенстве. Даже на почве философского пессимизма, в системах Гартмана и Майнлендера²³, исторический процесс был понят, как постепенное разрушение иллюзий, приводящее, в конце концов, к вождеденной Нирване, или как искупление от основного греха, заключающегося в самом бытии. Контровский позитивизм, отвергший всякие теологические и метафизические предпосылки, понял историю, равным образом, как **процесс, управляемый одним основным законом, постепенно**

²¹ А. И. Введенский. Логика, как часть теории познания (1912), стр. 13—14.

²² См. мою статью об этом в I томе "Собрания сочинений" и ниже.

²³ О. В. Ф. И., кн. И, гл. 5.

поднимающим человечество на высоту возможного для него на земле совершенства.

28

Прогресс присущ истории, зависит ли это от благодати Божьей, или от внутренней сущности истории, или же от естественного закона, ею управляющего, — вот одна вера с разными лишь оттенками. Я не закрываю глаза на тот факт, что эта вера была и моей верой, которой я стремился дать наукообразное изложение в виде «номологии прогресса», т. е. теории законов, управляющих прогрессом, как таковым²⁴. В сущности, на почве такой же веры в то, что история сама собою («*evolution spontanée*» Конта) осуществляет процесс, являющейся поэтому основным её законом, стоит и экономический материализм. Русские марксисты даже особенно подчеркивали имманентную стихийность осуществления историей идеала (в данном случае социалистического), яростно нападая на «роль личности в истории», т. е. на учете о том, что осуществление идеала создается людскими усилиями. Чтобы оценить значение этого факта, не будем забывать генетической связи экономического материализма с гегельянством.

Другая вера, оказавшая влияние на понимание того, как совершается всякая история, есть как раз вера в творческие силы человеческой личности, в значение сознательной, преднамеренной, ставящей себе цели, стремящейся их достигнуть, осуществляющей то, что раньше было только идеалом, деятельности людей и среди них, прежде всего, инициаторов, реформаторов, вождей. Эволюцию этой веры от рационализма XVIII в., её породившая, через левое гегельянство, к ней пришедшее, до русской субъективной социологии можно тоже проследить исторически. Самого яркого выражения теория личности достигла в «Исторических письмах» Лаврова, писавшего под псевдонимом Миртова²⁵. Я уже упоминал, что на моих взглядах, в период писания «Основных вопросов» сказалось в большой мере влияние Лаврова, но уже в «Сущности исторического процесса» я разграничил во взгляде Лаврова элементы рационалистической веры XVIII в. и научного знания нашего времени²⁶.

29

В только что названной книге, как было уже в своем месте указано, вопрос о сущности исторического процесса был отрешен от вопроса о его прогрессивности и о том, в чем состоит идеал совершенного и блаженного состояния человечества. Один вопрос, который здесь решался, касался дилеммы, говоря коротко, саморазвития и людского действия,— и решался в

²⁴ См. мою статью об этом в I томе "Собрания сочинений" и ниже.

²⁵ О. В. Ф. И., кн. II, гл. 5.

²⁶ О. В. Ф. И. Так обозначена была одна из частей этой книги.

смысле синтеза верных сторон обеих теорий, ибо ни та, ни другая, собственно, не лишены фактических и логических основами. С этим вопросом в тесную связь был поставлен другой о роли единичных личностей и масс, причем такую антитезу я не мог не признать нелогичной. Когда уже после выхода в свет «Сущности исторического процесса» разгоралась в Германии полемика между представителями нового, «коллективистическая» и старого, «индивидуалистического» направления в исторической науке, для меня в ней не оказалось ничего такого, чем можно было бы воспользоваться для дальнейшего теоретического синтеза.

Таков генезис второй части настоящего труда или, вернее, излагаемой в этой части теории. Уже из такого краткого очерка читатель мог усмотреть, что, поставив себе синтетическую задачу, я широко пользовался и тем материалом, который давала мне русская литература. Вопросы, меня интересовавшие, четверть века тому назад обходились академической наукою, и их дебатировала, главным образом, общая журналистика. Уже тогда, в статье «Мечта и правда о русской науке»²⁷, я позволил себе отметить недостаточное внимание, уделявшееся в наших учёных сферах продуктам русской мысли, не имевшим академического штемпеля, и даже вообще многому, написанному по-русски. «Разве может быть что-либо хорошее из Назарета?» — невольно приходит на память этот скептический вопрос, когда встречаешься с проявлениями малого интереса русских ученых к тому, что написано по-русски, при большом внимании иногда к очень неважным явлениям в литературах иностранных.

30

Тем смелее я это говорю, что тут нет «pro domo sua»: если здесь есть чувство обиды, то не за себя, а за русскую литературу, за русскую науку, за русскую мысль, которые обычно игнорируются не только на Западе²⁸, но нередко и нами самими. Никто, надеюсь, не заподозрит меня в националистическом субъективизме, но с моей стороны было бы несправедливо, рассказывая, как шла работа, легшая в основу новой моей книги, не сказать слова благодарности той русской прогрессивной журналистике, которой я считаю себя многим обязанным в отношении своих историологических взглядов. Такое слово благодарности я уже однажды произнес в предисловии к VI тому своей «Истории Западной Европы»²⁹, оканчивая изложение в нем истории XIX в., ибо и с нею я также начал знакомиться по журнальным статьям.

²⁷ См. статью мою "Теория личности П. Л. Лаврова", перепечатанную во II томе "Собрания сочинений".

²⁸ В статье своей "Два новых немецких историографических труда" (Журн. Мин. Нар. Просв., за 1911 г., № 1) я отметил, что несколькими и немецкими составителями историографических указателей, в которых говорится и о русской истории, не названы, напр., ни Соловьев, ни Ключевский. Напрасно мы стали бы искать указаний на русские исторические труды — и у Бернгейма или Берра.

²⁹ Стр. VIII — XIX второй части указанного тома.

Часть I. Теория исторического знания

I. Что такое теория истории?

Я начну с объяснения термина "**теория истории**", стоящего в заголовка этой книги. По своему первоначальному значению в греческом языке слова "теория" и "история" очень близки одно к другому: первое толкуется, как рассматривание, созерцание, ученое познание и т. п.³⁰, второе — как разузнавание, изложение добытых сведений, известное знание³¹, но в то же время слово "история" обозначает и ничто иное, а именно не самое знание, а то, что служит предметом этого знания. Говоря коротко, напр., в астрономии, изучается мир небесных тел, в зоологии и ботанике — мир органических существ и т. д., в истории же, взятой в смысле известного знания, изучается тоже история, но уже взятая в смысле некоторого прошлого, подлежащего изучению.

43

Другими словами, термин "история" употребляется в двух разных значениях, в смысле вообще знания или науки, и в смысле совокупности явлений прошлого. К первому словоупотреблению относится, наприм., выражение "естественная история", ко второму такие сочетания слов, как история солнечной системы, история земного шара, история органической жизни на земле и пр. и пр., противопоставляемые их настоящему, т. е. современному состоянию солнечной системы, земного шара, органической жизни и т. д. Впрочем, во всех случаях употребления слова "история" во втором смысле само оно, это слово, требует дополнения в виде указания на то, прошлое чего же именно имеется в виду, но когда наш термин не сопровождается таким дополнением, когда говорят просто об истории, никто не сомневается, что речь идет о прошлом какого-либо народа или государства, общее говоря, о человеческом прошлом.

Это элементарное разъяснение я считал нужным сделать к виду того, что в литературе по теории истории нередко наблюдается смешение задач теории истории, как науки, и истории, в смысле того, что этою наукою изучается. Теория исторического знания, значит, есть одно, теория исторического процесса совсем другое. Я бы сказал даже, что есть не одна, а две теории или, по крайней мере, две совершенно самостоятельные части

³⁰ В корне греч. слова *ἱστορία* мы имеем *ἰδ* с значением видеть (лат. *videre*) и *видать*, откуда *ἱστωρ* — сведущий, знающий, знаток, *ἱστέω* — разузнаваю, расследываю, расспрашиваю (и рассказываю), и *ἱστορία*.

³¹ Кареев Н.И. Из лекций по общей теории истории. Теория исторического знания. Часть I. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1913. С. 43.

единой теории, имеющей дело с прошлым народов, государств, человечества, Сообразно с этим в настоящей книге оба предмета и трактуются отдельно.

Каждая из этих двух теорий имеет свои особые вопросы, которые не должно смешивать одни с другими.

44

Перечислю некоторые вопросы **теории исторического знания и теории исторического процесса**. В первой это будут, наприм., такие вопросы: **как возможно знание прошлого**, и в каком смысле оно может быть научным? Имеет ли, далее, сама история вообще право называться наукой? В частности, в чем заключаются источники исторического знания? Что составляет его предмет? Какие его задачи? Какими приёмами исследования должна пользоваться история для добывания научных истин? Вопрос о приемах исторического исследования, о путях достижения истины, иначе говоря, об историческом методе является в теории истории, как науки, даже прямо доминирующим, и многие, поэтому готовы называть её "историческою методологией"³². Кроме некоторой общей логики, каждая наука должна иметь свою особую, так сказать, частную логику, и в этом отношении история не может и не должна составлять исключения: историческая наука тоже имеет свою специальную логику, с одной стороны, разрешающую принципиальные вопросы гносеологии, т. е. теории познания вообще, в их применении к вопросам исторического знания, а с другой рассматривающей чисто уже технические вопросы о приёмах исторического исследования³³.

45

Совсем иной характер имеют вопросы не о том, как прошлое познаётся, а о том, **как совершается то, что нами здесь познаётся**. Историческое знание, как сказано, есть одно, исторический процесс — другое. Прибавлю, что в науке прошлое берется, именно как процесс, как нечто "идущее вперед" (от лат. *procedo*) во времени, последовательно совершающееся, и в чем последующее тесно связано с предыдущим, как, наприм., в процессе патологическом (в том порядке, в каком протекает известная болезнь) или в процессе судебном (в том порядке, в каком ведется какое-либо "дело"),— **обобщая в одном понятии процесса и естественный ход вещей, и**

³² Бернгейм в "Lehrbuch der historischen Methode" под методологией понимает общее учение о существе (Begriff und Wesen) метода какой-либо науки, относя вытекающие из него отдельные приёмы (methodischen Grundsätze und Kunstgriffe) к области методики. Lehrbuch, стр. 158. У нас принято, — как это, между прочим, отмечено в "Логике" А. И. Введенского (стр. 123), — называть методикой какой-либо науки учение о методах её преподавания.

³³ О связи, интересующей нас научной дисциплины с теорией познания см. G. Simmel. Die Probleme der Geschichtsphilosophie (2 изд. 1905). Эту свою книгу автор сам определяет, как "eine erkenntnistheoretische Studie", в которой рассматривается проблема: "wie aus dem Stoffe der unmittelbaren, gelebten Wirklichkeit das theoretische Gebilde werde das wir Geschichte nennen". В технических приемах исторической науки он видит орудия, имеющие значение для достижения познавательных целей лишь на почве логических и психологических предпосылок.

установленную людьми последовательность действий.

Когда мы говорим об истории, как об известной категории великого множества разнообразных процессов, происходящих в Мировом пространстве, прежде всего, хотим знать, в каком отношении исторический процесс, совершающийся в человечестве, находится к разным процессам, имеющимся в природе, вполне ли он с ними тождественен или от них чем-либо особенным отличается. На этой почве возникает целый ряд вопросов о характере исторического процесса по сравнению с процессами, совершающимися в природе, и часть этих вопросов решается в теориях общеполитического содержания, другая же — лишь на основании изучения самой истории.

Одних общих соображений о том, как все в мире происходит, ещё недостаточно для построения теории исторического процесса, как такового: здесь ещё нужны выводы из наблюдений над тем, как совершалась история, нужны научные итоги под массой изученных исторических фактов.

46

Если теория исторического знания, как частный случай научной логики, находится в тесной связи с гносеологией, теорией познания вообще, то теория исторического процесса теснейшим образом связана с той общеполитической наукой о человеческом обществе, которая называется социологией.

Исторический процесс совершается в человеческих обществах — в народах, в государствах и т. п., т. е. исторический процесс есть процесс общественный, задача же социологии и заключается в изучении общих законов тех явлений, которые происходят в общественной жизни людей и которые мы, как именно явления чисто общественные, отличаем, наприм., от явлений жизни физической (органической) у членов того же общества. Конт, инициатор социологии, как науки о законах социальных явлений, предложил разделить её на социальную статику и на социальную динамику, изучающие, одна — законы сосуществования, другая — законы последовательности этих явлений. Сам он, вместо социальной статики, дал, однако, в своем "Курсе положительной философии" не анализ сил и факторов, действующих в истории, и её механизма, как следовало бы, а общую картину истории человечества, как она ему представлялась, но, в сущности, **теория исторического процесса и есть своего рода социальная динамика.**³⁴

Истории отдельных народов непохожи одни на другие, и мыслители много бились над разрешением вопроса о том, что в отдельных случаях обуславливало такое, а не иное течение истории. Вот один из вопросов теории исторического процесса. Далее, **какие силы вообще являются движущими в истории или источниками наблюдаемых в ней перемен?** Какие факторы участвуют в историческом процессе и какой фактор играет в нем

³⁴ Кареев Н.И. Из лекций по общей теории истории. Теория исторического знания. Часть I. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1913. С. 47.

какую роль? Какое значение принадлежит в нем сознанию и намерениям, усилиям и действиям отдельных личностей? Все это — тоже вопросы теории исторического процесса, совершенно отличные, как мы видим, от вопросов теории исторического знания. Последние относятся к области науки (знания), а те — к области жизни (бытия), как бы иногда о категории ни переплетались между собою, и как бы часто от решения одних вопросов ни зависело решение других.

В дальнейшем, ради избежания длинных обозначений "теория исторического знания" и "теория исторического процесса» я буду по временам употреблять для первой термин "**историка**", заимствованный у немцев (die Historik ¹), для второй термин "**историология**", прилагательными от которых будут "историцистический" и "историологический". Все вопросы в обеих частях теории истории могут быть разделены на общефилософские и специально-исторические. Первые, как мы видели, касаются общих принципов знания и бытия: это — проблемы гносеологии и онтологии, двух больших отделов философии, рассматривающих именно и наше знание вообще и вообще же подлежащее нашему познанию бытие.

48

Вопросы этого рода можно было бы назвать историко-философскими, если бы термин "философия истории" не имел других значений и не употреблялся притом в очень различных смыслах. Гносеологические и онтологические вопросы общей теории истории, в сущности, являются общефилософскими вопросами, только взятыми в применении к историческому знанию и историческому процессу. Специальные вопросы историки и историологии суть те, которые касаются только одной истории, взятой в обоих же смыслах этого слова. Конечно, значение общефилософских и специально исторических вопросов теории весьма различно, и интерес к ним бывает разный, с одной стороны, у людей, делающих историю своею научною специальностью, и просто образованных людей, желающих знать прошлое, с другой.

Специальные вопросы историки касаются, главным образом, того, что может быть обозначено, как техника исторической методологии. Понятно, что вопросы этого рода могут интересовать преимущественно только историков, начиная теми, которые занимаются научными исследованиями в области прошлого, и кончая теми, которые только приступают к систематическим занятиям этою наукою. Каждая человеческая деятельность имеет свою технику, и каждая техника,— лучше всего усваиваемая на практике, — может иметь свою теорию. **Научная работа историка совершается при помощи известных приемов и требует соблюдения известных правил.** Эти приемы лучше всего усваиваются навыком, путем

1

практики, иногда требующей притом особых способностей и специфической подготовки: учителю здесь приходится действовать на ученика не столько рассказом, сколько показом.

49

С другой стороны, однако, нужен и рассказ — и в смысле установления известных правил, соблюдение которых является необходимым условием научности работы, и в смысле рационального обоснования этих правил. В этом и заключается смысл существования исторической методологии, как самой существенной части историки, взятой в её специальной стороне. Для профанов в исторической науке все эти её методологические вопросы и даже вся её гносеологическая сторона, в широком смысле последнего слова, не может представлять большого интереса, чтобы не сказать: не имеет почти никакого интереса.

Совсем иное отношение обнаруживает просто образованная публика к социологической стороне истории, которую эта наука соприкасается с интересом к общественной жизни, научая нас известным образом понимать последнюю. Как добывается научное знание в истории, это — вопрос, прежде всего, затрагивающий настоящих или будущих специалистов истории, но вопрос о сущности исторического процесса заинтересовывает всякого, кто способен видеть в окружающей его действительности лишь один из моментов исторической жизни, завтра же имеющий сделаться прошлым, и кто не в состоянии равнодушно относиться к политическим, социальным и культурным зловрам дня, а потому стремится не только понять, но и оценить то, что вокруг него происходит.

Если отвлеченная наука интересуется тем, как совершался на самом деле ход истории и как вообще делается история, отказываясь при этом от всякой субъективной оценки прошлого, поскольку это не дело науки вообще, то из этого ещё не следует, чтобы наука была чем-то оторванным от жизни, чтобы жизнь не ставила науке своих требований и чтобы добытое наукою не становилось как предмет нашей субъективной оценки, так и средством в достижения наших практических целей.

50

Наука нам помогает понять жизнь, но сама жизнь заключается в наших чувствованиях и в нашей деятельности. Как ни важно для понимания самой исторической жизни общее учение о том, как же происходит исторически процесс, взятый отвлеченно, для громадного большинства не-историков, способных интересоваться историологическими вопросами, последние имеют не столько научное, теоретическое, сколько жизненное, практическое значение. С оценкою истории в прошлом с точки зрения наших потребностей и стремлений, неразрывно связываются

известные, хотя бы даже расплывчатые и туманные, желания относительно будущего. Вопрос о жизненном интересе к истории не может быть устранен из её теории. Само развитие исторической науки совершается под влиянием жизни, требования которой нередко находятся в вопиющем противоречии с теми правилами, какие выработала себе историческая наука. С другой стороны, научное знание вообще и в частности историческое знание является одним из важных факторов современной жизни, оказывающих на неё свое влияние. Вопросы о том, в каких отношениях между собою должны находиться историческая наука и общественная жизнь, в чем должна заключаться автономность исторического знания и как вместе с тем оно должно служить жизни, какую пользу обществу может приносить изучение истории, способна ли последняя служить основой для прогнозов касательно будущего, какое влияние оказывается историческим образованием на внутренние переживания и на внешнюю деятельность членов общества, все это — вопросы, так или иначе касающиеся не только самого исторического знания, но и исторического процесса, поскольку в нем участвуют (если только участвуют) сознание вообще и в частности те или другие представления и понятия, вырабатываемые историческою наукою.

51

Не только взаимные отношения исторической науки и общественной жизни заслуживают большого внимания в общей теории истории (в обеих частях последней), но и те отношения, какие возникают между историческим знанием и моральными запросами отдельной личности. Если для ученого специалиста история есть, прежде всего, дело бесстрастной и бескорыстной любознательности по отношению к бывшему, как оно было, то для человека, взятого не со стороны одной познавательной своей способности, а как существа, способного ещё и чувствовать, и оценивать, возникает на почве созерцания прошлых судеб человечества и его настоящего также и вопрос о смысле истории, отрывающей человека от научного знания и уносящий в область моральных чаяний и упований.

Кто знаком с историей возникновения и развития историологических теорий приблизительно второй половины XVIII в., тот хорошо должен знать, что центральным их вопросом с самого же начала сделался вопрос о совершающемся в истории прогрессе. В XIX в., как мы ещё увидим, идея прогресса, заключающая в себе оценку прошлого, была заменена понятием эволюции, из которого был исключен всякий элемент оценки: вопрос об этих двух отношениях к прошлому (субъективном и объективном) также не может быть исключен из общей теории истории, в какую бы сторону он ни был разрешен.

Споры в общей теории истории, конечно, не ограничиваются только что указанным вопросом.

52

Уже одно то, что в число её основных вопросов входит много таких, которые имеют гносеологическое и социологическое содержание,— влечет за собою, при существовании и в гносеологии, и в социологии разных направлений, необходимость считаться с существованием весьма различных ответов на одни и те же вопросы, смотря по тому, какой гносеологической или социологической точки зрения держится тот или другой автор. За последнее время историко-теоретическая литература значительно разрослась, и в ней, понятно, по многим важным пунктам обнаружилось разногласия, требующие, прежде всего критического отношения к ответам, дающимся на спорные вопросы. Чисто догматическое изложение в общей теории истории возможно лишь по отношению, главным образом, вопросов методологического характера: есть, в самом деле, пункты, относительно которых можно считать согласными между собою всех научно работающих историков, и в этой своей части теория истории, как нормативная дисциплина, формулирующая правила, каких в своей работе должен держаться каждый историк, может считаться вполне прочно установленным научным знанием.

II. Есть ли история наука?

Первый вопрос историки, подлежащей нашему рассмотрению, касается права истории именоваться наукою.

В настоящее время в большом ходу выражение "историческая наука" (*la science historique, die Geschichts-Wissenschaft*), но ещё сто и даже меньше лет тому назад, вместо этого, был в ходу термин "историческое искусство" (*l'art historique, die historische Kunst*).

54

В старых трактатах по **историке истории** обыкновенно отводилось место рядом с другими изобразительными искусствами вообще и в частности в ближайшем соседстве с тем изобразительным искусством, которое, как и история, пользуется средствами человеческого слова, т. е. с поэзией. Между поэзией и историей, как двумя словесно-изобразительными искусствами, старые теоретики "исторического искусства" полагали разницу в том, что последнее должно воспроизводить действительность, каковою она была на самом деле, тогда как поэзия воспроизводит ее, какова она бывает или только могла бы или должна была бы быть. С такой точки зрения истории

мыслилась, как нечто более всего родственное эпическим видам поэзии — поэме, роману, а иные готовы были даже думать, что исторический роман, пожалуй, вполне может заменить собою историю в качестве художественного воспроизведения прошлого.

В настоящее время едва ли кто-либо из теоретиков истории вернулся бы к такой именно точки зрения, но и теперь ещё раздаются голоса в пользу, взгляда на истории, как на искусство, — голоса, впрочем, очень немногих, касавшихся вопроса о том, что же такое представляет собою история. Если термин "историческое искусство", бывший во всеобщем употреблении ещё в начале XIX в. (и даже позднее), к концу XIX в. заменился термином "историческая наука", то это указывает лишь на то, что и сама история, и взгляды на неё в течение этого столетия сильно изменились. Во Франции до сих пор делается различие между "науками" (sciences), под которыми разумеются математика и естествознание, с одной стороны, и "словесностью" (lettres), к которой причисляется и история с другой, но, тем не менее, и выражение "историческая наука" (la science historique) пользуется правом гражданства.

54

Было, однако, время, когда приходилось говорить лишь о возможности и для истории сделаться наукою или называться наукою. Когда, напр., в середине прошлого столетия Бокль, в своей знаменитой „Истории цивилизации в Англии“, с большою резкостью напал на научную отсталость истории, один из видных тогдашних немецких историков, Дройзен, написал по поводу взглядов Бокля статью под характерным названием "Возведение истории на степень науки" (Die Erhebung der Geschichte zum Eng einer Wissenschaft). Здесь не место рассматривать, в чем прав и в чем, быть может, и неправ был Бокль, и что дала сама критика Дройзена: характерна самая мысль о необходимости возведения истории на степень науки,— той самой истории, для которой ещё так недавно отводилось место среди других изобразительных искусств.

Посмотрим теперь, **в чем разница между искусством и наукою**: для решения вопроса о том, что такое история в её теперешнем состоянии и теперешнем понимании, мы здесь не можем обойтись без установления основного различия, существующего между искусством и наукою.

Историю причисляли к искусствам изобразительным, к числу каковых принадлежат скульптура, живопись и поэзия. Главную задачу таких видов искусства теоретики, относившие к ним и историю, полагали в воспроизведении действительности при помощи резца, кисти, слова. Бюст, изваянный художником, может быть и изображением действительно существующего или существовавшего лица, его портретом, более или менее на него похожим, и продуктом чистой творческой фантазии скульптора, но воспроизводящим все-таки человеческое же лицо.

55

Пейзаж, написанный масляными красками на полотна, равным образом, может быть и списанным с натуры, и являться лишь воспроизведением того, что живописец представил себе в своем воображении. Совершенно так же понималось и различие между рассказами о чем-нибудь таком, что имело место в действительности, и о чем-нибудь выдуманном, между историей и поэзией, т.е. в обоих случаях имелось в виду творческое воспроизведение в художественном повествовании каких-либо событий, и вся разница состояла только в том, что в одних случаях события эти когда-то были на самом деле, а в других они являлись лишь выдумкою рассказчика.

Задача науки не в том, чтобы воспроизводить или изображать действительность, а в том, чтобы её понимать. В самой основе работы ученого и художника над своим материалом мы имеем дело с разными психическими процессами, т.е. другими словами, занятия наукой и искусством требуют от людей, им предающихся, далеко не однородных способностей, ибо приемы научной и художественной работы не одни и те же. В создании произведения искусства главную роль играет то, что принято называть творчеством, тогда как всякий научный труд создается тем, чему мы даем имя исследования: одна работа имеет преимущественно синтетический характер, другая — характер аналитический.

Воспроизведение черт чьего-либо лица, какого-нибудь ландшафта, того или другого события представляет собою такую же творческую работу при помощи резца, кисти, слова, как и в том случае, когда ваятель, живописец, писатель воспроизводят в мраморе, на полотне, в романе то, что существовало лишь в их собственном воображении. Словесными продуктами художественного творчества могут быть образы и картины, которым в действительности нечто соответствовало или, наоборот, не соответствовало ничего.

56

Образы пушкинского Онегина или лермонтовского Печорина отличаются от созданных Грановским образов Александра Македонского или Людовика Святого только тем, что Онегин и Печорин жили лишь в воображении Пушкина и Лермонтова, тогда как Александр Македонский и Людовик Святой были когда-то на самом деле, и Грановский воспроизвел их духовные физиономии перед нашими умственными взорами. Художественный синтез состоит в умении из отдельных черт создавать цельные образы, тогда как в науке главное — не это соединение разрозненных элементов в единое живое восприятие, а, наоборот, анализ, разложение предмета на его составные части, разъединение составляющих

его элементов, хотя бы потом все это и собиралось снова воедино.

В старых теориях словесности "сочинения" делились на **описания, повествования и рассуждения**. Первые два вида сочинений имеют свою задачу воспроизведение, последний — понимание, и это как будто указывает на то, что первые два вида ближе к задаче искусства, а последний — к задаче науки, но на самом деле это не так. Сами описания и повествования могут быть или художественными, или научными, смотря по той цели, какая им ставится, равно как и в рассуждениях может преобладать или логика, говорящая исключительно уму, или настроение, затрагивающее эмоциональную сторону нашей психики. **Научное отношение к предмету, — в описании ли и повествовании, или в рассуждении, все равно, — есть, прежде всего, отношение к нему со стороны ума, стремящегося к пониманию, отношение же художественное есть по существу своему отношение эмоциональное, в частности эстетическое,** (о чём у нас речь будет идти подробнее после и в другой связи).

58

Чтобы ещё лучше уразуметь разницу между историей, как одним из видов искусства, и историей в качестве науки, стоит только сравнить между собою отношения, напр., скульптора и анатома к человеческому телу, воспроизводимому первым в статуе, рассекаемому вторым на части. Сравним также рисунки того же человеческого тела в каком-либо художественном альбоме или в анатомическом атласе, в учебнике анатомии! В последнем это самое тело даётся, так сказать, анализированным: вот рисунок человеческого скелета; вот другой, изображающей мускулатуру, а рядом с ним третий, на котором изображена кровеносная система; затем вот ещё чертёж нервной системы или рисунок расположения внутренних органов человека.

Для большей наглядности ещё один пример. Гобелены, художественные ковры, на которых часто бывают изображены очень сложные композиции, в роде мифологических или исторических картин, бытовых сцен и т. п., ткуются особенным образом из разноцветных нитей, то появляющихся на поверхности ткани, то скрывающихся и видных только на её изнанке. Художник, который пожелал бы изображённую на гобелене картину воспроизвести масляными красками на полотне или акварелью на бумаге, сделал бы соответственный рисунок и потом раскрасил бы его, придерживаясь цветовых эффектов оригинала, и только. Совершенно иначе поступил бы тот, кого заинтересовал бы вопрос, как выткана была такая картина: ему пришлось бы, пожалуй, для достижения своей цели прибегнуть к своего рода анатомии, раздёргать ткань на отдельные нити, дабы понять, как они переплетаются здесь и там и тем самым дают в результате отдельные элементы сложной композиции.

Художественную историю я и уподобил бы копии, сделанной или масляными, или акварельными красками с гобеленовой картины, научная же

история в данном случае была бы подобна раздергиванию отдельных разноцветных нитей ткани, в результате которого получилось бы объяснение того, в каких комбинациях они дали интересующую нас картину¹.

Я думаю, однако, что существование истории с научною задачею не устраняет существования истории с задачею художественного воспроизведения прошлого: это лишь два различных отношения к одному и тому же предмету, и поскольку история претендует на право именоваться наукою, она должна ясно понять свою задачу и отграничить её от той задачи, какую истории ставили в те времена, когда на неё смотрели, как на одно из изобразительных искусств.

59

Одно другому нисколько не должно мешать, да и не мешает на самом деле, как, и с другой стороны, художественной истории с её фактической правдою нисколько не мешает исторический роман с неизбежными в нём выдумками, т.е. небылицами.

Прекрасно, могут возразить на все сказанное выше,— вы установили различие между историей-искусством и историей-наукой, но ещё вопрос, может ли быть история наукою, и не правы ли были те, которые, противопоставляя искусство науки, как раз сами же зачисляли истории в область искусства, не находя ей места в ряду наук.

Против права истории быть причисляемою к наукам делались разные возражения, главнейшие из которых нами и будут теперь рассмотрены.

Одно из этих возражений было ещё много лет тому назад сформулировано знаменитым родоначальником пессимистической философии, Шопенгауэром. По его словам, история не может претендовать на право именоваться наукою, "так как она не может похвастаться такими же достоинствами, как прочие науки", ибо "в ней нет основного характера всякой науки, т. е. подведения узнанного под общее понятие; вместо того, она дает только координацию своих данных". Поэтому, продолжает Шопенгауэр, нет никакой системы истории, как есть в каждой из других наук. Хотя она и есть знание, но она не наука, ибо нигде она не познаёт частного посредством общего... Науки, так как они представляют собою системы понятий, говорят всегда только о видах, а история говорит об

¹ Очень обстоятельное (более, нежели на двух печатных листах) опровержение принадлежности истории к искусствам, а не к наукам есть в специальном § (das Verhältnis der Geschichte zur Kunst) книги Бернгейма "Lehrbuch der historischen Methode". Если речь идет о художественности изложения научных результатов, это не касается существа дела и совершенно так же относится, кроме истории, к другим наукам. Соображение о том, что средства исторических исследования и репродукции имеют художественную природу, заключаясь в фантазии, опровергается тем, что роль воображения в науке существенно отличается от таковой в искусстве, ибо в первом случае оно связано с известными данными и с методологическими правилами связывания этих данных. Наконец, объявление истории искусством особого рода на том основании, что она занимается не общими понятиями и законами, а наглядною передачею единичных действительностей, оспаривается с точки зрения нахождения историей закономерностей между единичным и причинною связью развития, чем искусство не занимается. Смешение научной и художественной задач Бернгейм справедливо считает вредным.

индивидуумах. Поэтому её можно было бы назвать наукою об индивидуумах, если бы в этом выражении не было противоречия. Из этого же положения следует, что науки говорят о том, что существуете всегда, а история только о том, что было раз, и чего уже более нет¹.

60

Исходным пунктом этого рассуждения является противоположение истории, занимающейся только единичными предметами, естествознанию, занимающемуся, наоборот, лишь общим, родами и видами. Посмотрим, однако, так ли это на самом деле.

Конечно, такие науки, как зоология и ботаника, изучают не отдельных волков или перепелок и не отдельные дубы или папоротники, а волка, перепелку, дуб, папоротник вообще, т.е. известные виды, подвиды, разновидности и т. п. животного или растительного царства. Но в том же самом естествознании есть науки, интересующиеся как раз единичными предметами, занимающаяся их изучением, именно как таковых, т.е. в их индивидуальности. Разве солнце, это единичное солнце, центральное светило нашей планетной системы, не является предметом громад наго количества научных усилий познать его во всех индивидуальных его чертах? Разве, далее, астрономы не интересуются так же специальным изучением отдельных планет и их индивидуальных же особенностей, наприм., Марса с его красноватым цветом и с его загадочными каналами или Сатурна с его замечательным кольцом?

61

Разве, равным образом, и печальный спутник нашей земли, луна, также ведь единичный, хотя и не единственный в своем роде предмет (вспомним хотя бы спутников Юпитера), не составляет особого предмета изучения и именно в качестве единственного спутника земли со своими чисто индивидуальными чертами? А наше обиталище, земной шар? В геологии, в географии не изучается ли он вдоль и поперек, не как одна из планет солнечной системы, вращающаяся вокруг своей оси и вокруг централь наго светила по некоторым общим законам, найденным астрономией, а именно, как некоторая индивидуальность в ряду других планет, с суточным движением в 24 часа и годовым в $365 \frac{1}{4}$ дней и имеющая свою физиономию — и в распределении суши и воды, и в распределены на суше гор и равнин, и в том, что мы называем климатическими поясами, и во многом, очень многом ещё другом? Одним словом, и в естествознании есть отделы, занимающиеся не общим, а единичными предметами, не родами и видами, а индивидуальностями. Дело, значит, не в том, что является предметом науки,

¹ А. Шопенгауэр. Мир как воля и представление, стр. 536. Шопенгауэр высказывался в том смысле, что история – предмет, почти недостойный серьезного и трудного изучения со стороны человеческого духа.

а в том, как наука своим предметом занимается, будет ли этим предметом нечто общее, или нечто единичное.

С другой стороны, верно ли, что то, чем занимается история, может быть предметом только координирования, отнюдь не субординирования? Разве в делах человеческих все так разрозненно, что и речи здесь не должно быть о разных категориях, могущих быть предметом классификаций, или о некоторых общих законах, наблюдаемых в однородных случаях?

Касается ли дело явлений физического мира, изучаемых естествознанием, или фактов человеческой жизни, которыми занимается история, все науки, — без всякого различия между изучаемыми категориями действительности, — могут быть разделены на два больших разряда, которым родоначальник социологии, Огюст Конт, дал название наук абстрактных и наук конкретных.

62

Вот собственные слова Конта об этом предмете: "одни науки — абстрактные, общие, которые имеют целью открытие законов, управляющих разными родами явлений; другие, конкретные, особенные, описательные, состоять в применении этих законов к действительной истории различных существующих предметов".

С точки зрения этой классификации механика, физика, химия, будут науками абстрактными, геология же, изучающая земную кору при помощи знания законов механики, физики и химии, — наукою конкретной. Абстрактными науками будут, равным образом, психология или политическая экономия, изучающие законы явлений душевной или хозяйственной жизни вообще, тогда как, если мы изучаем эти явления в конкретных случаях того или другого отдельного общества (народа, государства), у нас будет и наука конкретная — история, статистика. Общее есть область наук абстрактных, единичное — наук конкретных. И единичное, и общее совершенно одинаково может быть, повторяю, предметом научного изучения и тогда, когда мы имеем дело с природою, и тогда, когда занимаемся миром человеческой истории.

Ещё в одной из более ранних своих работ историко-теоретического содержания, приняв контовское разделение наук на науки об общих законах и науки об отдельных явлениях, я высказался против контовской терминологии, которая, по моему мнению, содержит в себе поводы для некоторых недоразумений, и заменил для себя его терминологию другою: науки об общих законах были названы мною "номологическими" (от греч. слова νόμος, закон), науки об определённых явлениях — "феноменологическими" (от греч. слова φαινόμενον, явление).

63

Уже много времени спустя в немецкой философской литературе сделано было аналогичное различие между двумя категориями наук, из которых одна при этом получила название наук "номотетических", т.е. устанавливающих законы, другая — наук „идеографических", т.е. описывающих отдельные, единичные предметы. Это, в сущности, есть не что иное, как контовское различие, только с другой терминологией ¹.

64

Если признавать право на название "наука" только за "абстрактными", т.е. номологическим или номотетическим знанием, то история, представляющая собою знание "конкретное", феноменологическое или идеографическое, конечно, не наука, а в таком случае и многие части естествознания, имеющие такой же характер, тоже не науки. Но в данном случае пришлось бы, сузив понятие науки, для идеографических изучений придумывать какое-нибудь другое название, что вовсе не вызывается какою-либо необходимостью ². История — наука, но, понятно, это не такая наука, как, наприм., физика, имеющая дело с общими законами, а не с отдельными фактами. С другой стороны, ошибочно было бы думать, что только явления природы могут доставлять материал для номологического знания, ибо то, что в истории изучается идеографически, вместе с тем может изучаться и номологически — в социологии.

65

¹ Новая терминология принадлежит немецкому философу В. Виндельбанду, употребившему его в своей речи "История и естествознание", произнесенной в Страсбургском университете в 1894 г.; см. её перевод в "Прелюдиях" Виндельбанда, сделанный С. Франком (1904); интересующее нас место находится на стр. 320 этого перевода. Другой немецкий философ, Г. Риккерт, в своей „Философии истории" (см рус. пер. С. Гессена. 1908) различает "генерализирующий и индивидуализирующий" методы (или понимания действительности), о чем стр. 19 и сход. рус. перевода. При этом он указывает на применение генерализирующего метода в науках, формулирующих законы" (стр. 59, 64 и др.). G. Simmel в книге "Probleme der Geschichtsphilosophie" тоже стоит на точке зрения "принципиальной двойственности историко-фактического (historische-tatsachliche) знания и знания законов" (стр. 95—96 и 136—137 по 2 изд.). В русской литературе, см. первый выпуск "Методологии истории" акад. А. С. Лаппо-Данилевский, усвоившего терминологию Виндельбанда и защищающего идеографичность истории. Решительным противником "чистой идеографичности истории" выступает, проф. А. И. Введенский в своей "Логике, как части теории познания" (1912), стр. 90—91. Ср. о его взглядах на научное значение истории ниже, стр. 77. Я здесь воздерживаюсь от разбора взглядов названных писателей и нарочно обхожу молчанием то, что они говорят об истории по сравнению с естествознанием.

² Поэтому нельзя не согласиться с Зиммелем, когда он говорит, что если "кто-либо склонен давать титул науки только признанным законам, отказывая в нем установлению фактов (Thatsachenfeststellung), без которых те никогда не могли бы дать изображения действительности, то это простой словесный спор (eine behanglose Eifersucht auf Worte)". „Действительность, прибавляет он, ставить перед нами два обособленных вида проблем, которые важно разрешать, а не, так или иначе, титуловать". Die Probleme der Geschichtsphilosophie, стр. 96.

III. Предмет и задача исторической науки

Подойдем к вопросу о праве истории называться наукою с другой стороны.

Характер науки определяется, во-первых, её предметом, во-вторых, её задачей, в-третьих, её методом. Нужно, именно, прежде всего, чтобы предмет, изучаемый наукою, быть вообще доступен нашему познанию, чтобы, далее, задача, какую себе наука ставит, вообще была разрешима, и чтобы, наконец, метод, которым она пользуется, был вообще правилен в логическом отношении. **То, что не может быть познаваемо, не может быть и предметом науки,** как, напри., мир сущностей, противоположаемый миру явлений: здесь — область веры или фантазии, достояние религии или метафизики, а не область знания, не достояние науки. Не могут, равным образом, быть признаны научными задачи, подобные тем, какие ставились в средние века астрологией или алхимией — предсказывать будущее по расположению планет среди созвездий и по их, планет, "соединениям" или превращать все металлы в золото. Так же, наконец, и метод, напри., заключения от последовательности двух явлений к существованию между ними причинной связи (post hoc, ergo propter hoc), если бы он допускался исследованием каких-либо отношений, был бы ненаучен. Спрашивается, выдерживает ли научность истории испытание с точки зрения её предмета, задачи и метода.

Пункт первый: **то, что составляет предмет истории, не выходит за пределы мира явлений, могущего быть познаваемым, и с этой стороны научность истории не может быть отвергаема.**

66

Между прочим, нельзя не обратить внимания на то, что в наше время совершенно прекратились попытки смотреть на прошлое человечество, лишь как на внешнее отображение некоторого процесса, совершающегося и в мире ноуменов, пользуясь термином Платона, или вещей в себе, применяя известное выражение Канта. **Метафизические философы конца XVIII и начала XIX в. как раз нападали на историю за то, что в научном отношении составляет её силу, ибо историческое знание апостериорно, тогда как эти философы выше всего ставили знание, получаемое a priori.** Самым замечательным памятником такого ненаучного отношения к истории навсегда останется "Философия истории" Гегеля, в которой истинным предметом истории является не реальное прошлое человечества, а некий процесс, совершавшийся в метафизических недрах Мирового Духа. Современная историческая наука не имеет ничего общего с подобными представлениями, да и во времена господства гегелевой философии

настоящие историки не только не разделяли таких воззрений, но и прямо против них протестовали. Особенность предмета истории заключается в том, что в ней изучается не настоящее, а прошлое, нечто бывшее прежде, но теперь не существующее³.

67

Решение вопроса, возможно ли вообще познание прошлого, зависит от того, имеются ли в настоящем в распоряжении нашем какие-либо реальные данные, которые свидетельствовали бы о том, что в прошлом нечто было и как оно было. Настоящее, строго говоря, есть лишь грань, отделяющая будущее от прошедшего: не только сегодняшний день завтра же сделается вчерашним, но и каждый час, каждая минута, каждая секунда немедленно же отходят в прошлое. И не одна только наша наука, занимающаяся прошлым народов и государств, но и естествознание, которое так любят противопоставлять истории, не обходится без устремлений в прошлое, как, напр., прежде всего, геология и палеонтология, имеющие дело с такими периодами в прошлом земли и жизни на ней, с которыми по хронологической от нас отдаленности совсем не могут идти в сравнение даже самые древние исторические времена. Если геологии никто не отказывает в титуле науки, когда она старается проникнуть за сотни тысяч и миллионы лет до нашего времени, то нет основания и историю не признавать за науку. Мало того, за историей, по сравнению с исторической геологией, нужно даже признать в научном отношении то преимущество, что у второй нет в распоряжении такого материала, каким располагает первая: все исторические заключения геологов основываются на известных материальных остатках от прежних состояний земной коры, тогда как для историков подобные материальные остатки от прежних периодов играют роль второстепенную сравнительно с прямыми свидетельствами очевидцев того, что некогда здесь или там происходило в жизни разных народов.

68

Пункт второй: что же составляет задачу истории и имеет ли эта задача научный характер? Когда старые теоретики истории, причислявшие ее к искусствам, говорили о воспроизведении прошлого, они были правы, но

³ Отсюда одно соображение против права истории называться наукою, не заключающее, однако, в себе отрицания научности истории. "Нет таких фактов,— говорит французский историк Сеньобос — которые были бы историческими по своей природе, как это бывает с фактами физиологическими или биологическими". Это суть факты прошлого, а не настоящего, но «принадлежность к настоящему или прошлому не есть различие внутреннего характера, присущее природе факта; это — различие положения, которое он занимает относительно наблюдения... Итак, заключает названный автор, фактов, исторических по природе, не существует, есть факты исторические только, по положению. Историческим будет всякий факт, который мы не можем более наблюдать непосредственно, так как он перестал существовать. Исторического характера, присущего фактам, не существует, есть только исторический способ, которым мы познаем их. История не наука; она только особый процесс познания". Ш. Сеньобос. Исторический метод в применении к социальным наукам (1902), стр. 4 — 5.

ошибались только в том случае, когда настаивали, что это воспроизведение прошлого совершается лишь для такого же его созерцания, какое дается произведениями изобразительных искусств. Первая задача историка, действительно, состоит в восстановлении фактов прошлого, но не для их созерцания, а для их понимания,— в восстановлении того, что было и как было тогда-то и тогда-то, там-то и там-то, т. е. в определенных времена и в определенных местах.

Об этом, как мы условились выразаться, идеографическом характере исторической науки (в отличие от номологического характера социологии) уже достаточно было сказано выше, и было еще прибавлено, что задачу науки нельзя ограничивать одним исследованием общих законов, совершенно устраняя из нее все частное, особенное, индивидуальное.

Можно было бы привести целый ряд мнений о том, что история не наука, основанных на соображении, что она не ставит своей задачей открытие законов. Между прочим, такая мысль была высказана еще Боклем.

В своей "Истории цивилизации в Англии" он называет „несчастною особенностью" истории в сравнении с другими науками то, что историки не занимаются открытием законов.

69

Отдельные части истории, говорит он, исследованы искусно, но все это — простые рассказы, тогда как "во всех других великих областях знания необходимость обобщения признана всеми и сделаны благородные попытки возвыситься над отдельными фактами и открыть законы, управляющие этими фактами". Историков Бокль, главным образом, и упрекал за то, что они "очень далеки от подобного взгляда" ⁴).

Преобразование истории по типу номологических наук было бы ее упразднение или, вернее, превращение в социологию. Одно и то же, повторяю, может изучаться и идиографически, и номологически: оба изучения при соблюдении известных условий одинаково научны. Знание законов какой-либо категории явлений, конечно, очень важно, давая возможность как предсказывать то, что должно наступить, так и достигать в своей деятельности намеченных целей, но если бы наукою можно было называть лишь такие отрасли знания, в которых возможны точные предсказания или которые давали бы какие-либо практические наставления, то из науки пришлось бы исключить массу реальных званий даже в таких областях, где многое предсказывается верно. Довольно часто повторяемое профанами мнение, что история не может почитаться наукою, так как не в состоянии предсказывать грядущие события, свидетельствует лишь о том, что самому понятию "наука" придается условный и ограниченный смысл. Да, история не предсказывает будущего, потому что, изучая прошедшее, и не ставит себе задачи пророчествовать о грядущем. "Вы историк,— приходится

⁴ Бокль. История цивилизации в Англии (и863), т. I, стр. 2.

мне нередко слышать, а потому должны предсказать, что же будет дальше", и единственным возможным ответом на подобные вопросы я считаю указание на то, что история подобна зеркалу, в котором — хорошо ли, дурно ли — отражается прошедшее, но которое тотчас же тускнеет и отказывается что-либо отражать, как только его поворачивают к будущему.

70

По форме это, конечно, шутка, но по существу дела иного ответа и дать нельзя на предъявление истории требования быть наукою и о будущем. Столь же мало заслуживает длинного опровержения и взгляд на историю, ставящий ей чисто утилитарную цель — давать наставления, как разрешать ставимые нами себе задачи в нашей практической деятельности. Шутники говорят: история учить, что ничему не научает". Это не совсем так, — о чём и будет сказано в своем месте, — но и не дело какой бы то ни было чистой науки кого-либо чему-либо учить в практическом смысле слова.

Необходимо вообще различать науки чистые и науки прикладные. Одни основаны на строго теоретическом отношении к знанию, на бескорыстном желании знать то или другое без всякой мысли о том, чтобы извлекать из своего знания какую-нибудь практическую пользу, так или иначе применять его к жизни, тогда как другие стоят к знанию в утилитарном отношении, т.-е. занимаются применением чистого знания к решению разных задач, ставимых жизнью. Отрицание за историей права называется наукою по тому соображению, что она не открывает законов, на основании которых можно было бы предсказывать будущее или известным образом направлять свою деятельность, диктуется как раз утилитарным отношением к знанию. Собственно говоря, настоящая наука есть одна наука чистая, а все остальное — уже только искусство, не в художественном, а в техническом смысле или, коротко говоря, техника.

71

Задача истории не в том, чтобы открывать какие-либо законы (на то есть социология) или давать практические наставления (это — дело политики), а в том, чтобы изучать конкретное прошлое без какого бы то ни было поползновения предсказывать будущее, как бы изучение прошлого и ни помогало в иных случаях предвидению того, что может случиться или наступить. Если данными и выводами истории воспользуются социолог, политик, публицист, тем лучше, но основной мотив интереса к прошлому в истории, понимаемой исключительно в качестве чистой науки, имеет совершенно самостоятельный характер: его источник в том, что мы называем любознательностью, на разных ее ступенях — от простого и часто поверхностного любопытства до настоящей и очень глубокой жажды знания.

Человеческая любознательность может быть направлена и в сторону

общего, как что бывает и происходит безотносительно к отдельным случаям в определенных местах и временах, и в сторону, наоборот, как раз данных предметов или фактов, приурочиваемых нами к известному месту, к известному времени. Историческое изучение собственно и возникает на почве не общего интереса к тому, как протекает жизнь народов и государств, а особого интереса к прошлому какой-нибудь страны, народа, государства, какого-нибудь города или области, учреждения, социального класса, политической партии и т. п. в известной стране и в известный хронологический период. Говоря это, я, в сущности, повторяю то, что уже было сказано об идеографическом характере исторической науки, общем для нее, как мы видели, и с некоторыми отделами естествознания.

72

Другой вопрос — почему в иных случаях мы довольствуемся только знанием общего, т. е. родов и видов или законов, а в других стремимся к знанию конкретного, отдельного, только раз нам данного в таком-то месте и в такое-то время. На это есть свои причины, о которых еще будет речь дальше, но факт остается фактом: существование научного интереса не только к общему, но и к отдельному.

Интерес к отдельному тоже может быть научным, как научение и интерес к общему. Все дело в том, чтобы бескорыстно стремиться к истине, к знанию и пониманию, и чтобы добиваться истины исключительно теми способами, которые имеют в виду только её одну и одни к ней приводят. Учёный, исследующий происхождение "Илиады" или нашей начальной летописи, изучающий возникновение императорской власти в Риме или возвышение Москвы, прослеживающий историю английского парламента или созданного Петром Великим сената, делает научное дело, хотя и греческая поэма, описывающая битвы под Троей, и наша летопись, которую называют Несторовою, и новая власть в Риме, возникшая при Августе, и город, сделавшийся шесть веков тому назад центром собиранья Руси, и оба названные выше учреждения, английское и русское,— все это существовало в единственном числе, в определенном месте, в определенное время, с особыми, индивидуальными чертами, отличающими, напр., Илиаду от Одиссеи, летопись Нестора от Ипатьевской, римскую императорскую власть от афинской тирании, московское собиранье Руси от литовского, английский парламента от французских генеральных штатов, петровский сенат от боярской думы Московского государства. Такими же, т.е. только однажды данными и обладающими своим строго индивидуальным обликом, предметами исторического изучения являются также и отдельные страны, народы, государства, Египет с фараоновских времен до современной английской оккупации, греки на всем протяжении истории этой национальности, Афины, Рим, Франция, Польша, Россия.

73

Даже в том случае, когда предметом истории мы сделаем все человечество, она не утратит своего идеографического характера, поскольку нашему знанию дано только одно человечество, как даны только одно наше солнце, один наш земной шар, одна наша луна, сколь бы ни существовало других солнц, других планет и их спутников, но именно других, т. е. не таких или, по крайней мере, не во всем таких, как наши. Если идеографичность истории мешает ей быть наукою, то, как уже было сказано выше, не науки и идеографические отделы естествознания.

Ошибочно было бы думать, что все состоящее из многих единиц, все коллективное, все многое, образующее какую-либо категории, тем самым уже не есть предмет идеографического изучения. На эту тему необходимо распространиться в виду одного недоразумения, возникшего в методологии истории по поводу различия между общим и индивидуальным в применении к вопросу, как о предмете, так и о задаче исторической науки.

Дело в том, что некоторые писатели, противопоставляя единичным явлениям явления массовые, коллективные, отождествляли последние с тем общим, которым должна заниматься наука, в отличие от всего, данного только в единственном числе. С такой точки зрения, напр., Петр Великий подойдет под последнюю категорию данного в единственном числе, а вообще русские люди конца XVII и начала XVIII века — под некоторое общее понятие.

74

Пусть, однако, в данном примере "русский народ" будет своего рода коллективным понятием, но это отнюдь не помешает ему все-таки обозначать некоторую лишь единожды данную нам индивидуальность, хотя бы и коллективную: как-никак, и русский народ всё-таки есть некоторое единичное явление, как географически, так и хронологически определённое. Нужно различать между действительно общим понятием "народ" (т.е. всякий народ) и такими единичными экземплярами этого родового понятия, каковыми являются отдельные народы, остающиеся все-таки объектами идеографического изучения, хотя бы каждый из них и был совокупностью громадного количества индивидуумов. Ведь и статистика, занимающаяся массовыми или групповыми явлениями, несмотря на это, все-таки рассматривается, как идеографическая дисциплина⁵. Между тем при всей

⁵ А. А. Чупров. Очерки из теории статистики (и909), стр. 20 и след. Обращаю внимание читателя на эту книгу, в которой он так же, как и в "Методологии истории" А. С. Лаппо-Данилевского (ст. выше), найдем сопоставление и сравнение идеографии и номографии (термин А. А. Чупрова). Исходный пункт автора в области общей теории науки находится в различении, сделанном Риккертом, между двумя категориями наук (ср. выше, стр. 64), причем Риккерт (и Виндельбанду) он ставит в заслугу "ликвидацию предрассудка, будто идеографическое знание имеет низшую научную ценность по сравнению с номографическим", стр. XXXV.

своей идеографичности "статистический интерес выдвигает вперед не единичный предмет, а совокупность", или то, что немцы обозначают термином "Gesamtheit"⁶. Нужно, именно, разобраться в различии между категориями понятий родовых и понятий групповых. Статистика занимается не родами, а группами, и её характерною чертою является "сжатие единичных явлений в совокупности", которое отлично от номологического обобщения⁷.

75

Настаивая на идеографическом характере исторического знания и на праве такого знания называться научным, нельзя здесь же не отметить еще, что всякое идеографическое знание только тогда, действительно, имеет научный характер, когда какое-либо изучаемое нами явление рассматривается с точки зрения некоторых общих идей, входящих в состав теории данного разряда явлений, отвлеченно взятого. Астроном изучает явления, происходящая на центральном светиле нашей планетной системы, но он пользуется при этом данными и выводами механики, физики и химии. Без этих наук, равным образом, не может обойтись и геолог, изучающий строение земной коры. Идеографическое знание научно лишь тогда, когда оно, так сказать, получает номологическое освещение. У каждого историка,— если он только не простой собиратель и описыватель фактов,— должны быть общие исторические идеи, которые им и прилагаются к объяснению изучаемых им фактов. Раз задача истории-науки, в отличие от задачи истории-искусства, состоящей в картинном воспроизведении прошлого, заключается в объяснении последнего, тем самым историк уменятся в обязанность не только быть исследователем, но и мыслителем, т. е. применять при этом к объяснению фактов общие понятия и формулы, составляющая основную особенность номологических наук.

76

Всякое иное отношение к истории может считаться чем угодно, но только не историческою наукою, как таковою: подготовлением, наприм., фактического материала для науки, но не его научною обработкою, и в этом отношении история не составляет исключения среди других наук, нуждающихся в фактическом материале, как в необходимом фундаменте для научных построений, одинаково и номологического, и идеографического содержания. Отыскивание и собирание такого материала, это — лишь первые шаги к науке, но далеко не сама еще наука⁸.

⁶ Там же, стр. 55.

⁷ Там же, стр. 88. По всему вопросу о групповых понятиях см. ещё Г. Риккерт. Философия истории (1908), стр. 43 и след.

⁸ Проф. А. И. Введенский в своей "Логике, как части теории познания", особенно настаивающий на том, что наука „стремится главным образом к доказательству общих суждений", и оправдывающая это стремление

Рассмотрев вопрос о научности истории со стороны ее предмета и задачи, перейдем к вопросу о её методе.

77

задачу науки выяснять законы явлений и причины, производящие движения (стр. 84 и след.), решительно высказывается против „чистой идеографичности истории“ (стр. 90 — 91). По его мнению, и в истории важнейшую роль играют общие суждения“ (стр. 88 и след.), поскольку она исследует причины, узнать же причину события "значит узнать то, повторение чего всегда приводит к повторению этого события, т. е. доказать общее суждение". Кроме того, он думает, что и история должна открывать законы изучаемых ею явлений или, по крайней мере, "давать почувствовать эти законы". Наконец, и материалы для истории устанавливаются с помощью общих суждений, ибо при восстановлении прошлого "приходится пользоваться суждениями... высказывающими общечеловеческие свойства". В другом месте он также говорит что "наукой можно называть только такие (исторические) работы, которые не ограничиваются лишь единичными и частным, но или доказывают общие суждения, или, по крайней мере, объясняют ими единичное и частное". Впрочем, в виде уступки он готов называть наукой и такие работы, в которых с помощью источников только доказывалась правильность частных суждений, поскольку "характерным признаком науки служить употребление доказательств" (стр. 223). Это уже некоторая уступка.

IV. Метод и материал исторической науки

Метод в каждой науке есть тот путь⁹, по которому нужно идти к познанию истины (безразлично истины фактической или теоретической). Таких путей существует не один, ибо каждая категория изучаемых в науках предметов требует применения и особых способов достижения истины. Каковы бы, однако, ни были допускаемые научною работою методы, в основе их должны лежать общие законы логики. Знание, добытое приёмами мышления, противоречащими требованиям логики, не есть научное Знание, даже и не знание вовсе, совершенно так же, как нельзя назвать научным знанием нечто такое, что находится в противоречии с фактами. Частные, так сказать, логики наук: логика математики, логика химии, логика истории, всё это — только специальные части единой научной логики, которые, конечно, лучше всего и могут разрабатываться только представителями соответственных отраслей знания в зависимости, как от задач этих отраслей, так и от того материала, над которым при этом приходится оперировать.

78

Математика, изучающая количественные и пространственные отношения и выражающая их в общих понятиях и формулах, пользуется методом абстрактно-дедуктивным. Та истина, что сумма углов всякого треугольника равна двум прямым углам, или та, что квадрат, построенный на гипотенузе, равновелик с квадратами, построенными на катетах, вовсе не была найдена путем ряда измерений углов в отдельных треугольниках или площадей квадратов, а выведена путем простого рассуждения из других истин, в свою очередь выведенных ещё из других, пока мы не дойдем до истин самоочевидных, или аксиом. Абстрактно-дедуктивный метод есть по преимуществу метод математический, хотя возможно применение его к изучению не одних количественных отношений. Наприм., так называемая классическая школа политической экономии, основание которой было положено Адамом Смитом, работала этим методом, взяв за исходные свои пункты тоже некоторые положения аксиоматического характера и выводя одни свои теоремы из других. В своем месте мы ещё будем говорить о том, как в виде реакции против абстрактно-дедуктивного метода "классической" политической экономии возникла в этой науке историческая школа,

⁹ Греческое слово μέθοδος; состоит из предлога μετά, имеющего довольно разнообразные значения, и сущ. ὁδός, что значить дорога, путь, шествие, средство. По-русски метод называется иногда приёмом, с тем, впрочем, различием, что под методом разумеют иногда и совокупность однородных приёмов, а не один только какой-либо приём, тогда как под приёмом, всегда только один какой-либо способ. Только этим различием можно ещё оправдать часто у нас встречающееся выражение "методологические приёмы", собственно, заключающее в себе тавтологию.

указавшая на необходимость обращена к исторической точке зрения, к историческому материалу и к историческому методу.

Действительно, метод математики и метод истории представляют собою полную противоположность. Метафизические мыслители конца XVIII и начала XIX в., верившие в непогрешимость априорного мышления, иногда даже высказывались об истории в прямо пренебрежительном тоне, как о чём-то недостойном внимания со стороны настоящих мыслителей, говорили о полной несоединимости философии и истории и предоставляли последнюю в распоряжение тупых голов¹⁰.

79

С другой стороны, в своем безусловном доверии к абстрактно-дедуктивному мышлению некоторые из этих философов считали даже возможным построить историю чисто априорным путем, как это, наприм., заявлял Фихте, а Гегель и осуществлял на практике в своей „Философии истории“, в которой общий ход истории человечества выводился из некоторой, по отношению к этой истории априорной формулы¹¹. Какие конфликты между философией и историей могли получаться на этой почве, можно видеть из следующего эпизода.

Знаменитый немецкий мыслитель Фихте высказывался в том смысле, что философ может следить за ходом истории по априорному мировому плану, "который для него ясен без всякой истории", и что если он обращается к последней, то вовсе не ради доказательства своих положений, "доказанных ранее всякой истории и от нее независимо". Когда думавший так Фихте получил от не менее известного немецкого филолога Вольфа его глубокое исследование о происхождении поэм Гомера, то написал ему, что и сам он чисто априорным путем пришел к такому же выводу, к какому Вольфа привела его ученая критика. На это последний иронически отвечал, что раз можно узнавать подобные вещи а priori, было бы хорошо таким способом знакомиться с историей народов, от которых сохранились только их имена.

Что историку по временам приходится прибегать и к дедукции, в том, как мы еще увидим, не может быть никакого сомнения, но для историка дедукция — лишь одно из вспомогательных средств, а не главный путь, по которому он должен идти.

80

Своим методом математика существенно отличается от всех других наук, которые должны изучать самую действительность, отдельные категории её явлений, рассматривая самые эти явления, а не соответствующая им абстрактные понятия.

¹⁰ О. В. Ф. И., кн. I, гл. 4.

¹¹ Там же, кн. I, гл. 3.

Далее, при изучении некоторых явлений действительности исследователи могут ставить их в искусственные условия, рассчитанные на то, чтобы таким путем получались научные ответы на интересующие нас вопросы. Это — так называемый **экспериментальный метод**, метод таких наук, по преимуществу, как физика или химия, но находящий широкое применение и в других науках. Эксперимент, или опыт в техническом смысле слова, именно и заключается в постановке изучаемого предмета в особые, нарочно, так сказать, придуманные условия, в которых легче, а иногда только и возможно узнать что-либо важное относительно изучаемого предмета или явления. Само солнце нельзя подвергнуть какому-либо эксперименту, его можно лишь наблюдать так, как оно есть, но солнечный луч можно подвергнуть эксперименту, пропустив его через трехгранную призму, через какую-нибудь прозрачную жидкость и т. п. Нечего говорить, что **экспериментальный метод к истории неприменим**. История — дело прошлое, а с тем, чего сейчас уже нет, и в природе никакие опыты невозможны. Если, однако, иногда и говорят, наприм., об экспериментах, производимых над обществом правителями и законодателями, то это только *façon de parler*: своего рода опыты над обществом предпринимаются, конечно, не в целях добывания научной истины. Самое большее, что историк мог бы извлечь для себя из знакомства с сущностью экспериментального метода, может заключаться разве только в том, чтобы делать как бы **мысленные опыты, представляя себе изучаемое явление в измененных условиях: если бы не было того-то, но было бы то-то, что из этого получилось бы?**

81

Таким вспомогательным средством, пожалуй, даже не следует пренебрегать, но, как и в случае обращения к дедукции, это лишь один из способов дополнять гипотезами пробелы настоящего фактического знания.

В тех случаях, когда делание экспериментов невозможно, отдельным наукам приходится вообще довольствоваться одними простыми наблюдениями над изучаемыми предметами и явлениями, когда последние даются в естественно присущих им условиях. Астроном наблюдает небесные светила и если при этом прибегает к искусственной помощи телескопа, спектроскопа или фотографического аппарата, то изменяет не условия, в каких существуют сами небесные светила, а условия своего наблюдения. Наблюдения при помощи искусственных инструментов (в роде еще микроскопов, микрофонов, термометров, барометров, химических весов и т. п.), конечно, не то же самое, что экспериментация, ибо предмета, явление берутся здесь так, как они есть (если разумеется, не происходит комбинирования обоих методов — экспериментального и обсервационного). К числу приемов планомерного наблюдения в научных целях относится, понятно, и набиране статистических сведений, но необходимое условие

какого бы то ни было планомерного наблюдения в научных целях заключается в том, чтобы наблюдаемое было дано налицо, чтобы оно было настоящим, а не тем, чего уже нет или чего еще нет. Историческая наука как раз тем и отличается, что занимается не существующим более и, следовательно, не подлежащим непосредственному наблюдению.

82

Наблюдения над современностью для историка могут быть только одним из вспомогательных средств при решении разных вопросов касательно прошлого, когда для ответов на эти вопросы нет прямых положительных данных, но это опять-таки не главное в работе историка. Если, наконец, у нас и говорят нередко об "исторических наблюдениях", то, конечно, не в буквальном значении последнего слова: на самом деле, всякие наблюдения имеют здесь значение более сложных умственных операций.

Натуралист может производить наблюдения лишь над ныне существующими видами животного и растительного царства, но, как известно, не всегда на земле существовали теперешние фауна и флора. Органическая жизнь на нашей планете имела свою длинную историю, о которой мы можем судить по остаткам или следам вымерших животных и исчезнувших растений, находимых в верхних слоях земной коры. Лишь по этим остаткам, т.е. по разным частям скелетов всяких ихтиозавров, мамонтов и т. п., или таких следов, как отпечатки рыб, растений и т. д., наука может говорить о том, какие животные и растения существовали прежде. Целая научная область посвящена этому предмету — так называемая палеонтология. В неизмеримо большем количестве такие "палеонтологические" остатки и следы сохранились из минувших времен от жизни разных народов,— остатки всяких предметов, выделявавшихся человеческими руками, и следы людских мыслей и слов, запечатлевшиеся в памяти последующих поколений, в особенности же дошедшие до нас в записанном виде.

84

Материальными остатками от прежней человеческой жизни являются разные предметы повседневного быта людей на разных ступенях развития, начиная от первобытных времен и кончая более или менее недалеким прошлым. Все, что сохранилось от таких вещей, как жилища, одежда, домашняя утварь, орудия всякого рода, оружие, храмы и алтари, изображения богов, могилы и надгробные памятники, игрушки и музыкальные инструменты, статуи и картины, монеты и всякие иные знаки в роде пограничных камней, так называемых «тессер» и т. п., все это и многое другое такого же характера, доступное непосредственному наблюдению и изучению, составляет, вообще говоря, предмета особой научной дисциплины, археологии. Для историка, конечно, важны все подобные материальные

остатки, не как самые вещи, подлежащие исследованию, определенно, описанию, классифицированию и т. п., а как своего рода немые свидетели прошедших времен, говорящие нам, как протекала человеческая жизнь в таких-то местах и в такие-то времена. Для археолога все эти остатки суть факты, им изучаемые, для историка они — лишь свидетельства о других фактах, именно о формах прежнего, ныне не существующего быта.

Не эти, однако, материальные остатки, свидетельствующие о прошедших фактах, недоступных для непосредственного наблюдения, составляют главный материал, над которым оперируют историки. Сколько бы ни вкладывал человек своей мысли в дело рук своих, все-таки настоящим органом, при помощи которого он проявляет вовне свою мысль, внутреннее содержание своей психики, может быть только его слово.

84

Пословица говорить, что слово не воробей, за хвост не поймашь; и действительно большая часть того, что было когда-либо и где-либо сказано людьми,— позволю себе так выразиться,— бесследно пропало в воздухе. Но некоторые выраженные в словах мысли слушателями запоминались, воспроизводились вновь, передавались одними людьми другим, старшими поколениями младшим, а иные мысли записывались и в записях также сохранялись для потомства. Следы прежней жизни, дошедшие до нас в форме преданий и записей, отличные от материальных остатков, и составляют главный и основной источник исторического знания, источник очень богатый, но нельзя разнообразный и особенно ясно говорящий о прошлом. Конечно, каждый словесный памятник, подобно любому памятнику вещественному, может быть и самостоятельным предметом непосредственного изучения, как факт, подлежащий исследованию, определению, описанию, сравнению с другими подобными же предметами, и вместе с тем только свидетельством, заключающем в себе какое либо известие о другом факте, которого уже нет, но который когда-то был. Первое отношение к словесным памятникам, для которого сами они суть предметы изучения, есть отношение к ним не самой истории, а филологии, как науки о произведениях человеческого слова, для истории же предметом изучения остается всё-таки само прошлое, недоступное для наблюдения, хотя бы и при помощи памятников, которые и сейчас существуют и могут быть такими же объектами непосредственного наблюдения, как любой вещественный памятник для археолога или как любое растение для ботаника, любое животное для зоолога, любая звезда или планета для астронома.

85

Вещественные и словесные памятники, изучаемые археологами и филологами, являются, таким образом, для историков не самостоятельными предметами изучения, не фактами самими по себе, а лишь источниками

нашего знания о других фактах, поскольку заключают в себе те или другие свидетельства о существовании таковых. Если математика опирается на умозрение, физика, химия и некоторые еще науки — на эксперимент, а другие, в числе которых, между прочим, находятся и статистика, археология и филология,— на наблюдения, то главную опору исторического знания являются всякого рода свидетельства, заключающиеся в вещественных или словесных памятниках, т. е. в остатках и следах, которые в том или другом виде дошли до нас от прошлого.

Оставляя в стороне математику с её исключительно умозрительным методом и априоризмом, мы можем сказать, что все остальные науки идут путем наблюдений над изучаемыми ими явлениями действительности, будут ли то непосредственные наблюдения над этими явлениями в том виде, в каком сами явления нам даны (наблюдете в более тесном смысле слова), или же мы будем наблюдать явления, поставив их в особые, нами придуманные и созданные условия (эксперимента), или же, наконец, будем пользоваться чужими свидетельствами о прежде сделанных наблюдениях, как это и имеет место в истории. Во всех этих случаях первая задача науки одна — констатировать, что нечто существует или совершается либо имело место или происходило в прошлом,— констатирование фактов, говоря короче. Это — первый шаг в познании действительности, составляющем задачу науки, но на этом, конечно, наука не останавливается.

86

Сами мы, однако, в своем расследовании путей науки на этом пока задержимся, потому что здесь мы имеем дело с основной особенностью исторического знания. То, что мы знаем (в обыденном значении этого слова), мы знаем или благодаря тому, что сами нечто видели, наблюдали, или благодаря тому, что слышали от других или о чем читали написанное другими. И в других науках чужие свидетельства составляют значительную часть содержания того, что известно каждому отдельному учёному. Астроном, живущий в Европе и из неё никогда не выезжавший, о светилах и созвездиях, видимых в Австралии, знает лишь по показаниям других, которые могли наблюдать звездное небо южного полушария. Тот же астроном, специально интересующийся солнечными затмениями, сам мог наблюдать их два-три случая, и в то же время знает подробности о целом их ряде из специальной литературы. Блестящая комета 1858 г. известна очень многим, родившимся после 1858 г. Самый ученый географ не видел и сотой или тысячной доли тех стран, гор, рек, городов и т. п., которые, однако, знает по описаниям путешественников, по фотографиям и т. п. Физик и химик могут знать о многом, не проделывая лично тех экспериментов, на основании которых покоятся те или другие научные выводы. Сказанное может быть распространено и на археологов с филологами, вынужденных обо многом знать лишь на основании чужих свидетельств или, как говорится, из вторых рук. Иначе говоря, не в одной истории знание строится на фундаменте не

непосредственных наблюдений, но и на основании чужих показаний,— только в истории, по самому существу, свидетельства других (притом опять-таки не одних очевидцев) играют главную роль. Историк подобен географу, никогда не оставлявшему родного города, но знающему тем не менее чужая страны по рассказам туземцев и путешественников.

87

Наши знания о событиях прошлого основываются, следовательно, на свидетельствах других лиц, каковые свидетельства, однако, имеют место и в других науках. Когда на предварительном или судебном следствии допрашивают свидетелей, то обращаются не только к тем из них, которые были очевидцами интересующего судебного власти факта, но и к тем, которые что-либо о нём слышали. Кроме того, суд пользуется и вещественными доказательствами, среди которых очень видную роль играют письменные документы. Человек, положим, грозил кого-нибудь убить, и это слышали многие сами, а другие об этом слышали от третьих, но, кроме того, самый факт мог бы быть доказан документально, если угроза была сделана в письме, которое было послано по назначению, получено адресатом, сохранено им и представлено в суд. Об исторических событиях мы как раз знаем очень часто не потому, что о нем нам сообщили и рассказали, а потому, что в руках у нас имеется его след в виде письменного документа. Нам могут раз сказать, что между двумя такими-то правительствами велись такие-то переговоры, но мы можем иметь перед глазами и самые эти переговоры в виде дипломатической переписки, хранящейся в архивах: здесь нам сообщают не посторонние лица о том, что писалось участниками переговоров, а говорят сами участники, т. е. свидетельское показание заменяется подлинным документом. Значение таких подлинных документов для историка имеют не только деловые бумаги, но и дружеская переписка, и дневники, и еще очень и очень многое другое, что вообще пишется людьми для каких бы то ни было целей.

88

Чем дальше от нас та или другая эпоха, тем меньше, в общем, мы имеем от неё свидетельских показаний и документов, хотя, конечно, отсюда есть множество исключений. По мере того, как уменьшается число фактических известий, знание прошлого делается все менее достоверным. Существование в истории массы, сведений, отличающихся неполнотою и неясностью, массы пробелов и сомнительных данных, массы противоречивых известий и т. п., нередко даже выставлялось, как аргумент против того, чтобы историю считать наукою. Понятно, что если мы будем сравнивать историю с точными науками, сравнение будет далеко не в её пользу, но за то ведь точные науки и называются точными, что они точны в отличие от других, которые точностью не отличаются. Однако из этого не

следует, что в истории все неточно, что она ни в чем и не может быть точною и что, в конце концов, достижение возможной точности не может составлять цели, к которой историки должны стремиться. И в наших представлениях и суждениях о прошлом земной природы, чем дальше мы уходим в глубь веков, тем более теряем какую-либо руководящую нить. Мало того, в своем целом историческая геология гораздо гипотетичнее и в подробностях менее достоверна в сравнении с тем, положим, и немногим, что мы лучше всего знаем из прошлого нескольких культурных народов. Особенно, притом, в исторической геологии по отношению к точности хромают хронологические обозначения. Что Геркуланум и Помпеи были залиты лавой и засыпаны пеплом вследствие извержения Везувия в 70 г. нашей эры, это мы знаем потому, что на этот счёт есть прямые исторические свидетельства, геолог же своими средствами не был бы в состоянии точно установить дату данного извержения Везувия.

90

Мы точно знаем последовательные даты как завоевания Римом отдельных провинций созданной им империи, так и постепенной их утраты, но можно ли говорить о какой-либо точности цифр, в которых геологи выражают продолжительность периодов в истории земного шара? А таких примеров можно было бы привести великое множество.

V. Разные роды и виды исторических источников.

Рассмотрим теперь, какие существуют главные категории источников и в связи с этим сделаем общий обзор так называемых вспомогательных исторических дисциплин (или "наук"), обязанных своим существованием тому, что пользование некоторыми категориями источников требует известных специальных сведений и технических навыков.

В просторечии источниками часто называются разного рода произведения, из которых были, наприм., почерпнуты факты или мысли для какого-нибудь сочинения. Только люди, хотя бы немного искусившиеся в терминах исторической методологии, хорошо знают, что не всякая историческая книга, из которой мы что-либо узнаём, есть исторический источник, но в работах начинающих студентов сплошь и рядом, в качестве источников этих работ, фигурируют совсем не источники.

90

Если для каждого автора такие-то и такие-то книги были источниками его фактических сведений или высказанных им мыслей, то это еще не значит, чтобы в самой науке эти книги играли именно такую роль, т. е. были теми произведениями, из которых ученые впервые о чем-либо узнают и что, таким образом, заслуживает название первоисточников. О том или другом отдельное лицо может узнать в первый раз из чтения трудов Белоха или Моммзена, но эта не значить, чтобы Белох и Моммзен были первыми, говорившими о том, что это лицо у них вычитало. Вот когда мы доберемся до произведений, где впервые о чем-либо говорится, это и будет источник или первоисточник. Истории Геродота или Фукидида, Летопись Нестора и т. п., это — источники, хотя бы и сами они были основаны на источниках, до нас не дошедших, тогда как Грот, Курциус, Эдуард Мейер, Белох или Карамзин, Соловьев, Костомаров, Ключевский, писавшие о том же самом, что мы находим у Геродота, Фукидида, Нестора, являются авторами произведений, которые, при пользовании ими в исторических работах, принято называть не источниками, а пособиями.

Исторические источники бывают очень различных категорий, но до сих пор нет общепринятой, однообразной их классификации, и даже в своей терминологии, касающейся источников, как историки вообще, так и в частности историцисты, авторы исторических методологий, очень сильно расходятся между собою. Названия отдельных категорий источников употребляются одними в одном смысле, положим, более широком, другими — в другом смысле, более узком. Наприм., одни называют памятниками безразлично чуть не все источники, не исключая и "памятников

письменности", тогда как другие склонны обозначать этим словом только вещественные предметы, свидетельствующие нам о чем-либо в прошлом, третьи же держатся и более буквального смысла слова, разумея под ним только „монументы", назначением которых было о чем-либо напоминать.

91

Термином "памятники" мы нередко переводим немецкое "Denkmaler", но тем же словом мы переводим и немецкое "Monumente", имеющее более узкое значение. Бернгейм в своем "Lehrbuch", говоря о "Denkmaler", которые он отделяет от других вещественных "остатков" ("Überreste"), подводит под эту категорию надписи, памятники (Monumente) и документы (Urkunden), но и с этим последним словом случилось то же самое, что и с термином "памятник". Для одних "документ" есть всегда только официально засвидетельствованная запись, что-либо удостоверяющая, закрепляющая какое-нибудь право, а другие расширяют понятие "документа" до включения в него решительно всех письменных источников¹² или, по крайней мере, очень разнообразных их категорий. До сих пор однообразного, общепринятого употребления таких терминов, как „памятник" или "документ"; нет, и здесь царит довольно-таки большой произвол.

Независимо от терминологического разнообразия, самое существо дела таково, что отдельные понятия здесь трудно отграничиваются одни от других. Разделение всех источников на "вещественные" и "словесные" напрашивается, так сказать, само собою, и очень соблазнительным является назвать первые из них, в отличие от вторых, "немыми". Но пусть будут такими немыми источниками, наприм., старинное оружие, утварь и т. п. (хотя многие и не согласятся вообще такие предметы называть источниками), а вот куда отнести древнюю гробницу, на которой имеется и надпись?

92

Это — и вещественный памятник, и не немой. Или, быть может, нужно создать новые категории, вроде вещественных памятников со словесными известиями или словесных известий на вещественных памятниках и т. п.?

Дело в том, что для правильной классификации нужны известные основания, как это и делается, наприм., в зоологии, разделившей всех животных на позвоночных и беспозвоночных, затем позвоночных на зверей, птиц, рыб, гадов и т. д. Каждый раз, когда целый класс делится на подклассы, в основу деления кладётся известный признак, который и играет роль принципа разделения (principium divisionis), чего как раз и нет в деле разнесения исторических источников по рубрикам. Против любой их классификации всегда найдутся возражения, и даже такие педантические

¹² Наприм., см. Langlois et Seignobos. Introduction aux études historiques. Первая же фраза в этой книге гласит: "l'histoire se fait avec des documents".

систематизаторы, каким в данном случае является Бернгейм, вынуждены бывают признаться, что при всем желании нельзя установить между историческими источниками строго кастовых перегородок. Лишь с этою оговоркою я и буду в дальнейшем устанавливать разные роды и виды источников, на деле одни в другие переходящие, одни с другими перепутывающиеся.

Прежде всего, между историческими источниками следует различать две большие категории, смотря по тому, дошло ли до нас что-либо непосредственно из самого прошлого, как его частица, что ли, остаток, или же что-либо дошло лишь об этом прошлом, как воспоминание о нем, след от него в людской памяти. Египетские храмы, греческие статуи, римские акведуки, готические соборы, всякие древние или старинные вещи, хранящаяся в таком изобилии в массе европейских музеев, всё это — уцелевшие остатки прошлого, предметы, в своё время так или иначе служившие разно-образным потребностям жизни.

93

Мы можем непосредственно созерцать эти остатки, тогда как если о чём-либо мы узнаём, лишь благодаря тому, что оно оставило по себе след в людской памяти, благодаря передаче известия об этом одними людьми другим,— благодаря преданию, или традиции в широком смысле,— и речи не может быть о непосредственном наблюдении самих фактов прошлого.

Различая здесь между "остатками" и "следами", употребляя эти самые слова, я сам вижу, что придаю им другое значение, нежели то, в каком говорил о том же несколько выше: там, именно, это противоположение совпадало с различием между вещественными и словесными источниками, здесь же мною имеется в виду уже нечто другое. Дело в том, что остатками прошлой жизни можно и прямо должно называть не одни вещественные предметы, но и разные словесные записи, раз в своё время они также служили удовлетворению текущих потребностей жизни, а не имели своею целью что-либо увековечить в памяти грядущих поколений, дабы и они знали о том, воспоминание о чем не должно было погибнуть. Всякие деловые бумаги, акты, грамоты, документы, приказы, рапорты, протоколы, судебные приговоры, прошения, всякие податные списки, счета, описи, приходо-расходные книги, всякие письма к родным, к друзьям, к знакомым, всякие манифесты, прокламации, воззвания, программы политических партий, публицистические статьи, политические брошюры, всякие рекламы, объявления, театральные афиши, торговые вывески, товарные этикетки,— всё это и бесчисленное множество разных других письменных памятников такого рода, все это — остатки прошлой жизни, ибо всё это писалось, печаталось, рисовалось для удовлетворения непосредственных жизненных нужд, для достижения чисто практических целей, а не ради увековечения в памяти любознательного потомства каких-либо событий.

94

Наоборот, и вещественные памятники создавались нередко не в виду тех или других жизненных потребностей, а как раз для увековечения памяти о каких-либо людях и событиях, т.е. с такою же целью, с какою составлялись летописи, хроники, мемуары и т. п.

Итак, из дошедшего до нас из прошлых времен одно создавалось для удовлетворения житейских нужд,— как, напр., шьется платье, строится дом, пишется письмо или прошение судье, записываются приход и расход, печатается объявление об отдаче в наём квартиры, издается политическая брошюра и т. п.,— другое же создавалось, как говорится у Пушкина, "да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу". Вся разница, значит, заключается в основных намерениях тех, которые что-либо сооружали или писали, т.е., положим, писал ли кто-нибудь письма просто потому, что ему нужно было нечто кому-либо сообщить, без всякой мысли о том, что некогда его письмо сделается историческим источником, или же кто-либо нечто записывал, дабы сохранить нечто для потомства, хотя бы и в предвидении, что записанное сделается достоянием гласности разве только при внуках или правнуках.

Если бы слово "реликвии" не имело специфического смысла или, по крайней мере, оттенка, очень удобно было бы так обозначить все то, что выше было подведено под категорию "остатков" (Überreste в немецкой историцистической терминологии).

95

Только боясь неологизмов,— очень часто бывающих обреченными на забвение,— я не предлагаю для всех исторических источников этой категории термин "реликты",— категория, под которую можно подвести не только вещественные и словесные (письменные) памятники, но и остатки старины в самой жизни, сохранившиеся из прошлого: обычаи, обряды и другие "пережитки", как принято называть не соответствующие более потребностям жизни, и сохранившиеся лишь по инерции явления. Все, что не входит в эту категорию реликтов, может быть подведено под категорию традиции, в том специальном значении, какое этому слову уже давно придает немецкая историцистическая терминология (если только не заменить этот термин другим — "свидетельства"). Не скрою, однако, что эта классификация,— как, впрочем, и другие,— вообще не может быть строго проведена по отношению ко всем отдельным случаям, и попытки определить место того или другого вида источников в одной из этих категорий не всегда будут свободны от веских возражений. Прежде всего, в самих намерениях, с какими что-либо писалось или записывалось, могла быть двойственность, и поэтому, одно и то же, наприм., историческое произведение, имеющее

характер источника (Геродот, Фукидид, Тит Ливий, Тацит, Прокопий, Григорий Турский и т. п.) может рассматриваться нами под двумя аспектами — или как относящееся к источникам одной категории, поскольку мы из такого произведения узнаём об известных событиях, во-первых, или как об источнике другой категории, поскольку мы в нём имеем литературный памятник, указывающий на состояние историографии и даже на умственное развитие историков в данную эпоху, во-вторых.

96

Тем не менее, такое разделение источников на остатки и предания (или свидетельства), при всем своем несовершенстве, должно быть удержано, как имеющее методологическое значение. Приёмы изучения источников обеих категорий далеко не одни и те же. Все, что выше было сказано об археологии и филологии, и что будет ещё ниже сказано о вспомогательных исторических дисциплинах, относится к дошедшим до нас от прежних времен остаткам вещественных изделий и письменного языка, а не к содержанию свидетельств о фактах. Далее, в источниках второй категории содержатся прямые известия о фактах (событиях, отношениях), и историку нужно только установить, насколько эти сведения заслуживают веры, тогда как источники первой категории должны ещё подвергнуться особой умственной операции, интерпретации, дабы из них можно было извлечь знание о фактах прошлого, передача которых потомству не входила в намерения лиц оставивших после себя источники данной категории. Наконец, если для свидетельств о прошлых фактах главный вопрос заключается в том, насколько они достоверны, то для остатков основной вопрос — насколько они подлинны.

Имеем ли мы дело с остатками, или свидетельствами, в обеих категориях первенствующее значение для историка имеют источники словесные. Называя их словесными, я имею одинаково в виду как слово устное, так и слово письменное. Конечно, среди словесных источников известную роль всегда играла и устная традиция (в форм простых рассказов, саг или сказаний, анекдотов, пословиц, исторических песен и всякого фольклора), но в громадном большинстве случаев значение научного материала для историков содержанием устной традиции приобретает только в записанном виде (в особенности же в печатном виде).

97

Большая часть словесных источников дошла до нас письменно закрепленными, будут ли то надписи, столь характерные для древней истории, рукописи, сохраняющиеся большей частью только начиная со средних веков, и произведения печати (за последние четыре с половиною века). Особый вид источников, не словесных, но и не совсем немых, представляют собою всякого рода изображения, сделанные из чего бы то ни

было или на чем бы то ни было, т.е. статуи, бюсты, барельефы, картины, рисунки, чертежи, планы, карты и т. п.

Из нескольких примерных перечислений, приведённых выше, легко усмотреть, до какой степени многообразны те источники, из которых историческая наука почерпает свой материал. Перечислить все роды их и виды, дать характеристику каждого, указать на их второстепенная разновидности, соединить их по теме или другим признакам в какие-либо группы — дело совершенно невозможное в кратком изложении, и тем менее ещё возможно назвать хотя бы наиболее знаменитые отдельные источники. Это может быть задачей особого отдела исторической науки, носящего название "источниковедения", причем таковое непременно специализируется по странам или периодам (напр., для древней Греции, для средних веков, для истории России при Петре Великом и т. п.). В источниковедении, называемом у некоторых немецких историцистов "эвристикой"¹³, главное не в методологии, т.е. не в

1) -

Л

99

формальной стороне науки, а в реальной, фактической касательно того, какие существуют исторические источники, их редакции, издания, собрания, хранилища (архивы) библиотеки, музеи для вещественных памятников и т. п.).

В дальнейшем мы остановимся лишь на некоторых видах исторических источников, преимущественно принадлежащих к категории повествовательного содержания. Самое важное о прочих упоминается в заключительной части главы, где речь идет о вспомогательных исторических дисциплинах.

Основная особенность источников., подводимых под понятие традиции, состоит в самом их возникновении, так сказать, в интересах истории, т.е. в том, что в них уже дается история, что они входят в состав историографии, или бытописания, как у нас выражались в старину. Это — источники исторические по преимуществу, не в смысле, однако, исключительной важности для исторической науки, а в смысле преднамеренности в самом их создании — служить сохранению в памяти и передаче потомству фактов прошлой жизни. В отличие от этих специфических памятников все остальные источники могут быть распределены по рубрикам памятников дипломатических, юридических, экономических, художественных, литературных и пр. и пр. Конечно, и в источниках этого рода в изобилии встречаются повествовательные (и описательные) элементы, которыми пользуется историческая наука, как своим материалом, но они, эти элементы, не бывают обязаны своим происхождением чьему-либо желанию сохранить то или другое в памяти

¹³ От греч. εὐρίσχω, что значит нахожу и в особенности нахожу искомое, отыскиваю, открываю. Термин этот, употребляемый и не в этом еще смысле, вообще не привился, хотя, наприм., и Langlois et Seignobos ставят в скобках слово "heuristique" при заголовке "La recherche des documents"

ПОТОМСТВА.

99

Такие элементы найдутся, наприм., во всякой переписке, будет ли это переписка деловая, официальная, или житейская, родственная, приятельская. Дипломатический агент, доводящий до сведения своего правительства о виденном им или слышанном в столице иностранного государства; полицейский чиновник, доносящий по начальству о разных происшествиях или о настроении умов обывателей; приятель, рассказывающий в своем письме к приятелю какой-либо эпизод, случившегося на его глазах, разумеется, менее всего думают о сохранении сообщаемых ими фактов для будущих показаний, как не думают об этом и газетные корреспонденты и репортеры, удовлетворяющие потребности современных им читателей в интересных новостях. Если потом историки всем этим и пользуются, как своим материалом, наравне с другими памятниками письменности, не заключающими в себе повествовательно-описательных элементов, но также имевшими для своего времени деловое, житейское значение, то это относится к той обширной категории результатов, которые охватывают массу явлений, никем не ставившихся в качестве целей. Иное дело — записи с нарочитою целью, "да ведают потомки", т. е. все эти летописи, хроники, мемуары, воспоминания, автобиографии, дневники, жизнеописания и т. п.

С одной стороны, желание современников увековечивать то, что они считают достопамятным помимо всяких утилитарных практических целей, с другой, желание потомков знать о том, что делали и как жили предки, и были первыми причинами возникновения и сохранения разного рода чисто исторических записей, положивших начало всему "бытописанию".

100

Первые образцы последнего относятся, как известно, к глубочайшей древности — в виде кратких перечней или более подробных известий о подвигах царей Египта, Ассирии, Вавилона, Персии и т. БД., сохранившихся в надписях на остатках храмов и дворцов, на памятниках, даже на скалах (знаменитая Бегистанская надпись о подвигах Дария Гистаспа), или в остатках архивов (на глиняных плиточках, на папирусе и т. д.). Исторические надписи,— которые нужно отличат, наприм., от юридических в роде законов вавилонского царя Хаммурапи,— подобные указанным, встречаются и в более поздние времена, когда бытописание порождает уже и целые литературные произведения. Примером может служить знаменитая Анкирская надпись, в которой Октавиан Август говорит о своем правлении в Риме. К подобным памятникам мы применяем название летописей, хотя таковыми в буквальном смысле они и не были, и к этой же категории часто причисляются всякие записи достопамятных событий в античных

государствах-городах.— На встречу желанию современников увековечить в памяти потомства то, что считалось достойным этого, шло желание последующих поколений не допускать забвения преданий старины глубокой, хранившихся в форме рассказов, песен и т. п. Предания стали записываться также очень рано и составили другую струю в начальном бытописании народов. С течением времени явились собиратели письменных известий и устных преданий для дальнейшей обработки, в роде греческих логографов, предшественников "отца истории" Геродота, и на той же ступени превращения более ранних форм бытописания в произведения уже литературного характера находятся исторические части Библии (напр., Книги Судей и Книги Царств). Чем дальше развивалась сама жизнь, тем все более развивалось и бытописание, из которого постепенно и выработалась вся историческая литература.

101

Не ставя себе задачей дать исчерпывающий перечень разных форм "бытописания", я ограничусь перечислением лишь некоторых из них, наиболее важных и известных.

Анналы¹⁴, по-русски летописи, представляют собою погодные записи, заключаются в себе более или менее подробные повествования о событиях, равно как исторические труды, расположенные по годам. Часто летописи имеют сводный характер, и, кроме того, одна и та же летопись может существовать в разных редакциях (изводах), и, наконец, ещё, отдельные летописи могут доходить до нас в разных списках (копиях).

Хроники представляют собою особый вид бытописания, получивший большое развитие впервые в Византии. Это — в общем более краткие повествования о прошедших временах¹⁵, причём византийские хроники начинались обыкновенно "от сотворения Мира" и доводились по возможности до вступления на престол современного каждой из них императора. Каждая такая хроника является компиляцией, в которой всегда можно рассчитывать найти известия из источников, до нас не дошедших, а чем ближе составитель подходит к своему времени, тем более его работа приобретает характер летописи в тесном смысле слова. Нередко между хрониками и летописями не делают различия, и напр., французские ученые нашу начальную летопись называют "la chronique de Nestor". Хроники свободно переделывались, и их содержание обогащалось вставками из разных самостоятельных источников, что, впрочем, проделывалось и с летописями.

102

¹⁴ Annales от лат. annus, год.

¹⁵ Название хроника происходит от греч. слова время.

Кроме всемирных хроник ¹, составляли в средние века и национальные, национальные, и чисто местные. Можно сказать, что хроника занимает среднее место между летописью и историей, как произведением чисто литературного характера.

Отдельные события очень нередко бывали предметом особых повествований, к которым применяют названия повестей ², сказаний и т. п. Бывают эпохи, когда необычайные события особенно возбуждали в современниках охоту писать такие повести и сказания ³.

Мемуарами называются записки современников, заключающие в себе повествование о событиях, в которых сами авторы таких произведений принимали участие или которые были им известны, как очевидцам или как лицам, слышавшим о них от очевидцев. Отличие мемуаров от хроник современных событий, заключается в том, что в мемуарах особенно выдвигаются вперед личность самого автора, его субъективные переживания, пристрастия, стремления. К этому разряду можно отнести автобиографии, воспоминания о виденном и слышанном и т. п.

103

Запись виденного может относиться к каким-либо чужим странам, в которых авторы известий о них побывали и которые потом описали. Известия подобного рода в изобилии находятся уже в историческом труде Геродота, да и вообще рассказы путешественников являются важным историческим источником. Составители руководства по источниковедению русской истории выделяют в особую источниковую рубрику сказания иностранцев о древней Руси ⁴.

Жизнеописания отдельных лиц, биографии ⁵, к числу которых должны быть отнесены и автобиографии, т.е. описания собственной жизни, точно также входят в число исторических источников повествовательного содержания, хотя бы автор того или другого жизнеописания имел в виду чисто назидательную цель. Таким характером отличаются, напр., жития святых, составляющие такую богатую агиографическую ⁶ литературу христианского средневековья ⁷.

Заклучим весь этот перечень разных категорий исторических источников некоторыми общими сведениями о так называемых

¹ В древней Руси был очень популярен так называемый "хронограф", существовавший в разных редакциях и вобравший в себя, если так можно выразиться, немало всяких отдельных сказаний.

² Нужно, конечно, отличать такие "повести" от известного вида литературных произведений, а также от "Повести временных лет", как озаглавлен древнейший русский летописный свод.

³ Наприм., такую эпоху представляет собою наше смутное время, которому посвящена диссертация проф. С. С. О. Платонова "Древние русские сказания и повести о смутном времени, как исторический источник" (1897).

⁴ Этому предмету, посвятил покойный В. О. Ключевский одну из первых своих работ под заглавием "Сказания иностранцев о Московском государстве" (1866).

⁵ От греч. слова "жизнь"; иногда слово "жизнь" прямо и стоит в заголовки произведения.

⁶ От греч. слова "святой".

⁷ В русской литературе есть известный труд Ключевского "Жития святых, как исторический источник".

вспомогательных исторических науках (*historische Hilfswissenschaften, sciences auxiliaires de l'histoire*), учение о которых занимало весьма большое место в старых историках.

104

Нужно при этом заметить, что под такими вспомогательными науками иногда разумеются очень широко все научные специальности, в которых может нуждаться историк, изучающий самые факты прошлого, тогда как в других случаях понятие, на оборот, суживается и, под него подводятся лишь дисциплины, необходимые для умения пользоваться теми или другими родами и видами исторических источников. В первом отношении историк может нуждаться в данных и в выводах и психологии, и социологии, и политической экономии или юриспруденции, и географии или этнографии и пр. и пр., но все это — самостоятельные науки, ставящие себе свои собственные задачи и потому, строго говоря, не могущие называться только вспомогательными науками или служебными дисциплинами. Другое дело — научные специальности, которые обязаны самым своим происхождением трудностям, каким-либо неудобствам, сопряженным с пользованием некоторыми разрядами источников, или, по крайней мере, некоторым их особенностями, требующим особой подготовки либо чисто технической выучки, без каковых пользование этими источниками невозможно. Вот такие специальности и могут называться вспомогательными дисциплинами истории в тесном значении термина.

Одним словом, нужно различать знания, необходимые для понимания самой исторической жизни и отдельных категорий, под какие можно подводить, разные её явления, исторически изучаемые, с одной стороны, и знания, нужные при изучении некоторых категорий исторических источников, с другой. Только последние и можно, строго говоря, причислит к дисциплинам, имеющим исключительно служебное значение и потому играющих роль только своего рода "спутников" исторической науки ¹.

105

Археология и филология, последняя в смысле изучения языков и литератур, вводят нас в понимание самой жизни прошлого, а потому хотя и оказывают особую помощь историкам при изучении ими источников, только в этой своей стороне могут быть признаны за науки вспомогательные, как это и делается некоторыми историцистами; т. е. они существовали бы и в том случае, если бы историки и не нуждались в их помощи. Другое дело — те специальности, которые будут перечислены ниже.

Если принят в расчет, что главными историческими источниками являются письменные памятники, и что письма очень часто разбираются с

¹ Откуда обозначение вспомогательных дисциплин у французов, как "*sciences ancillaires*" или "*satellites*".

большим трудом, требующим специальной подготовки, то весьма видное место среди вспомогательных дисциплин истории занимают те, которые имеют в виду простое чтение, или дешифровку письменных начертаний. Поскольку больше затруднений возникает при чтении старинных документов, самое изучение разного рода почерков обозначается термином "палеография"¹, хотя, конечно, не одна древняя письменность трудно разбирается. Понятно, что какой-либо общей палеографии быть не может, а существуют разная специальные палеографии, как-то: греческая, латинская, славянская, русская и т. п.

106

В каждом отдельном случае дело касается здесь, напр., и начертания букв, характеризующего ту или другую эпоху, и разных бывших принятыми сокращений (аббревиатур) и пр. В частности, под палеографией разумеют учение о письменах на бумаге или на пергаменте, иначе говоря, о рукописных документах (манускриптах), изучение же надписей на камне, металле и т. п. называется эпиграфикой²), которая точно так же подразделяется на греческую, латинскую и т. п. Иногда палеографические дисциплины получают и более специфические наименования. Наприм., за последнее время выдвинулись такие дисциплины, как папирология или остракология, в зависимости от того материала, на котором мы имеем письма: папирология занимается рукописями на папирусе, остракология — начертаниями на черепках³. Другими словами, папирология является специальною отраслью палеографии в более тесном смысле, а остракология — таким же отделом эпиграфики.

В современной науке эпиграфический материал, как известно, играет особенно видную роль по отношению к древней истории, в особенности по отношению к древнему Востоку. До XIX в. о народах древнего Востока мы знали только по известиям, сохранившимся в Библии и у греческих классиков, в прошлом же столетии получили большое развитие эпиграфики египетская (чтение иероглифов), ассирийская (чтение клинописи), финикийская и пр.

При изучении памятников письменности предметом исследования бывают не только самые начертания, но материал, на котором мы последние находим.

¹ Проф. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ в книге "Об отношении русского письма к русскому языку" (1912) указывает, что начало палеографии дало рассмотрение и сравнение различий, существующих в почерках, как индивидуальных, так и коллективных" (между прочим, свойственных известным эпохам), но что первая часть термина ("палео"-) „наводит на ложное предположение, будто можно заниматься изучением только старинных рукописей, игнорируя современные и вообще более новые" (стр. 21). Самое слово "палеография" составлено из греческих слов; «старый», «письмо».

² От слова «надпись».

³ От слова «черепок», глиняная дощечка, откуда и название остракизма, приговора к изгнанию из отечества в результате подачи голосов на черепках.

107

Этим материалом бывает камень, глина (кирпичи, таблицы, черепки), металл, папирус, пергамент, бумага, могущие также быть в каждом отдельном случае подвергнутыми исследованию. Напр., на бумаге бывают так называемые водяные знаки (фабричные марки), по которым можно судить о месте и времени изготовления бумаги, что бывает важно для определения хронологии рукописей. Вопросы подобного рода также могут быть включены в палеографию. В теснейшей связи с последнею находятся еще некоторые особые дисциплины, к каковым, прежде всего, нужно отнести дипломатику.

Под названием дипломатика разумеется "наука", задача которой заключается в определении степени достоверности исторических документов и которая стала так называться по главной категории документов, дипломам¹. Так как к памятникам такого рода прикладывались удостоверяющие подлинность печати, то и на этой почве возникла ещё одна ученая специальность, сфрагистика², учение о печатях, выделившееся в особую дисциплину около двухсот лет тому назад. Поскольку на печатях употребляются эмблемы, встречающиеся также в гербах и на монетах, к сфрагистике очень близки геральдика и нумизматика.

Термин "геральдика"³ по-русски переводят словом "гербоведение".

108

Это — целая дисциплина, имеющая свои "правила" и, в качестве вспомогательной для истории, стоящая в ближайшей связи со сфрагистикою, поскольку изображения гербов очень часто встречаются на печатях, удостоверяющих документы. Как справочные пособия, в этой области существуют особые гербовники (сборники гербов), древнейший из которых восходит к XIV веку.

Нумизматика⁴, или "наука" о монетах и медалях, возникшая в XVI в., занимается изучением изображений (типов), надписей (легенд) и систем всех известных монет и медалей. За последнее время развилось еще изучение так называемых античных "тессер", т.-е. жетонов и марок с разными изображениями и письменными знаками, имевших очень разнообразное назначение⁵.

¹ Слово «диплом» (от греч. «нечто сложенное вдвое») обозначал у римлян всякий документ, снабженный официальной подписью и печатью. В XVII в. на Западе оно стало обозначать официальные исторические документы, или акты, обращение к которым в международных отношениях и послужило основанием для возникновения термина "дипломатия".

² От греч. «печать».

³ От старинного немецкого "Herald" (= Heeralt, старый воин), герольд: в средние века герольды на турнирах описывали гербы рыцарей в доказательство права их принимать участие в этих состязаниях. Умение разбираться в гербах и послужило основанием особой "науки".

⁴ От греч. «монета».

⁵ См. Ж. Ростовцев. Римские свинцовые тессеры. 1903.

109

К числу вспомогательных исторических дисциплин относят и хронологию в смысле изучения разных способов, у отдельных народов, измерять время и умения переводить всякие хронологические определения событий на наше исчисление времени. Историческая (или "техническая") хронология нуждается в астрономических предпосылках (измерения года, месяца, суток) и в арифметических выкладках, равно как в фактических сведениях о разных календарях, бывших или и ныне существующих в употреблении. С измерением времени поставим рядом определение пространств и количеств всякими мерами длины, поверхности, объема, и т. п., изучение которых составляет предмет метрологии, тоже часто, причисляемой к вспомогательным наукам истории ¹.

110

¹ К вспомогательным наукам некоторые историки относят еще географию, генеалогию, библиографию и т. п., но география имеет самостоятельное значение, историческая же география входит в состав самой истории, а генеалогия

VI. Критика источников.

Наукам, пользующимся экспериментом или непосредственным наблюдением, нет надобности заниматься констатированием своих фактов: факты находятся в самой окружающей действительности или получаются в результате произведенного эксперимента. Другое дело — история, занимающаяся фактами, которых налицо уже нет, о которых ещё приходится судить, были ли они на самом деле, или являются простой выдумкой, а если были, то так ли, как об этом говорится в дошедших до нас о них известиях. Своим глазам и ушам иногда приходится не верить и исправлять рассуждением заблуждения зрения и слуха: тем более нужно быть настороже относительно того, чего мы сами не были очевидцами. Признанию за прошлыми фактами реального значения или констатированию фактов должна предшествовать тщательная критика источников ¹.

110

В обыденной жизни сплошь и рядом встречаются разные фальсификации, большею частью с корыстными целями. С подделками и подлогами приходится иногда иметь дело и ученым, которым во всех мало-мальски сомнительных случаях следует поэтому проверять самую подлинность памятников, с которыми они имеют дело. Фабрикация фальшивых древностей — явление, хорошо известное археологам, а некоторые случаи ловких подделок получили даже громкую известность. В этом отношении, напр., большую славу приобрела так называемая Краледворская рукопись, на которую долго смотрели, как на настоящий древний памятник чешской письменности, пока не была заподозрена подлинность этой рукописи и ученые не пришли, наконец, к тому, что в ней мы имеем дело с "новейшим произведением древней чешской литературы", т.-е. попросту с подлогом ². Не так давно администрация знаменитого Луврского музея приобрела за большие деньги великолепную золотую корону скифского царя Сайтафарна, будто бы найденную при раскопках, но оказавшуюся лишь работой искусного одесского ювелира. Иногда вещь и

¹ Греч. «разбирающий, способный решать, произносить приговор» первоначально обозначало искусство судить о языке и о словесных произведениях (литературная критика). Историческую критику делят на внешнюю (*critique externe, aussehe Kritik*) и внутреннюю (*critique interne, innere Kritik*) с подразделением каждой на разные виды, смотря по целям, какие ставят критик каждой категории источников, но и в определении отдельных видов этой критики, и в их классификации авторы исторических методологий между собою не сходятся. Не вдаваясь в подробности, можно внешнюю критику отнести к подлинности исторических источников, внутреннюю — к их достоверности.

² Аналогичный подлог был сделан собирателем болгарских песен Верковичем, который в 1883 г. издал сборник песен под названием "Веда словена", в котором встречается масса мифологических реминисценций из эпохи появления арийцев в Индии, или так называемой ведической эпохи.

нельзя назвать поддельною в тесном смысле слова, но с нею по традиции соединяется неверное представление: ей приписывается не то происхождение, которое она имела, или ее неверно приурочивают не к тому периоду времени, к которому она на самом деле относится и т. п., как это случилось, напим., с известною венгерскою короною св. Стефана, оказавшеюся произведением более позднего времени и притом составленным из частей различного происхождения и т. п.

111

Самый знаменитый исторический подлог, это — так называемый "Константинов дар" (donatio Constantini, или "вено Константиново"), акт, которым будто бы Константин Великий подарил папе Сильвестру I знаки императорского достоинства, город Рим, всю Италию и вообще западные провинции Римской империи. В подлинность этого дарения верили в средние века не только на Западе, но и в Византии, а на Западе не только защитники папской власти, но и её противники, пока в середине XV в. итальянский гуманист Лоренцо Валла, один из родоначальников исторической критики, не доказал подложность этого документа¹.

Когда мы имеем дело не с вещественными памятниками вроде упомянутой рукописи или обеих упомянутых корон, как материальными предметами, а с памятниками письменными, взятыми лишь со стороны своего содержания, приходится еще ставить вопрос, насколько верно передано нам содержание памятника, не дошедшего до нас в первоначальном виде. Напим., произведения античных писателей вообще не сохранились в подлинных рукописях авторов, а имеются только в копиях, далеко, однако, между собою не совпадающих, что возбуждает многочисленные сомнения и порождает немало споров.

112

При последовательных переписках, при снятии копий с копий, настоящий текст легко мог искажаться и от невольных ошибок, или описок переписчиков, и от умышленных изменений, в него вносившихся, в виде ли пропусков, или, наоборот, вставок, так называемых интерполяций, часто, впрочем, попадавших в текст по недоразумению, когда, напим., в текст вставлялось примечание, написанное на полях, но принадлежащее не автору, а какому-либо читателю, переписчику или специальному комментатору. Установление правильного чтения, когда есть сомнение в верности передачи настоящего текста, представляет собою иногда очень трудную и кропотливую работу, и часто, благодаря именно такой работе, те или другие филологи приобретали свою славу в учёном мире. Подобную работу называют критикою текста, и она, конечно, требует обширных знаний,

¹ Сам этот документ вошел в состав Лже-Исидоровых декреталий, тоже подложных.

большого навыка, а в известных случаях и значительной сообразительности.

Путем такой аналитической работы нередко обнаруживается, что произведение, почитавшееся цельным и вышедшим из-под пера одного автора, на самом деле имеет характер компиляции, составленной из отрывков разного происхождения. Если даже компилятивный характер источника с самого начала не подлежит сомнению, то и тогда важно узнать, откуда, когда, в каком порядке, с какими сокращениями или дополнениями и т. д. взяты были отдельные составные части источника. Сколько было, наприм., потрачено усилий для того, чтобы определить происхождение отдельных частей нашей начальной летописи, о чем, напр., еще так недавно издал свое исследование академик А. А. Шахматов, имевший, впрочем, в данном вопросе целый ряд предшественников ¹).

113

На определении подлинности или подложности вещественных памятников, а в их числе и рукописей, и на определении степени верности передачи содержания какого-либо письменного памятника еще не кончается эта работа критики источников ². Если бы у нас была в руках подлинная рукопись самого Геродота и мы были уверены, таким образом, что обладаем самым верным текстом его истории, мы ещё далеко не были бы уверены в том, что все, рассказанное в ней Геродотом, было совершенно так, как он рассказывает. Самые известия о прошлом, которые заключаются в истории Геродота, требуют, равным образом, критического к себе отношения. Конечно, "отца истории" я взял только для примера: и все остальные источники, какого бы происхождения они ни были, нуждаются в тщательной критической проверке.

Легче всего, разумеется, отвергаются научною критикою известия о фактах, совершенно невозможных по природе вещей, обо всех сверхъестественных явлениях, чудесах, предзнаменованиях, пророчествах и т. п., которыми наполнены летописи веков, когда во все это верили, как в нечто реальное. О необходимости отвержения всего этого не стоило бы и упоминать, если бы только с этой стороны вносилось в исторические источники легендарное содержание. Очень часто и даже слишком часто в известии нет ничего не вероятного с точки зрения естественного хода вещей, а между тем критика обнаруживает, что в основе предания лежит чистый миф, как это случилось, наприм., со спартанским законодателем Ликургом, имя которого оказывается названием местного божества.

114

¹ Разыскания о древнейших русских летописных сводах. 1908. Такие работы можно подвести по французской терминологии под категорию "critique de provenance" (критики происхождения), как критику собственно текста под категорию "critique de restitution" (критики восстановления).

² Все только что сказанное имеет отношение большею частью к внешней критике, а то, что говорится дальше, подходит преимущественно уже под понятие критики внутренней.

Даже тогда, когда в основе предания лежит реальный факт, известие о нем, переходя из поколения в поколение, пока не зафиксировано посредством письма, обрастает целым рядом фантастических подробностей, в которых совершенно тонет реальная основа известия. Далее, нет даже надобности в хронологической отдаленности факта и в искажении его работой воображения ряда поколений, когда и современники, то и дело, творят свои легенды по поводу текущих событий. Одна история французской революции так переплелась с разными легендами, возникшими одновременно с ходом её событий, что исторической науки и после целого столетия, отделяющего нас от французской революции, всё ещё нужно очищать действительно бывшее от легендарных примесей. Случается, что наиболее распространённое изображение события современниками, дающее окраску ходячему его пониманию и затем попадающее на страницы исторического источника, оказывается соединённым с массой пробелов, неточностей, выдумок и т. п.: *communis opinio* современников не есть гарант истинности.

Летописец, в широком смысле этого слова, обнимающем всех, кто только пишет о событиях своего времени, далеко не всегда видит собственными глазами то, о чем повествует или что описывает. Многие и, пожалуй, как общее правило, даже большую часть того, что он заносит в свою летопись, он только слышал от других, которые нередко сами знали то или другое опять лишь по слухам, и все это соединено еще с возможностью разных произвольных умолчаний, невольных ошибок памяти или понимания, намеренных присочинений и иных мелких или крупных отступлений от правды.

115

Если, наконец, автор исторического известия, которым мы пользуемся, был даже очевидцем события или его участником, то и это не избавляет нас от необходимости критического отношения к его показаниям; для этого есть не одно основание.

Когда что-либо записано немедленно после того, как совершилось, закреплено, что называется, по свежей памяти, имеется большее основание ожидать, что содержание записи вернее передает то, что на самом деле произошло и как оно произошло, нежели в том случае, когда момент записи отдален от самого события на целые годы и десятилетия. Память очень часто изменяет человеку, и нередко, восстанавливая в своей памяти какое-либо происшествие, человек без всякого злого умысла восполняет позабытое или плохо припоминаемое бессознательной работой своего воображения, если не вымыслом, то примыслом. Не даром Гёте дал своей автобиографии такое заглавие: "Wahrheit und Dichtung aus meinem Leben", т. е. правда и вымысел из моей жизни. Память изменяет, но, кроме того, меняется и настроение: нечто со мною случилось и известным образом отразилось на моем

внутреннем мире известным образом, поэтому запечатлелось в моей памяти, а мне об этом приходится рассказывать, положим, через десять двадцать лет, при со всем другом настроении, и это, конечно, неизбежно, так или иначе, отразится на моем рассказе. Одно и то же я расскажу вообще не вполне одинаково в зависимости от общего своего настроения в разные моменты своей жизни.

Еще более приходится учитывать индивидуальные особенности очевидца, сообщающего нам о каком-либо факте.

116

Судьи, обвинители и защитники очень хорошо знакомы с этой стороной дела — с субъективной окраской свидетельских показаний и с противоречиями между показаниями многих свидетелей одного и того происшествия при полной добросовестности каждого из этих свидетелей. В этом направлении делались даже очень интересные опыты, когда нескольких лиц, что-либо вместе видевших, просили рассказать, кто что и кто как видел, или когда им что-нибудь одновременно показывали, а потом спрашивали о показанном.

Нужно ещё принять в расчёт, что у повествователя-очевидца,— как, впрочем, и вообще у всякого повествователя,— могли быть свои симпатии и антипатии, предубеждения и предвзятые мысли, свои, так сказать, "коньки", вследствие которых событие, о котором нам данный свидетель оставил известие, в его изображении не могло не получить одностороннего или пристрастного освещения. Историческая критика должна учитывать в особенности, что в исследуемом источнике может быть сведено к разного рода влияниям, под которыми находился автор известия. Пристрастные или односторонние изображения событий могут быть результатом симпатий и антипатий, предубеждений и предрассудков и не чисто личного характера. Принадлежность автора известия к той или другой политической партии, к тому или другому социальному классу, к тому или другому вероисповеданию, государству, национальности и т. п. может, равным образом, придавать свою окраску известиям о фактах, идущим от лиц, которые, хотя бы даже невольно, в своих сообщениях об этих фактах становились на специфически партийные, классовые, конфессиональные, национальные и всякие иные групповые точки зрения.

117

В каждом сообщении о виденном или слышанном есть всегда некоторая субъективная примесь или, по крайней мере, субъективная окраска, даже тогда, когда она имеет минимальные размеры, ибо тот, кто передает о том, что он видел или слышал, всегда привносит в свою передачу нечто такое, чего в самом факте не заключалось, своё к нему отношение, своё

его толкование, своё понимание его значения и т. п., а здесь всегда возможны вольные и невольные ошибки. До сих пор, говоря об искажениях действительности, встречающихся в исторических источниках, я имел в виду, главным образом, те отступления от истины, в которых нет никакой преднамеренности: человеку, что-нибудь записавшему из виденного им самим или слышанного от других, могла изменить память, или на его представлении о факте могли отразиться его общие понятия, присущее ему настроение и пр. и пр. Это случается и с самыми добросовестными и достоверными свидетелями, но ведь, кроме таковых, есть ещё свидетели недобросовестные, лживые, подкупленные, показания которых не могут считаться достоверными в силу того, что они прямо ставят своею задачею скрыть всю правду или часть правды, придумать для объяснения того, чего скрыть нельзя, такие обстоятельства, которых на самом деле не было, свалить что-либо с больной головы на здоровую и втереть в глаза очки всем, кого только данный вопрос интересует. В жизни фальсифицируются не одни пищевые продукты, памятники древности, документы разного рода, но и самые факты действительности, когда из мухи делают слона, а не то, так и прямо, вульгарно выражаясь, высасывают что-либо из пальца.

118

Далее, известия о том, что было, доходят до нас не от одних сторонних наблюдателей, не принимавших непосредственного участия, но которые видели собственными глазами или, по крайней мере, собственными ушами слышали, а очень часто и от самих участников событий, как бы ни мала была их роль в этих событиях. Понятное дело, что участник события, в общем, всегда может сообщить о нем более верные, более точные и более полные сведения, нежели посторонний зритель, которому многое остается неизвестным и не вполне ясным, но зато, с другой стороны, у людей, являющихся как раз в роли исторических деятелей и вместе с тем становящихся повествователями о содеянном ими самими, существует наибольший соблазн не быть вполне искренними и правдивыми, — немедленно ли после события такой деятель объявить свою о нем версию для современников, или же много времени спустя изложить её для потомства, для опубликования даже нескоро после своей смерти.

Творимую историю, т. е. действительные её факты всегда сопровождает творимая легенда, т. е. более или менее искажающие истину представления о них людей, об этих фактах говорящих, безразлично понаслышке ли, или в качестве очевидцев и даже участников. Историческая критика должна пользоваться всякими способами в целях выделения фактической истины из тех свидетельств о бывшем, какие находит в своих источниках. Часто критика имеет перед собою совершенно неразрешимые задачи, когда, наприм., в её распоряжении имеется лишь единственное известие, особенно если оно возбуждает какие-либо сомнения, или когда

известий есть несколько, но все они отличаются слишком отрывочным характером, и т. п. В наилучшем положении по отношению к изучаемому событию находится историк в тех случаях, когда не может пожаловаться на малочисленность источников, на скудость их содержания, на отрывочность заключающихся в них сведений, хотя бы дело не обходилось без противоречий между отдельными показаниями.

119

К числу приёмов критики источников относится и проверка одних другими путем их сопоставления и систематического их сравнения. Вообще работу историка над имеющимися у него известиями о каком-либо событии можно сравнить с ведением судебного следствия, цель которого также заключается в том, чтобы воссоздать, на основании показаний, как самого подсудимого, так и разных свидетелей, привлеченных со стороны обвинения и защиты, картину известного преступления. И следовательно, собирающий материал для составления обвинительного акта, и судьи, проверяющие данные последнего новым допросом обвиняемого и свидетелей, не могут не верить одним свидетелям больше, другим меньше или даже совсем кому-нибудь не верить, как не могут и к самому подсудимому относиться с различными степенями доверия и должны потому не только проверять одни показания другими, но даже прибегать к так называемым очным ставкам, когда показания слишком расходятся между собою.

Выясняя характер научной работы, которую мы обозначаем, как историческую критику или как критику исторических источников, я продолжу аналогию между указываемую работою историка и ведением судебного следствия, поскольку в обоих случаях мы имеем дело с одною тою же задачею — констатировать известный факт на основании показаний о нем со стороны ли участников события, или со стороны лиц, что-нибудь о нём знающих¹.

120

Выводы из этих показаний делаются на суде, прежде всего, в речах представителя обвинения и защитника, ставящих каждый себе особую цель по отношению к подсудимому, в зависимости от чего или вполне, или только отчасти и обвинитель, и защитник стараются изобразить самый факт преступления не так, как его противник. Историк во всех случаях, когда он стремится найти объективную истину, не должен быть ни прокурором, ни адвокатом, но и тем и другим вместе или, вернее говоря, делать то же самое,

¹ Сравнение задачи исторической критики с задачею судебного следствия см., напр., у Бернгейма (Lehrbuch, стр. 429). Отличие исторической критики от судебного приговора заключается лишь в том, что в суде довольствуются по отношению к подлинности документов ответами: "да" или "нет", а в научных вопросах может быть и третий: "не знаю". Об этом см. Ш. Сеньобос. Исторический метод, стр. 31. Отсюда классификация утверждений, как невозможных, сомнительных и не внушающих сомнений, стр. 61.

что делают, с одной стороны, беспристрастный председатель суда, взвешивающий в своем resume все доводы за и против, а с другой, добросовестные присяжные заседатели, отделяющие в своем уме вопрос о признании наличности факта от вопроса о вменении его в вину.

Сравнение можно продолжать и дальше. И для историка, и для суда особую доказательную силу имеет документ, констатирующий, напр., что такой-то *A* обязался заплатить такому-то *B* известную сумму, или один от другого получил долг обратно, или про дал дом, землю, завещал своё имущество и т. п. Если только подлинность документа не возбуждает у судей сомнения, вопрос может возникнуть лишь о том, не была ли засвидетельствованная документом сделка фиктивной. Какие юридические последствия может иметь доказанная фиктивность той или иной сделки, это нас здесь не касается, но с чисто фактической точки зрения важно лишь то, что и в истории также наличность документального засвидетельствования какого-либо факта не всегда еще доказывает, что нечто в действительности вообще было или было так, как об этом говорится в данном историческом документе.

121

Поэтому и исторические документы, подобно показаниям свидетелей, подлежат критике, притом не со стороны своей подлинности только: документ сам может быть подлинным, с наилучшими даже официальными засвидетельствовавшими, но не всему, что в нем говорится, приходится иногда верить. Павел Иванович Чичиков скупал у помещиков мертвые души, которые в купчих крепостях показывались находящимися в живых; эти купчие крепости были самые подлинные документы, которые Опекунский совет без всяких колебаний мог принимать, давая хорошие деньги под залог ревизских душ, но душ-то этих в наличности не было.

Среди письменных источников отличие документов от всех остальных видов этих источников имеет чисто внешний характер. По внутреннему своему значению иные документы могут ничем не отличаться от источников, содержание которых подвергается исторической критике в отношении прямо их достоверности. Таковы все документы с чисто декларативным характером, напр., правительственные акты, самые иногда торжественные, при помощи которых населению страны или даже всему миру старались внушить какой-либо взгляд на то или другое событие, желательный инициаторам или составителям данных актов. Здесь все равно, в какой форме делается внушение, т. е. будет ли это газетная статья, отрывок из мемуаров, частное письмо или официальный документ.

Другое дело — документы делового характера, когда составление и подписание или иное официальное засвидетельствование акта само по себе уже является историческим фактом, как в частной жизни выдача векселя или совершение купчей крепости, свидетельствующие о том, что *A* занял у *B*

деньги или купил у него дом.

122

В случаях подобного рода документа является как бы застывшим, кристаллизированным событием произведенного займа денег или совершенной покупки. Правда, и здесь возможно несоответствие формы и содержания: вексель мог быть выдан безденежный, покупка могла быть фиктивной, но раз вексель и купчая имеются налицо, все-таки это — свидетельства о том, что упомянутые в документах лица, как-никак, заключали между собою сделки в форме векселя, в форме купчей. Если нет особенных оснований предполагать в каждом отдельном случае о фиктивности деловых отношений, о которых упоминается в нашем документе, ему вообще нужно верить, т. е., наприим., верить тому, что одно правительство послало другому ультиматум такого-то содержания, что мир или союз между двумя государствами был заключен на таких-то и таких-то основаниях, что такой-то владетельный князь признал себя вассалом такого-то государя, что такой-то король пожаловал такому-то монастырю такое-то поместье, что такой-то сеньор освободил своих крепостных на таких-то условиях, что Иван снял землю у Петра за указанную плату, что в известном деле суд вынес такой-то приговор и т. п. Дальше могут, по отношению к подобного рода документам возникать вопросы, насколько соблюдались или не соблюдались все эти договоры, обещания, обязательства, постановления и т. п., но это уже вопросы иного порядка, вопросы не о том, заключены ли были на самом деле такие договоры, давались ли такие обещания и т. п., о чём собственно и идёт речь, когда констатируются факты существования всяких международных трактатов, частных контрактов и пр. и пр.

123

Критически относиться к содержанию исторических источников нужно не только тогда, когда из них извлекаются сведения о внешних фактах, о разных событиях, происшествиях, отношениях и т. п., но и в тех случаях, когда мы ищем в этих источниках указаний на внутренние переживания, на мысли, чувства, намерения и т. д. тех лиц, из-под пера которых выходили те или другие заявления. Во многих категориях источников, которые, по-видимому, должны были быть закреплены на бумаге того, что люди, на самом деле, думали и чувствовали, или чего хотели, далеко не всякое лыко, по поговорке, должно идти в строку. "Условная ложь" сделалась даже крылатым словом для обозначения, наприим., всякой официальной фразеологии, которую только наивные люди бывают склонны принимать за чистую монету. К дипломатическим документам нужно относиться с особенною оглядкою, потому что в международных сношениях держать карты открытыми — поведение весьма безопаснее и выгоднее разделять

взгляд, по которому язык нам дан, чтобы мы могли легче скрывать свои настоящие мысли. Наивно было бы думать, что любой документ из дипломатической переписки двух правительств — только одна искренность и правда. Другими словами, с субъективной достоверностью многих источников и в их числе документов дело обстоит не лучше, чем и с достоверностью объективную, разумея под последнюю соответствие данных, заключающихся в источнике, с фактами внешними, т.-е. с событиями, отношениями, а под достоверностью субъективную — соответствие таких данных с действительными внутренними переживаниями лиц, от которых или от имени которых мы имеем те или другие заявления.

124

Блестящий пример исторического источника, субъективная достоверность которого может быть заподозрена, представляют собою знаменитые указы 1789 г., один из наиболее важных источников для изучения внутреннего состояния Франции и настроения её населения перед взрывом великой революции. Термином "указы" у нас принято переводит французское название этих документов "cahiers de doléances", как обозначались во Франции инструкции, дававшиеся населением своим выборным в собраниях государственных чинов. Весной 1789 г. таких указов было составлено тысяч десятка три, если не четыре,— громадный исторический материал, важное значение которого не подлежит сомнению. Многие историки даже называли его "завещанием старой Франции" и целую программу реформ революции. По числу своему в этом богатом материале занимают первое место указы сельских приходов, могущие быть названными и крестьянскими. Можно ли, однако, думать, что приходские указы верно отразили на себе настоящие мужицкие думы в период выборов в генеральные штаты 1789 г.? Сельское население Франции было невежественным и безграмотным, а между тем его указы отличаются литературностью и подчас претензией на учёность. Только наивные исследователи из последнего факта могли делать тот вывод, что в дореволюционной Франции народное образование стояло очень высоко, тогда как дело объясняется проще (притом на основании фактических же данных)— участием в составлении приходских указов разных более интеллигентных лиц, каковы священники, мелкие чиновники и пр.

125

Если в крестьянских указах встречаются требования политического содержания — о народном представительстве, об ответственности министров и других подобных вещах, то, вне всякого сомнения, это не были подлинные требования самих крестьян, и, наоборот, сплошь и рядом мы не встречаем в приходских указах заявлений о тягости налогов, об обременительности

помещичьих поборов, о произволе сеньориальных судей, всецело зависевших от благородных землевладельцев, и о многом другом, на что крестьяне не жаловаться не могли и о чем не могли не говорить. Дело в том, что на выборы в деревнях (это засвидетельствовано документальными же данными) и вместе с тем на составление наказов оказывали влияние и даже производили настоящее давление люди не из крестьянской среды, которые были за сохранение феодального режима, напим., в особенности сеньориальные судьи, кормившиеся от этого режима. Изучение приходских наказов со стороны их субъективной достоверности показало поэтому, что далеко не все, а только некоторая часть приходских наказов заслуживает название зеркала, в котором отразилось действительное настроение сельской народной массы, — те именно "cahiers de doléances", в составлении которых, так ли, сяк ли, принимали участие сами крестьяне². Этот пример показывает, кроме того, как важно для правильной оценки действительного значения исторического источника знать его происхождение. Историк вообще не может пренебрегать историей как происхождения источников, которыми пользуется, так и их судеб, если источники дошли до него не в первоначальном своем виде.

126

Часто и даже слишком часто случается, что не известны ни время³, ни место, где и когда интересующее нас произведение увидало свет, ни его автор, ни обстоятельства, при которых оно было написано, ни многое другое, о чем историку иногда очень хотелось бы знать для того, чтобы правильно судить о данном произведении, как историческом источнике. В прежнее время, когда вообще критическое отношение к источникам было гораздо менее развито, охотно верили во всякие традиционные приурочивания тех или других общеизвестных произведений, могущих служить историческими источниками, к определенным лицам, как их авторам, и к определенным периодам времени, как к эпохам их возникновения. Для исторической критики небезразлично, соответствуют ли действительности подобные традиционные обозначения или нет, а когда оказывается, что традиция не имеет под собою реальных оснований, небезразлично также и то, каким образом и почему возникла отвергаемая традиция. Одним из главных поприщ, на которых изощрялась критическая мысль по вопросу о происхождении, авторства и времени написания отдельных памятников письменности, были древнееврейская и ранняя христианская литературы, очень поздно, впрочем, сделавшиеся предметом научно-критического

² Ссылаясь на книгу А. Ону "Выборы 1789 г. во Франции и наказания третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны" (1908).

³ Для примера сошлюсь на громадное исследование проф. Н. Ж. Бубнова "Сборник писем Герберта по рукописям, как исторический источник" (1888 — 1889): в этом исследовании устанавливается хронология писем Герберта (впоследствии папы Сильвестра II), оставившего большую переписку, из которой историк почерпает массу известий из конца X века.

исследования в качестве исторических источников.

Священное писание ветхого и нового завета давно подвергалось критике свободных мыслителей со стороны всего, что только заключается в их содержании сверхъестественного и чудесного, но только в XIX в. возникла критика отдельных составных частей Библии, как исторических источников именно со стороны их подлинности, состава, времени возникновения, приписывания их тем или другим авторам и т. п., что, конечно, разрушало установившуюся по всем этим вопросам традицию.

127

Историческая критика есть по преимуществу создание XIX века. Нередко она превращалась в то, что можно назвать инеркритикой, приводящей, в конце концов, к крайнему скептицизму, при котором никакая история не была бы даже возможна. Я говорю здесь не о скептическом отношении к достоверности истории вообще, вытекающем из того соображения, что у нас нет гарантии в верном понимании нами чужой психики, а о скептическом отношении другого рода, относящемся к неполноте, неточности, неискренности, прямой лжи, противоречивости и другим недостаткам исторических источников. Для таких скептиков история является простою "условною баснею" (*fable convenue*), т. е. небылицей, которую люди сговорились или молчаливо согласились принимать за правду. Огульное, без, детальной критики, опорочение всех исторических источников само по себе ненаучно, как и всякая предвзятая мысль. Нельзя не считаться с тем фактом, что жестокая критика, которой сто лет тому назад стали подвергаться исторические источники и которая разрушила не мало традиций с историческим содержанием, вовсе, однако, не имела результатом принципиального скептицизма относительно всякой исторической достоверности. Главное назначение критики не породить общее неверие в достоверность источников, а только приучать нас быть всегда на стороже относительно возможных в источниках неверностей⁴.

128

Критика источников требует не только известных умственных навыков, но и большого запаса знаний, между прочим, и в области соответственных вспомогательных дисциплин. Нужно прибавить, что некоторые историцисты к разным видам критики (точности, правдивости и т. п.) относят и интерпретацию, т. е. толкование того, что хотел сказать автор

⁴ О значении критики Сеньобос: "Критика не может ничего прибавить к общей массе доказательств, она может только урезать воображаемые доказательства; критика дает только отрицательный результат"... Она "противоречит нормальному складу умственных способностей человека, и верить тому, что говорят, есть прирожденная склонность человека... Критику надо применять во все моменты исторической работы; необходимо это противоестественное течение мысли превратить в органическую привычку". Исторический метод, стр. 25 и 28.

источника; это составляет чисто филологическую работу, касающуюся смысла слов, буквального или условного, переносного, или поскольку значение слов меняется с течением времени, по отдельным местностям у разных авторов, в зависимости от соседства с другими словами и т. п. Иначе говоря, в известных случаях при изучении источников требуется особое знание тонкостей языка,— условие, которое должно предшествовать всякой другой критике.⁵

⁵ В этой области возникла даже особая научная дисциплина под названием "герменевтики" («искусство изъяснения»): это — учение о способах объяснения текстов по возможности ближе к тому смыслу, который в них вложен самим автором. В особенности этот термин всегда употреблялся в применении к объяснению библейских текстов. Иное название герменевтики — "экзегетика" (от греч. «экзегеза», изъяснение). Прибавлю, что термину "интерпретация" авторы исторических методологий придают не всегда одно и то же значение (напр., у Лангла и Сеньобоса более тесное, у Бернгейма более широкое).

VII. Констатирование исторических Фактов.

Результатом исторической критики должно быть определение вообще степени достоверности имеющихся в нашем распоряжении источников и установление верности или неверности сообщаемых этими источниками известий. О последних мы можем притом говорить также с разными степенями уверенности, принимая одни за вполне или почти несомненные, другие за более или менее вероятные, третьи за несколько сомнительные или даже очень сомнительные, четвертые за безусловно неверные. Первая обязанность историка — выделять объективную, фактическую истину из массы всякого рода неверностей, которыми она обрастает в процессе устной либо письменной передачи участниками и очевидцами событий или людьми, только слышавшими о том и этом от других. Годное зерно отвеивается от мякины, от семян сорных трав, от всяких инородных примесей; крупинки золота отделяются от ничего не стоящего песка: так и в исторической науке то, что может быть её материалом, отвеивается, отмывается от того, что наука признаёт недостоверным. В каждом историческом источнике, заслуживающем внимания, иногда не все одинаково бывает верным. Если источник содержит сообщения о многих фактах, о каждом из последних можно говорить особо, признавая его либо достоверным, либо только вероятным, либо сомнительным, либо вне всяких сомнений кем-нибудь сочиненным. Каждое событие, о котором нам говорят исторические источники, равным образом, подлежит анализу, раз факт представляется нам сколько-нибудь сложным. Событие может быть вполне достоверным, но подробности, которые нам о нем сообщаются, могут быть не вполне верными или же и совсем неверными. Можно даже принять за общее правило, что в подробностях-то обыкновенно и бывает наибольшее количество ошибок.

130

Чем общее какой-либо исторически факт, существование которого засвидетельствовано достоверными источниками, тем менее у нас о нем может быть споров: это — вообще крупные факты, вроде существования Афинской республики, войны 1812 г., чартистского движения в Англии и т. п. Но каждый крупный (общий) факт есть сумма фактов более мелких (частных), каждый из которых, в отдельности взятый, может быть и мало нам известным, и не вполне ясным, и вообще спорным, а иная подробность окажется и совсем небылицей, от чего, однако, наше доверие к самому общему факту не колеблется.

Просеянные, так сказать, через сито исторической критики отдельные элементы нашего знания о прошлом очень часто бывают слишком

отрывочны для того, чтобы мы могли пользоваться ими для восстановления интересующих нас фактов в полном виде. Это, впрочем, случается, не в одной исторической науке. Палеонтологи знают это, быть может, даже лучше всех иных специалистов таких отраслей знания, где приходится иметь дело лишь с сохранившимися частями изучаемых предметов, а не с самими предметами в целом их виде. Знаменитый естествоиспытатель Кювье говорил, что если ему покажут только зуб какого-нибудь неизвестного животного, исчезнувшего давным-давно с лица земли, он сумеет восстановить весь внешний облик этого организма. Очень может быть, одного зуба для этого и мало, но палеонтологи идут, несомненно, этим путем, когда по некоторым частям скелета судят обо всем скелете, а по скелету и о внешнем виде разных "допотопных" чудовищ. Археологи тоже занимаются аналогичной реставрационной работой, когда, напр., по развалинам древнего храма, т. е. по сохранившимся кое-где стенам и колоннам или только отдельным кускам колонн пытаются представить себе, какой вид имел разрушенный храм, когда он только что был отстроен и стал обиталищем божества.

131

В историческом материале также заключается множество всякого рода лишь обломков и отрывков интересующих нас фактов или только второстепенных подробностей чего-либо существенно важного.

Конечно, такое знание не будет полным, явится знанием с множеством пробелов, которые историк-художник или исторический романист восполнит работой своего воображения, а историк-ученый или мыслитель постарается восполнить путём логических рассуждений. То, что у историков не редко есть по части достоверных данных о каком-либо событии, я сравнил бы с остатками художественного мозаичного портрета, из которого вывалилось и затерялось множество кусочков, входивших в состав мозаики, так что в изображении оказались ничем не заполненными некоторые места, а иные пробелы притом образовались в особенно важных пунктах. Впрочем, бывает и еще хуже, когда сохранившиеся кусочки и не остались на своих местах, и беспорядочно смешались в одну кучу. Археологам такие случаи хорошо известны, когда, наприм., приходится прилаживать один к другому черепки редкостного сосуда, чтобы потом, когда все слажено, их склеить и получить сосуд в его настоящем виде, хотя бы и не без некоторых изъянов.

132

Нередко и историк стоит (и даже чаще, многие думают) перед таким же склеиванием отдельных кусочков для получения некоторого, хотя бы и попорченного целого. О многих фактах прошлого мы даже узнаём не потому, что о них сохранились прямые известия, а потому, что учёные историки

воссоздали эти факты, надлежащим образом скомбинировав разрозненные свидетельства, относящиеся к другим фактам.

Достоинство научного знания, прежде всего, заключается в его точности. **Точность в пределах возможности** является идеалом и исторической науки, и ради именно соответствия знания с действительностью предпринимаются кропотливые исследования о том, насколько исторические источники дают нам достоверное знание о прошлом. Наше желание знать, однако, не удовлетворяется одним точным знанием. Если в одних отношениях мы готовы иметь очень ограниченное количество сведений, лишь бы каждое из них было достоверно и точно, то в других мы удовлетворяемся только вероятными и приблизительным, лишь бы в знании нашем не было пробелов, лишь бы оно было полно. Исторические источники молчат о многом, о чем мы, однако, желали бы знать, хотя бы в общих чертах, без конкретных подробностей, и хотя бы гадательно, без прямых доказательств. Констатировать факты, о которых говорят достоверные свидетельства, еще не значит иметь знание обо всех интересующих нас фактах: многие из них находятся, так сказать, в скрытом состоянии, и для полноты исторического знания, без которой доподлинно известные факты подчас не имеют никакой цены, очень важно бывает проникать умственным взором и в область этих скрытых фактов.

133

Скрытые факты, это — такие явления истории (события, учреждения и т. п.), "относительно которых исследователь, руководясь непосредственным выводом из существующих данных, имеет основание делать предположения с меньшей или большей, но не полной определенностью"⁶. Именно, отсутствие последней и отличает скрытый факт от известного, как, с другой стороны, наличность хотя бы некоторой определенности отличает его от факта вовсе неизвестного. Следует различать скрытые факты, совсем не засвидетельствованные в источниках и засвидетельствованные недостаточно ясно. Во втором случае, как-никак, сам источник может навести историка на мысль о констатировании скрытого факта, тогда как в первом случае, т.-е. когда в источниках нет никаких указаний, вся инициатива исследования должна принадлежать самому исследователю, раз только им сознаётся какой-либо важный пробел в его фактических знаниях о том или другом предмете. Конечно, в том случае, когда есть возможность прицепиться к чему-либо строго фактическому, исследование скрытых фактов может быть более успешным и приводить к более конкретным, хотя бы и гипотетическим результатам, нежели тогда, как

⁶ Самый термин "скрытые факты", — равно как и понятие, и определение скрытого факта, — я, сколько помнится, встретил в первый раз в книге покойного С. А. Муромцева "Очерки общей теории гражданского права" (М. 1877. Ч. I), в которой есть целая глава "об исследовании скрытых исторических фактов в применении к теории гражданского права" (стр. 53—122). Ссылаюсь на эту главу в виду того, что в ней обстоятельно разработан вопрос, часто совсем обходимый молчанием в методологиях истории.

историк желал бы что-либо узнать лишь на основании и при помощи общих соображений или аналогий с другими однородными, более известными нам фактами ⁷⁾.

134

В сущности, область скрытых фактов есть достояние гипотез, без которых не обходится ни одна наука, гипотез необходимых там, где бессилён эксперимент, невозможно наблюдение, отсутствуют прямые свидетельства. Было бы ошибочно полагать, что гипотезы бывают только в общих теориях и потому могут иметь лишь номологический характер, т.-е. что их задача — объяснять известные явления, данные нам где бы то ни было и когда бы-то ни было. Кроме таких гипотез, есть еще и другие, с содержанием идеографическим, когда предположение делается по отношению не к известному разряду явлению, а к какому-нибудь отдельному предмету, хотя бы таковым была и некоторая коллективность. Всякие реставрации допотопных ихтиозавров или афинского акрополя времен Перикла, римского форума при империи, какие нам даются палеонтологами и археологами прямо в рисунках, суть, несомненно, изображения гипотетические и, как все гипотетическое, лишь приближающаяся к тому, чем на самом деле были ихтиозавр, афинский акрополь и римский форум.

135

Во всякого рода реконструкциях такого рода деятельную роль играет воображение, и самый процесс воссоздания того, что не может быть предметом непосредственного наблюдения или что даже не сохранилось в снимках, есть процесс художественного творчества, хотя бы и сдерживаемого в известных границах не которыми объективными данными. Исследование скрытых фактов, не могущее претендовать на то, чтобы давать представление о них со всеми их конкретными подробностями, гораздо менее уже напоминает о процессе художественного творчества, так как всецело является процессом логического рассуждения на пути от чего-либо принятого за известное к некоторому искомому не известному. Конечно, предположительное всегда нужно строго отличать от более или менее прочно установленного и помнить, что гипотетические ответы могут быть лишь временными ответами, нуждающимися в новых аргументах и подлежащими постоянной проверке, и что предположительные решения научных проблем

⁷ Муромцев особенно подчеркивал роль общих соображений в этом деле, говоря, наприим., что "заключение о скрытом от нас историческом факте... всегда покоится на выводах из некоторых общих предложений, которых качества, — прибавляет он, — отражаются на достоинстве заключения" (стр. 49). В другом месте он подчеркнул, что здесь все дело не в выводе общего закона, а в познании единичного исторического явления. Своеобразный логический процесс, названный у него исследованием скрытых фактов, по его же словам, "не стремясь обогатить науку познанием того, как происходят исторические события, имеет целью раскрыть, что именно произошло во время и в месте, скрытых от наблюдения историка" (стр. 103).

имеют часто значение простых, как их называют, рабочих гипотез, лишь направляющих исследование на новый путь. Признание чего-либо фактом на основании общих соображений часто падает, как неосновательное, но случается, конечно, и так, что факты впоследствии подтверждают удачную догадку и превращают ее в доказанную истину.

Отрицать значение счастливых догадок в истории, или исторической девинации не приходится, но не она — главное в констатировании фактов и в реконструкции прошлого. Думать иначе значит признавать историю не наукой, а искусством и в "живой интуиции", как это мы находим у некоторых современных историков, видеть истинный путь исторического познания, который будто бы может быть только путем поэтических переживаний прошлого.

136

Без работы воображения не обходится, в тех или других размерах, ни одна наука, но воображение воображению рознь: одно оно у поэта, совсем другое — у ученого. И в поэзии, и в науке оно носит в себе творческое начало, но в науке творчество менее свободно, более зависит от фактов и ближе подходит к логическому процессу, нежели в поэзии, да и результаты получаются разные. Автор исторического романа или исторической драмы может вообразить и очень живо и ярко изобразить какую-нибудь характерную для эпохи, сцену, о которой, однако, не только не упоминается ни в одном источнике, но которой на самом деле никогда не было, т.-е. которая родилась в голове самого поэта, как плод его творческой фантазии. Дозволенное и в исторической работе воображение так далеко идти не может: историк не позволит себе сочинять то, чего заведомо не было, а если и внесет в своё повествование что-либо такое, о чём прямо не говорится ни в одном источнике, то лишь в качестве; логического вывода из тех или других научно-обоснованных посылок. Так он будет поступать и тогда, когда займется скрытыми фактами, и когда путем умозаключений из ряда мелких, но разбросанных черт сумеет воссоздать какой-либо крупный факт, непосредственно не засвидетельствованный никаким источником.

Об обобщающей работе в истории речь будет идти дальше, когда от изучения историком отдельных фактов мы перейдем к изучению им целых процессов, состоящих из отдельных фактов. Однако, и здесь необходимо коснуться этого предмета, поскольку историку приходится, напр., давать цельное изображение одного какого-либо события на основании разных, одни от других независимых показаний, притом такого рода, что, не совпадая между собою, они, тем не менее, другими дополняются.

137

Без помощи воображения такая работа успешно происходить не может,

и, конечно, это будет своего рода творчество, только без прямого сочинительства.

Употребляя выражение "исторический факт", мы хорошо знаем, о чём говорим, хотя и не даем этому понятию точного определения и не задумываемся над его значением⁸. Историческими фактами мы называем и то, что во Франции в начале XIX в. царствовал Наполеон, и то, что он вел беспрерывные войны, и то, что в 1812 г. он вел войну с Россией, и то, что в этой войне было бородинское сражение, и то, что в последнем был убит, напим., генерал Тучков, или что после бородинского сражения русская армия отступила и оставила Москву без защиты, и т. д. Одинаково же и существование Афинского государства — факт, и война Афин с персами в начале V в. до Р. Х.— факт, и саламинская битва—факт, и участие Фемистокла в этой битве — факт. Из этих двух примеров мы видим, что один факт может быть частью другого факта, эпизодом события, эпизодом эпизода.

138

Другими словами, есть факты, заключающие в себе множество других фактов, то большее, то меньшее их количество, одни вследствие этого более сложные, другие — более простые, но каковы бы они ни были, мы всегда называем фактом нечто, выделяемое нами из всего остального, нам известного, обособляемое от всех других соседних фактов, отграничиваемое от них точными указаниями, где и когда это нечто было, и получающее от нас свое особое имя или, по крайней мере, что-то вроде собственного имени. Господство Наполеона I во Франции мы отграничиваем от предшествовавшего ему республиканского строя и от сменившей его реставрации Бурбонов, с одной стороны, с другой же от царствований его современников: Александра I в России, Георга III в Англии, Фридриха-Вильгельма III в Пруссии и т. д. В совокупности всех войн, какие велись в царствование Наполеона, и которые мы, поэтому называем наполеоновскими, мы различаем отдельные войны и обозначаем их хронологическими датами или такими терминами, как русский поход (у нас "отечественная война"), немецкая война за освобождение. В каждой отдельной войне, как обособленные события, мы имеем перед собой ряд отдельных сражений, каждому, давая особое название по месту, где оно произошло, или как-нибудь иначе, вроде аустерлицкого сражения "трех императоров" или Лейпцигской трехдневной "битвы народов".

Исторический факт всегда является приуроченным к определенному месту и к определенному моменту времени. Наполеон царствовал во

⁸ "Factum" значит по-латыни сделанное, содеянное и, конечно, предполагает кого-либо, кто нечто данное совершил, но с течением времени слово это приобрело, так сказать, более безличное значение того, что произошло, что было, что имело место. Чума в Афинах во время пелопонесской войны, извержение Везувия, по губившее Помпеи и Геркуланум, лиссабонское землетрясение 1755 г. и т. п. могут быть названы фактами, хотя и не были содеяны какими-либо людьми.

Франции и был императором от 1804 до 1814 г. Главная его война с Россией велась в пределах самой России в 1812 г. и притом на территории, границы которой можно точно обозначить. Самая кровопролитная битва в этой войне произошла при селе Бородино 26 августа и длилась столько-то часов, от такого-то часа до такого-то.

139

Именно, в случае события, состоящего из ряда моментов и, следовательно, длительного, мы отмечаем (более или точно, когда можем, или лишь приблизительно) наступление и окончание события, как это делают и натуралисты, когда имеют дело с солнечным затмением, землетрясением, прорастанием семени и т. п. Все даже кажущиеся нам мимолетными события, напр., смерть в сражении, отграничиваются, равным образом, одни от других хронологически, моментами начала и конца, и каждое рассматривается, как некоторое отдельное целое, но, собственно говоря, это мы сами объединяем отдельные моменты в общее представление некоторого события. Исторический факт, как предмет изучения, нельзя уподобить материальному предмету, точно отграниченному от других предметов в пространстве. Без некоторой условности здесь дело не обходится, и потому столь часто историки спорят, что считать за начало и что за конец того или другого события или процесса.

VIII. Разделение исторических фактов на прагматические и культурные.

Исторические факты, это — всё то, что было в прошлом как ныне существующих, так и когда-то существовавших народов и о чём мы имеем верные известия. Присматриваясь ближе к этим фактам, мы можем различить между ними две категории, смотря по тому, можем ли мы говорить, что такой-то факт случился, произошел, совершился (или как-нибудь еще в этом роде) или же должны пользоваться какими-либо другими глаголами, которыми обозначается существование. В древней Греции существовала вера в Зевса; в Римской империи существовал колонат (прикрепленное к земли крестьянство); в средневековой Германии существовали вольные города; во Франции перед революцией существовала мелкая крестьянская собственность; в допетровской Руси существовало местничество и т. д. в подобном роде, но нельзя сказать обо всех этих фактах, что они случились, совершились или произошли. Наоборот, мы всегда можем сказать, что произошла битва, отнюдь не существовала битва или совершилось падение государства. Факты первой категории мы называем событиями (происшествиями), — ибо именно события совершаются, — и можем называть ещё фактами "былевыми". Тогда для фактов другой категории удобным термином будет быть, факты "бытовые", ибо все это — явления, входящие в содержание понятия быта, в частности быта религиозного (вера в Зевса в нашем примере), быта социально-экономического (колонат в Римской империи, крестьянская собственность в дореволюционной Франции), быта государственного (средневековые вольные города) и т. п.

Первоначально история занималась, главным образом, былевыми фактами, событиями, или происшествиями. Само немецкое обозначение истории — "die Geschichte" — стоит в связи с глаголом "geschehen", т.-е. случаться, происходить⁹. Если исключить события, происходившие вследствие действия сил природы (разрушение Геркуланума и Помпеи извержением Везувия, лиссабонское землетрясение 1755 г., наводнение 1824 г. в Петербурге), все остальные были делом рук человеческих, — все войны, революции, государственные перевороты, восстания, усмирения восстаний, воцарения новых династий, падения старых или же падения целых государств, реформы всякого рода, открытия, изобретения, — всего и не перечислишь.

141

В последнем анализе все чисто исторические события сводятся к

⁹ Geschichte, это — то, что происходит (gescheit) или происходило (geschehen ist).

человеческим действиям, будучи лишь суммами отдельных поступков отдельных людей, будет ли то борьба, работа и т. п.; недаром по-латыни такие исторические факты могли получить название "res gestae", а повествование о них было обозначено, как "historia rerum gestarum"¹⁰. В старину и у нас было в ходу слово "деяния", как своего рода синоним истории, а у западных славян это и теперь еще в ходу: так, поляки заменяют слово "история" словом "dzieje", чему у чехов соответствуют термины "deje" и "dejiny". Принимая это в расчет, мы имеем право назвать события фактами прагматическими, от греческого τὰ πράγματα (дела) одного корня с прилагательным πρακτικός, откуда употребляющаяся у нас слова "практика", "практически". Предлагая называть былевые факты прагматическими, я считаю нужным оговориться, что в применении к истории термин "прагматизм" уже давно был в употреблении¹¹. Прибавлю еще, что исторический прагматизм в том смысле, в каком этот термин будет употребляться в дальнейшем изложении, ничего общего не имеет с новейшим философским прагматизмом¹².

142

Прагматическая история была первою формою повествовательной литературы о прошлом народов. Однако, уже у отца истории, Геродота, кроме рассказа о событиях, мы находим описания нравов, обычаев, образа жизни и т. п. виденных им народов. Бытовая история, впрочем, долго стояла на заднем плане и в лучшем случае играла роль некоторого придатка к истории былевой, вроде параграфов "о внутреннем состоянии в старых школьных руководствах. **Первый, кто сознательно противопоставил бытовую историю былевой, был Вольтер, издавший в 1766 г. знаменитый "Опыт о нравах и духе народов"**. То, для чего Вольтер не придумал лучшего названия,

¹⁰ Первоначально имелись в виду лишь воинские подвиги.

¹¹ Греческое πράγμα, одного корня с глаголом πράσσω — совершаю и с существительным πράξις — дело, занятие, поступок, имеет довольно разнообразная значения, основным из которых является понятие сделанного дела. Различные значения имеет и прилагательное πρακτικός (занимающийся, деловой, опытный, сведущий и т. п.). Более частное значение обоих слов, это — "государственные дела" и „занимавшийся государственными делами". Что касается до сочетания слов "прагматическая история", то оно впервые встречается у греч. историка II в. до Р. X. Полибия (кн. I, гл. 2) и обозначает, как раз то, что в его истории речь идет о государственных делах. Позднее этот термин стали понимать в смысле поучающей истории (ср. die lehrhafte Geschichte у Бернгейма), хотя Полибий, собственно, такую историю называл иначе, а именно "аподиктическая (доказывающая, высказывающая мнение) история". По-видимому, отождествление прагматизма с наставительностью ведёт начало от Köhler (De historia pragmatica, 1714): у него истории, рассказывающей голые факты, противопоставляется такая, "которая научает (instituit) читателя, чему полезному он должен следовать и чего вредного избегать в гражданской жизни". В этом последнем смысле родоначальником прагматической (поучающей) истории стали считать Фукидида, но так как в его изложении начали обращать особое внимание на заботу о нахождении причин событий, то иные прагматизм и усмотрели именно в этом последнем приеме Фукидида. Пора вернуть термину значение, приближающееся к первоначальному и тем устранил довольно-таки произвольное его употребление. (Вообще я мог бы здесь привести целый ряд неодинакового толкования выражения "прагматическая история").

¹² Если бы слово "factum" сохранило свое первоначальное значение содеянного (кем-либо), прагматическую историю можно было бы назвать фактической, но дело в том, что слово „факт" приобрело более широкое значение бывшего вообще; ср. прим. на стр. 138.

как "нравы и дух", впоследствии стало обозначаться словом "цивилизация", что в близком, но не совсем точном переводе может быть по-русски передано словами: "гражданственность" или "образованность".

143

В первой половине XIX в. Гизо написал свои "истории цивилизации" во Франции и в Европе", в середине прошлого столетия Бокль прославился своей "Историей цивилизации" в Англии и т. п. То же самое понятие немецкие ученые предпочли обозначать термином "культура"¹³, хотя оба эти слова в обычном употреблении и не вполне между собою совпадают, да и самому термину "культура" даются неодинаковые толкования¹⁴. Это не помешало, однако, тому, что во французском лексиконе недавно появилось новое прилагательное "culturel", культурный. Наконец, первоначально в обоих терминах заключался элемент оценки, когда, напр., цивилизованным или культурным народам противопоставлялись народы варварские или дикие, — народы, так сказать, в естественном состоянии (одни — Kultur-Völker, другие — Naturvölker). В дальнейшем у нас культура будет употребляться в смысле быта вообще, безотносительно к более высокой гражданственности и образованности. Нет ни одного народа или племени на земле, у которого не было бы известных верований, обычаев, общественных порядков, т.-е. не было бы быта, не было бы культуры, как бы некультурна (в другом значении слова) ни была эта культура.

144

Кровавая месть, конечно, есть явление некультурное, но, тем не менее, оно есть явление, характеризующее ранние ступени культуры, взятой в смысле быта вообще. При отождествлении культуры с бытом вообще бытовые факты истории могут называться культурными фактами, как бы ни были они, на наш взгляд, некультурны. Откажемся здесь от всякой субъективной оценки для того, чтобы строго держаться подведения фактов под известную общую категорию лишь на основании объективного признака, их объединяющего.

"Культура" значит, как известно, возделывание, обработка¹⁵: дикий лес выращен самой природой, сады и огороды — продукты человеческой культуры. Такое возделывание, такая обработка может быть направлена на

¹³ Известный русский социолог П. Л. Лавров предлагал называть культурой данное бытовое состояние, а цивилизацией процесс развития культуры, в смысле её перехода с одних ступеней на другие, но это предложение, к сожалению, не обратило на себя внимания. См. его работу "Цивилизация и дикие племена".

¹⁴ Нельзя также не пожалеть, что у нас, особенно среди той части учащейся молодежи, которая специально историей не занимается, большою популярностью пользуется мысль о какой-то особой "истории культуры", отличной от "простой" или "обыкновенной" истории, хотя под симпатичным термином обыкновенно понимаются очень разнообразие вещи.

¹⁵ Термин стоит еще в связи со словом "cultus" в довольно различных смыслах и богопочитания (культы), и заботы о своем духовном развитии (cultus animi) или об удобствах жизни (cultus vitae).

самой природу, и мы тогда говорим о материальной культуре народа, низка ли она или высока, и по тем продуктам, которые получаются в результате обработки материальных предметов, мы судим о технике разного рода производств у данного народа, о его прикладных знаниях, умениях, навыках, приемах, при помощи которых обеспечивается, прежде всего, его материальное существование. Другую категорию культурных фактов представляют собою те, в которых выражается происходящая в жизни обработка самого человека, своего рода его воспитание не только в приобретении известных технических умений, но и в усвоении разных представлений, понятий, идей, знаний, чувствований, настроений, стремлений, равно как в развитии духовных способностей, вложенных в человека природою.

145

Это — явления культуры духовной, исторические элементы которой составляют язык, мифология, фольклор, религия, философия, наука, литература, искусство. Наконец, постоянную обработку испытывает и само общество в своих более или менее прочно установившихся формах, и разные проявления общественной культуры мы подводим под такие понятия, как государство, право, народное хозяйство. Все это быт, все это культура: и то, как пашется земля, и то, как одеваются люди, строятся дома, перевозятся товары, и то, в каких богов верят и как им молятся, или как представляют себе вселенную, какие поют песни, что знают о своем прошлом, и то, наконец, кто стоит в главе управления и как управляет, какие законы существуют для имущественных отношений, как производится суд над преступниками, в каком отношении находится население к земле, им возделываемой,— всего здесь и не перечтешь.

Вглядываясь в культурные факты ближе, мы видим, что между ними можно установить некоторые разряды, даже целую классификацию. Мы только-то сделали различие между материальной, или технической культурою, культурою духовною (образованностью) и культурою общественною (гражданственностью), но и в каждой из этих категорий есть свои подотделы со специальным характером: религия не то же самое, что философия, а философия не то же самое, что наука, или, с другой стороны, политические факты мы отличаем от юридических, а юридические — от экономических. Сколько бы, однако, мы, наблюдая действительную жизнь, ни создали таких специальных категорий, каждая из них, в последнем анализе, сведется к наиболее часто повторяющимся в разных сторонах народной жизни формам физической и психической деятельности людей, к приемам возделывания земли, способам обработки металлов, умениям передавать свои мысли на расстоянии привычкам то или другое понимать известным образом, обычаям разного рода, тем или другим особенностям взаимных отношений между властвующими и подвластными, тем или другим

нормам взаимного, поведения, установившимся порядкам владения и пользования землей и пр.

146

Все эти приёмы, способы, умения, навыки, привычки, обычаи, нравы, отношения, порядки, нормы и как бы мы их там еще ни называли, все это — формы, в которых протекает деятельность людей, и эти формы в каждом обществе повторяются бесчисленное множество раз. Если, в конце концов, события разлагаются на отдельные действия отдельных лиц, в событиях участвующих, то и культура разлагается на специальные формы, объединяющие каждая большое количество случаев: землю одинаковым образом пашет множество крестьян какой-либо страны; в Зевса и других богов-олимпийцев одинаково верили целые поколения греков; Людовику XIV одинаково повиновалось не только за страх, но и за совесть подавляющее большинство французов второй половины XVII в.; переход наследств совершается почти во всей России, где только действуете X том Свода Законов, одинаковым образом и т. п. Каждое событие индивидуально, каждая форма имеет коллективный характер, но из этого отнюдь не должно следовать, что культурные формы не являются предметом идеографического изучения.

Итак, исторические факты могут быть разделены, с одной стороны, на события, факты былевые, прагматические, и с другой — на формы быта, факты бытовые, культурные¹⁶. Придавая этому разделению большое значение не только в теории исторического знания, но и в теории исторического процесса, я считаю себя здесь обязанным рассмотреть одно возражение, которое недавно было сделано по поводу такого деления.

147

Указывают¹⁷, именно, будто в "делении истории на прагматическую и культурную, или на историю политических деяний и историю социальных состояний" продолжается контовское деление социологии на статику и

¹⁶ Это деление исторических фактов на прагматические и культурные мы найдем — с другими только названиями — у разных историцистов. Наприм., Bourdeau в "L'histoire et les historiens" (1888) первые называет событиями (evenements), вторые — функциями (fonctions), в смысле "отправлений разума". Другой французский историцист, Lacombe, автор книги "Histoire consideree comme science" (1894), переведенной порусски под заглавием "Социологические основы истории" (1895), делит исторические факты на события и учреждения, или установления (institutions), разумея под этою категорией и явления духовной культуры. Bernheim, внося в свое определение предмета истории слово "Bethatigung", объясняет, что нарочно употребил его, вместо таких слов, как "Handlungen, Traten" (т.-е. деяния), дабы включить сюда и "более пассивные проявления жизни" (die stilleren, mehr passiven Lebeüsausserungen) и так называемые состояния (Zustände). Lehrbuch, 12 — 13. Иногда подобные противоположения событий (Ereignisse) состояниям (Zustände) делаются просто мимоходом. См., напр., G. Simmel. Die Probleme etc., 100. Все более или менее согласны называть факты первой категории событиями, а факты второй категории называют разное (fonctions, institutions, Zustände и т. п.)

¹⁷ Проф. Р. Виппер. Несколько замечаний о Теории исторического познания. См. в его книге "Две интеллигенции и другие очерки" (1912), стр. 51—52.

динамику, с которыми смешаны, с одной стороны, анатомия общества, с другой его физиология, как будто изучение строения и изучение состояния покоя — одно и то же, и одно и то же, равным образом, изучение отправления и изучение пребывания в движении. Что Конт смешал очень различные вещи, это не подлежит сомнению, но разделение исторических фактов на прагматические и культурные не имеет ничего общего ни с анатомическим и физиологическим "углом зрения наблюдающего организм", ни со статическими и динамическими реальными отношениями покоя (порядка) и движения (прогресса).

148

Культурные и прагматические факты различаются между собою совсем не с тех точек зрения, которые принимаются в расчет, когда строение организма противопоставляют его отправлениям, а состояние покоя нахождению в движении, или еще когда Конт делит эпохи на органические и критические. Культура данного общества обнимает и его строение, и его отправления и может быть, сверх того, находиться и в неподвижности, и в движении, переживать в данный момент органическую или критическую эпоху. Если уже искать сравнений для характеристики культуры и прагматики, то никак не таких сравнений из механики или биологии¹⁸.

Притом нельзя прагматическую историю отождествлять с историей "политических деяний", а культурную с историей "социальных состояний": ибо и деяния, и состояния одинаково возможны и в политической сфере, и в социальной, и во всякой другой области общественной культуры или вообще культуры. Притом еще, те, которые предлагают критикуемое деление, имеют в виду, говоря о культуре, не столько состояния, сколько формы, в каких протекает жизнь и деятельность общества.

Неверно, далее, будто лишь в культурной истории с критикуемой точки зрения "допускается влияние массового фактора", в прагматической же предполагается "наличность или даже преобладание личного фактора, инициативы личности, влияния крупных людей"¹⁹. Ничего подобного: и в культурных, и в прагматических фактах одинаково можно обнаруживать и личные, и массовые элементы, как это и будет показано во второй части нашего труда.

149

Наконец, не по адресу деления исторических фактов на прагматические и культурные направлено и еще такое обвинение, будто одни противопоставляются другим (события состояниям) "не в качестве двух наших умственных разрезов, а как противоположные реальные вещи или реальные

¹⁸ Ср. ниже, стр. 164.

¹⁹ См. стр. 53 названной статьи.

отношения"²⁰, и что многие готовы представлять себе "два разных ряда явлений, в которых господствуют два разных закона"²¹. Если и есть теоретики истории, так понимающие дело, то это отнюдь не вытекает из существа предлагаемого деления²².

Остановимся еще на одном недоразумении, связанном с делением исторических фактов на две указанные категории.

150

Среди историков, так или иначе отличающих культурные факты от прагматических, есть такие, которые готовы утверждать, что только первые могут быть материалом науки вследствие их повторяемости забывая, что определенные бытовые формы (и определенное содержание духовной культуры) в своей конкретности и в данных комбинациях всегда нам даются в истории только один раз, в определенном месте в определенном периоде времени²³. Задача идеографического изучения исторических фактов одна, будут ли это факты прагматические или культурные, и для констатирования наличности и тех, и других наука идет одним и тем же путем. Научно описать какую-либо бытовую форму и научно рассказать какое-либо событие в сущности, одна и та же задача, разрешаемая одними и теми же приемами. Если бы кто стал утверждать, что прагматические факты — достояние истории, как искусства, а культурные — достояние истории, как науки, то ведь, с одной стороны, далеко не все события могут быть предметом художественного воспроизведения, а с другой, и в области культурных явлений найдется не мало таких, которые сами, так сказать, просятся сделаться предметом художественного описания. Наконец и по своей важности в целом истории, — если уже стать на такую точку зрения, — иное событие, вроде французской революции, в гораздо большей степени заслуживает изучения, нежели какая-либо бытовая форма, в роде, наприим., способа жертвоприношений богам у того или другого из древних народов.

²⁰ Там же, стр. 54.

²¹ Там же, стр. 52.

²² Сам критик признает важность некоторых "приемов" в качестве "известных толчков к наблюдению, к классификации" или "способов совершать разрезы материала", и сам же к таким приемам относит "обычное разделение материала на события и состояния", находя притом, что "группировка эта весьма естественна" (стр. 49). Это и для него "два возможных способа наблюдения и классификации": "раз, говорит он, они заключают в себе для нас известное удобство, мы можем, конечно, далее распределять весь материал явлений по двум группам, сменяя по очереди применение двух способов" (стр. 50). Впрочем, проф. Випер, в сущности, противопоставляет одни другим — состояния "на протяжении пространственном" событиям "в порядке следования на протяжении времени" (стр. 49 — 50), но это не совпадает с нашим делением, по которому и культурные, и практические факты находятся в совершенно одинаковом отношении к обеим категориям (т.-е. и пространства, и времени), как могущие и сосуществовать, и следовать одни за другими.

²³ Упомянутые выше Бурдо и Лакомб как раз стоят на такой точке зрения, исключая "события" из фактов, составляющих предмет исторической науки, дабы **оставить значение истинного предмета этой науки за одними "fonctions" и "institutions"**. Их взгляды рассмотрены мною были во "Введение в изучение социологии" (глава IX). Ср. выше, стр. 74 — 75, где говорится, что и массовые явления, взятые в данном месте и в данное время, имеют индивидуальный характер. Любопытно, что Бернгейму, наоборот приходится защищать право "состояний" быть предметом исторической науки против тех, которые ограничивают её компетенцию одними лишь "событиями". Lehrbuch, 13.

151

Я хочу вообще сказать, что прагматическими фактами никак не подобает пренебрегать, как будто бы недостойными исторической науки, и что нельзя думать, будто последняя должна изучать только факты культурные, одни якобы и достойные научного исследования.

Затем, так ли уж верно, что в культурной области истории мы познаём только нечто, постоянно и однообразно повторяющееся в том или другом коллективе? Если, с одной стороны, люди известного времени и в известной стране одинаково пашут или одеваются, верят в одних и тех же богов и почитают их одними и теми же обрядами, не различаются между собою и в своих отношениях к преобладающей власти и в подчинении общим законам и т. п., то, с другой стороны, везде и всегда возможны исключения из общих правил, исключения индивидуальные, то находящие себе потом подражателей, что придает и им характер коллективных фактов по мере накопления этих подражаний, то остающиеся неподражаемыми, единственными в своем роде, строго индивидуальными и именно своею оригинальностью привлекающие к себе внимание историка. В областях философского, научного и художественного творчества мы особенно часто встречаемся с подобными "униками", и неужели для истории недостойно изучать со своей точки зрения "Критику чистого разума" Канта, "Происхождение видов" Дарвина, "Преображение" Рафаэля, их происхождение, влияния современности, под которыми эти произведения сложились, их значение в истории философии, науки, искусства, действия, которые они произвели по отношению к современникам и к потомству, т.-е. неужели непозволительно всё это изучать только потому, что эти произведения строго индивидуальны?

152

IX. Установление связей между историческими фактами

Констатирование фактов, имевших место в прошлом, установление, что нечто произошло или нечто существовало, даёт в результате только известное количество разрозненных сведений. Сколько бы мы ни узнали, ни собрали, ни накопили достоверных известий о разных событиях и бытовых явлениях, это еще не составит содержания исторической науки, а будет только материалом для дальнейшей обработки, не более. Отдельные исторические факты могут наполнить массу инвентарей, каталогов, словарей, пригодных для справок, но не накопление материала — цель науки. Выше было сказано, что науке нужно точное знание, прежде всего, но ей нужно также знание связное, не разрозненное нечто, не *disiecta membra dei*. Обладание самым громадным количеством ничем не связанных между собою сведений можно, пожалуй, назвать ученостью, но только в смысле эрудиции, никак не в значении научного знания. Простой инвентарь фактов, повторяю, не наука, и начетчик ещё не учёный.

Каждая наука должна быть системою, связывающею её разрозненные данные в одно целое или, по крайней мере, к этому стремящуюся,— системою, в которой отдельные сведения были бы размещены в известном порядке, диктуемом логикой и реальными соотношениями самих вещей. Разные науки имеют и разные систематизации.

153

Элементарная геометрия, которую проходят в средней школе, следует логическому порядку перехода от простейшего (точки, линии) к более сложному (плоскостям, телам), и в ней теоремы как бы нанизываются на некоторую руководящую нить, причем в общем их порядке они доказываются на основании того, что было уже доказано в других. В ботанике и зоологии все формы растительного и животного царств размещаются по семействам, разновидностям, подвидам, видам, родам, совокупность которых составляет очень сложные классификации с подчинением и соподчинением одних таксономических категорий другим. Животные разделяются на беспозвоночных и позвоночных, последние — на млекопитающих, птиц, рыб, гадов, млекопитающие — на такие-то разряды и т. д. до такого, в каждом отдельном случае, предела, где дальнейшее подразделение более невозможно. По признакам однородности, сходства могут таким же образом классифицироваться и предметы, представляющие собою дело рук человеческих, наприм., здания по архитектурным стилям, картины по школам живописи, равно как и вообще бытовые формы, наприм., обычаи, учреждения, раз мы находим сходства между явлениями одной и той

же категории в разных местах и в разные времена. Но в подобного рода сопоставлениях однородного, независимо от места и времени, имеются в виду обобщения, ведущие к номологическому знанию, что составляет уже переход от истории к социологии. История, как наука идеографическая, связывает лишь факты, относящиеся к известному месту и близкие между собою по времени, особенно, как это здесь нужно подчеркнуть, по времени.

154

Имея данными нам события, совершившиеся в какой-либо стране, мы первым делом должны знать или узнать, какие из них за какими следовали во времени, датировать их, что не всегда определяется самими источниками. Имея готовые сведения о последовательности событий или узнавая ее путем рассуждения о данных нам фактах, мы, впрочем, только хронологически их известным образом размещаем, но это еще ничего не говорит о их взаимных отношениях. С каждым поворотом трубки калейдоскопа фигура, которую в нем можно видеть, будет другая, но между первой и второй, второй и третьей, третьей и четвертой фигурами не будет никакой внутренней связи. Нет никакой связи и между отдельными картинами и сценами, которые следуют одни за другими в представлении кинематографа: вам показывают путешествие по норвежским фиордам, потом комические сцены, к за которыми следует изображение слонов, идущих на водопой, и т. д. Точно также ничего вам не скажет и тот порядок, в котором проходили мимо вашего окна разные люди, мужчины и женщины, старики и дети или проезжали экипажи, пробегали собаки. Не то, что за чем следовало, важно знать в истории, а то, что из чего вытекало, что чем обуславливалось, что к чему приводило: историка интересует именно причинение предыдущими событиями событий последующих. Это было всегда, хотя бы историк пускал в ход разный мифологический аппарат, когда ему не доставало знания реальных причин.

"После" еще не значит "вследствие", и обратная формула: "post hoc, ergo propter hoc" глубоко ошибочна. Причина есть такой предыдущий факт, без которого не было бы и последующего факта. Пожара не было бы, если бы не было неосторожного обращения с огнем, поджога, пожара в соседнем доме, удара молнии.

155

Стакан не разбился бы, если бы нечаянно его не столкнули со стола или он не был брошен на пол. Здесь не место разбирать вопрос о происхождении самой идеи причинности и анализировать понятие причины. Будем просто считаться с существованием этой отвлеченной категории вообще и в частности с тем, что историки всегда искали, да и теперь ищут

каузальных²⁴, или причинных связей между изучаемыми событиями. Самое понятие прагматизма отождествляется многими с понятием каузализма: не то выдвигается вперед, что изучаются события, а то, что между событиями отыскивается причинная связь²⁵. В этой научной работе каждый факт понимается, как следствие другого (или других при множественности причин) и как причина третьего (или тоже нескольких) при множественности следствий. Благодаря этому, события одни за другими как бы нанизываются на нить причинности, и образуются каузальные цепи, которые мы можем тоже, так или иначе, комбинировать между собою, пользуясь тем же принципом. **Общая причина может породить ряд параллельных каузальных цепей, и многие каузальные цепи могут соединиться в порождении одного общего следствия.**

Идею причинности мы распространяем на все явления мира, доступного нашему познанию. Она приложима не только к событиям, но и к состояниям, к бытовым формам: почему в стране сложилось такое-то государственное устройство, такой-то аграрный строй, такое-то разделение на классы и пр.? Но по отношению к связи, в какой находятся между собою бытовые формы, мы имеем дело и с иным еще понятием. Положим, нам дано учреждение, напр., верхняя палата английского парламента. Теперешний её облик уже не тот, какой она имела, ну, хотя бы сто лет тому назад и так далее, пока мы не дойдем до "великого совета" нормандской, эпохи из которого возникла верхняя палата, а затем и до англо-саксонского витенагемота, предшествовавшего "великому совету".

156

Скажем ли мы, имея перед собою ряд последовательных фактов-форм, что витенагемот был причиной "великого совета", а "великий совет" причиной палаты лордов и что вчерашняя палата лордов всегда бывала причиною сегодняшней, как сегодняшняя будет причиною завтрашней? Когда мы замечаем в истории какого-либо явления перемену формы, мы для этого факта, как имеющего, несомненно, значение события, будем искать каузального объяснения, но самое превращение одной формы в другую, процесс трансформации, будем мыслить по принципу каузализма. Всем хорошо известны так называемые метаморфозы насекомых: мохнатый червячок превращается в, серую куколку, которая в свою очередь превращается в пеструю бабочку. Метаморфоза и значит трансформация, перемена формы, превращение²⁶. Нечто подобное мы видим, когда наблюдаем, как прорастает горошина и как из ростка с двумя листочками образуется растение, которое потом цветет и т. д. Яйцо, птенец, взрослая птица — тоже пример такого изменения форм. Никому, однако, не придёт в

²⁴ Лат. "causalis", причинный, от "causa", причина.

²⁵ Ср. выше, стр. 143, прим.

²⁶ Греч. μορφη, образ, наружный вид, откуда – метаморфоза, обращение в другой вид. Ср. "forma" и "transformatio".

голову, наблюдая эти зависящая одна от другой в порядке последовательности стадии, сказать, что яйцо было причиной цыпленка или куколка причиной бабочки. Это одни и те же существа, но на разных стадиях своего развития. Развитие, эволюция²⁷ — вот термин, вот понятие, приложимые к приведенным примерам: предыдущее и последующее здесь являются не причиной и следствием, а двумя преемственными фазами, стадиями, ступенями, этапами (дело не в слове) эволюции, развития.

157

Вместе с каузальными связями и цепями, или рядами наука устанавливает ещё связи и ряды эволюционные, нанизывая факты, следовательно, на нити то причинности, то эволюции. Каузализм старой историографии современная историческая наука дополняет эволюционизмом, но оба эти отношения объединяются в общей генетической точке зрения²⁸ — как что произошло из того, что нам фактически дано в истории. Это — историческая точка зрения по преимуществу, будем ли мы её применять к природе, или к жизни человечества²⁹.

158

В сущности, принципы причинности и эволюции присущи всякой науке, и историю делает наукою именно то, что она устанавливает между отдельными конкретными фактами те же связи, как и другие науки. Положение, что одни и те же причины должны порождать одни и те же следствия, является основною посылкою всякой номологии, а историк, имеющий перед собою идеографическую задачу, в сущности, применяет идею каузальной закономерности, царящей в мире, лишь к отдельным конкретным случаям. Общие формулы эволюции, распространяющиеся на все однородные случаи где бы то ни было и когда бы то ни было, тоже

²⁷ Слова эволюция" и революция" одного корня, который лежит в основан глагола "volvere" — катить, вертеть. В то время, как с приставкою "re" мы имеем понятие возвращения вспять, оборота, переворота; с другою приставкою, обозначающею "из", слово обозначает развертывание. Такой же смысл развертывания, разворачивания имеет и французское "developpement", в отличие от "enveloppement", т. е. завертывание, обвертывание. Аналогичное образование имеют также и немецкое "Entwicklung", равно как и наше "развитие", польское "rozwoj" и т. п. Общий смысл слов тот, что нечто завернутое, скрытое развертывается, раскрывается, как бы себя обнаруживает и т. п. Это применяется, кроме того, и к раскрытию, т. е. более подробному изложению или распространению какой-либо мысли.

²⁸ От греч. γένεσις происхождение, начало.

²⁹ Говоря о законах последовательности обыкновенно, не делают указанного различия. Напр., "в законах последовательности, иначе преемства и чередования явлений мыслится порядок или последовательность, в которой постоянно явления сменяют друг друга или следуют друг за другом; напр., приём хины вызывает понижение температуры крови... Другой пример: за днем следует ночь и наоборот". А. И. Введенский. Логика, стр. 320. Впрочем, автор оговаривается, что многие из законов последовательности не высказывают причинных связей, стр. 321. Полное неразличение понятий причинности и развития мы находим у проф. Виппера, когда он говорит: "диалектический приём при наблюдении какого-либо целого выделяет известные признаки и расставляет их в перспективе; они кажутся тогда разновременными моментами, фазами движения; они кажутся ранними и поздними состояниями, или, что то же (sic!), причинами и следствиями". Очерки теории исторического познания, стр. 201.

относятся к области номологии, историк же, с его идеографической задачей, и здесь, объясняя генезис конкретных культурных форм, исходит из основной идеи эволюционной закономерности. Значит, история изображает не простую беспорядочную смену случайных явлений, а закономерную их последовательность, стараясь установить необходимость того, что было, как оно было.

Когда романист или драматург изображает какие-либо им самим придуманные события, от собственного произвола автора — при известном, конечно, умении — зависит, чтобы все в фабуле было для читателя понятно, чтобы все моменты последовательно обуславливались один другим. Историк находится в другом положении, когда строит свои каузальные цепи событий, свои эволюционные ряды бытовых форм.

159

Во всякой каузальной цепи каждое событие является отдельным звеном, будучи следствием предыдущего и причиной последующего, но уже от состояния исторического материала будет зависеть, обо всех ли звеньях данной цепи найдутся известия в наших источниках, или же в последних обнаружатся более или менее важные пробелы, если о целых промежуточных между А и F звеньях, т. е. звеньях В, С, D и E нам наши источники ничего сказать не могут. Чем меньше сохранилось известий из какой-либо эпохи, тем больше в исторических её источниках таких пробелов, да и при большом количестве источников во многих случаях может не хватать чего-нибудь существенно важного для того, чтобы историк мог связать между собою два факта, непосредственно, так сказать, один с другим не соприкасающиеся. Часто историк знает, что недостающие ему известия есть, и даже где их искать, но в это же время ему бывает известно, что до поры, до времени эти известия находятся под спудом, в каком-нибудь секретном фонде архива, как государственная тайна. Сами современники и не подозревают многого такого, что впоследствии делается известным потомству, благодаря ли случайным находкам позабытого материала, или обнаружению таких источников, которые раньше за семью печатями оберегались от посторонних взоров. Звенья каузальных цепей, не попавшие вместе с другими в наши источники, это — тоже скрытые факты, о которых речь уже была выше. Иногда перед такими иксами, игреками и зетами историку приходится только разводиться руками и, признаваясь в своем незнании, даже и не обещать, чтобы когда-либо неизвестное стало известным. В других случаях, ухватываясь за известные моменты, историк заключает от них к неизвестным, но чтобы это было возможно, нужна, конечно, наличность некоторых условий.

160

Всякий, учившийся элементарной алгебре, знает, что сколько бы ни

было известных, хоть бы сто тысяч, в одном уравнении с двумя неизвестными x и y , задача найти величины этих x и y неразрешима: для определения двух неизвестных величин нужно иметь и два уравнения. Историк в таком положении помогает суждение по аналогии с однородными случаями, бывшими в других местах и в другие времена. Помогает точно также логическое рассуждение, общие соображения, помогает удачная догадка, то, что называют дивинацией или интуицией. Но во всех подобных случаях и историк должен оговариваться, что хотя бы им и было предложено свое объяснение или принято чужое, все-таки проблема остается проблемой. И такими загадками усеяно, — нужно в этом признаться, — всё необозримое поле прагматической истории.

Сказанное о последней относится в равной (а иногда и большей) мере и к истории культурной. Наши сведения о бытовых фактах бывают весьма часто и скудными, и отрывочными. Мы узнаём случайно, что в такой-то стране в таком-то веке существовали такие-то формы экономических отношений, а затем за целый ряд веков источники совершенно молчат об этом предмете, и вдруг опять из какой-нибудь эпохи, уже более к нам близкой, как бы доходит до нас луч света, падающий на тогдашние, изменившиеся в сравнении с прежними формы. Значит, весь промежуток остается "покрытым мраком неизвестности": когда, как, почему произошло изменение данных форм, — вот ряд вопросов, которые науке приходится решать разными находящимися в её распоряжении способами, пуская в ход и интуитивные догадки, и последовательные соображения, и аналогии с более известными однородными явлениями.

161

От индивидуальных склонностей и способностей историков, от личного вкуса и интереса, от особого умения и навыков зависит, будет ли историк более направлять свою деятельность на каузальное или эволюционное связывание известных фактов, или на отыскание корней и нитей в области скрытых фактов и во временах, покрытых мраком неизвестности.

Со своими задачами каузального и эволюционного объяснения, т. е. вообще объяснения генетического, историческая наука является по преимуществу наукой о происхождении явлений, пестрою чередой сменяющихся в жизни народов. Не только связывание между собою разрозненных фактов, как причин и следствий или как разных ступеней развития, в данном отношении является характерным для исторического метода, применимого в других науках в гораздо меньшей мере, но и стремление понять каждый отдельный факт путем исследования его генезиса особенно характеризует историческую точку зрения. Когда предмет изучается для того, чтобы в результате получилось знание того, что такое он есть, каковы его свойства и каково его отношение к другим сосуществующим

предметам, мы стоим по отношению к нему на неисторической точке зрения, историческая же точка зрения и заключается в таком отношении к предмету, в котором главное — в вопросе, как он произошел, в чем заключаются его корни в прошлом и какое место он занимает в изменчивом потоке вещей. Неисторическое отношение к явлению может и должно брать изучаемое явление не только в нём самом, но и в окружающей его обстановке, историческое же, сверх того, берет его с его antecedентами, только как своего рода временный этап в непрерывно совершающемся процессе.

162

Огюст Конт делил социологию на социальную статику и социальную динамику, заимствовав эти термины из механики³⁰: одна открывает законы сосуществования общественных явлений, другая — законы их последовательности. Если мы применим эту терминологию к идеографическому изучению (которым и занимается история), то историческая точка зрения и будет соответствовать именно динамической.

Кстати: Конт не различал последовательности каузальной и последовательности эволюционной. Делая эти различия между двумя видами связывания между собою отдельных фактов, даже между процессами каузального и эволюционного типов³¹, я, однако, далек от малейшего намерения обособлять их один от другого. Одних историков более интересует прагматика с её каузализмом, других — культура с её эволюционизмом, третьи сочетают интерес к обоим направлениям лишь с большим наклоном в одну какую-либо сторону или держа обе в известном равновесии, но и те, и другие, и третьи изучают, в сущности, не два разных исторических процесса, якобы не имеющих ничего общего между собою, а единый процесс, так сказать, рассматриваемый с разных сторон. Забегая вперед в теорию исторического процесса, можно сказать, что в нем прагматика и культура соединены между собою так же неразрывно, как в ткани нити основы и нити утока или как лицо и изнанка ткани.

163

На чем бы, т. е. на прагматике или на культуре ни сосредоточил свой интерес и своё внимание историк он не может, занимаясь одним, совершенно игнорировать другое.

³⁰ Выше (стр. 148) было отмечено, что Конт смешивал со статикой, изучающей предмет в состоянии покоя, анатомии, изучающую строение организма, а с динамикой, рассматривающей движение, с физиологией, исследующей отравления организма, но, устранив это смешение, мы можем держаться данных терминов (если только для второго не взять слова „кинематика“).

³¹ О различии между ними подробнее см. в моей книге «Сущность исторического процесса», стр. 414 и след. Между прочим, здесь я говорю (стр. 419) об одном из критиков моих "Основных вопросов философии истории", который одним своим замечанием дал мне повод подробно обосновать свое различие между каузальными и эволюционными законами. По тогдашним цензурным условиям я не мог назвать имя критика: это был П. Д. Лавров.

Возьмём для примера французскую революцию, как она обыкновенно рассказывается. Это ряд событий, быстро следовавших одно за другим, одно из другого вытекавших, одни вызывавшие другие. Третье сословие объявляет себя национальным собранием, ответом на что со стороны двора является королевское заседание, целью которого было аннулировать совершившийся факт. Неудача, постигшая двор, заставила его подумать о государственном перевороте при помощи военной силы, но известие о том, что к Парижу стягиваются войска, вызвало восстание 12 — 14 июля, приведшее к взятию Бастилии и сделавшееся как бы сигналом к восстаниям во всей Франции, между прочим, и в деревнях. Крестьянские волнения заставили национальное собрание подумать о том, как бы успокоить сельское население, и результатом было знаменитое ночное заседание, в котором была объявлена отмена прежних привилегий. Такой шаг не мог быть принят при дворе равнодушно, но на первые признаки грозившей реакции парижское население ответило походом на Версаль, после которого король и национальное собрание переселились в Париж. Вот краткая схема, голый скелет событий с середины 1 июня до начала октября 1789 г. **Каждый факт — событие, объясняющееся из другого и, в свою очередь, объясняющее третье.**

164

Эти события рассказываются детально, с картинными и драматическими подробностями, с упоминаниями о побочных следствиях, но, в конце концов, и возникновение революции, и все последующее течение событий останутся не вполне понятными, если не знать при этом состояния Франции в 1789 г., её быта, её политических, административных, финансовых, юридических, социальных, экономических порядков, её умственных течений и душевных настроений, распространенных в ней идей и оценок положения дел. **Прагматический процесс истории совершается, так сказать, не в безвоздушном пространстве, а в известной среде, этою же средою и является весь быт в широком смысле этого слова.** Нужно знать государственное устройство Франции, тогдашнюю правительственную практику, систему казенных доходов и расходов, состояние права, сословный строй, организацию землевладения, сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности, материальное положение народных масс и т. п., и нужно знать ходячие идеи французов конца XVIII в. о политике и экономике, о религии и морали и т. п., дабы с успехом разбираться в течение событий революции. Одно прагматическое изучение этой эпохи без культурного изучения, хотя бы и в более общих чертах и в более ограниченном размере, может дать только знание внешнего облика событий без той внутренней основы, которую они имели.

И с другой стороны — то же самое. Историк французской революции Тэн хорошо сравнил эту самую историю с метаморфозой насекомого. Франция в 1789 — 1799 гг., действительно, испытала метаморфозу: после

1799 г. она уже была не та, что до 1789 г. В жизни человеческих обществ постоянно совершается трансформация, но обыкновенно она происходит медленно и не одновременно в разных областях жизни. Во Франции конца XVIII в. перемена форм политическая, социального, экономического и т. д. быта произошла быстро и сразу охватила все жизненные отношения страны.

165

Представим себе историка, который хотел бы проследить эволюцию всех бытовых форм французской нации в XVIII и XIX вв. Конечно, он должен был бы отметить ускорение движения в конце XVIII столетия, и задача его заключалась бы в том, чтобы отыскать в прежнем зародыши, корни, прецеденты нового, а в новом — следы, пережитки и остатки старого, но при детальном объяснении того, как старое заменялось новым, как новое зарождалось еще в старом или как старое внедрялось в новое и почему это так происходило, он не в состоянии был бы обходиться без ссылок на отдельные события, на общий их ход, на всю прагматику французской революции³².

В каузальных и эволюционных, а еще более в объединяющих оба метода построения историков заключается синтетическая работа исторической науки.

166

Исторический синтез должен следовать, конечно, за историческим анализом, как правильно было сказано одним из крупнейших историков второй половины XIX в., Фюстель-де-Куланжем: „для одного дня синтеза нужны целые годы анализа“³³). Научный метод вообще имеет аналитический характер в отличие от синтетического по существу характера искусства. Было бы, однако, неверно это противопоставление принимать в том смысле, будто синтезу совсем нет места в науке или что его место в ней незначительно. Нужно только иметь в виду, что научный синтез есть совсем не то, что синтез художественный. В науке синтез всегда должен идти на поводу анализа, объединять лишь критически проверенные данные и приводить в результате к более или менее абстрактным формулам, тогда как синтез в искусстве не нуждается в предварительном анализе, сам создает то,

³² И критик, о котором шла речь выше (стр. 148) допускает такие комбинации, когда «историческое изложение получает приблизительно такой вид: сначала идет характеристика известного состояния, напр., старого режима; за нею следует изображение катастрофы, ряда событий, это—революция; потом составляется новая характеристика состояния из элементов другой эпохи, доводящая нас до изображения нового события, нового кризиса». Он только не хочет, чтобы кто-либо подумал, будто никогда «во время катастроф, событий не длилось известных состояний» или „в эпоху, захваченную нашей характеристикой состояния, не совершалось событий или действий“. Две интеллигенции и пр., стр. 50 — 51. Но я и не знаю примеров, чтобы кто-либо так думал. События происходят среди длящихся (и изменяющихся) состояний, которые сами длятся (или изменяются) во время совершающихся событий. Впрочем, эта тема может быть вполне разработана только в теории исторического процесса.

³³ Pour un jour de synthese, il faut des annees d'analyse.

объединение чего совершает, и дает в итоге конкретные образы или символы.

В более ранних теориях исторического познания главное внимание обращалось преимущественно на критику источников и констатирование фактов, вопрос же о группировке фактов и о сведении их к более или менее отвлеченным формулам стал разрабатываться теоретиками истории сравнительно лишь недавно³⁴. Правда, и раньше в трактатах по историке заходила речь о философии истории, долженствующей объединять единичные факты, но мы еще увидим, в каких различных смыслах понималась эта философия истории, теперь же отметим только, что вопрос об историческом синтезе есть вопрос чисто научный, а не философский в более тесном смысле слова, раз дело идет о методологии такой специальной отрасли научного знания, как история.

167

Как и всякая другая наука, история не может успокаиваться на добытых результатах: открываются новые факты, вырабатываются более тонкие приемы исследования, возникают новые точки зрения, ставятся новые вопросы, и все это приводит в движение историческую мысль, заставляет производить доследования и переисследования, подвергать добытое проверке и критике, поднимающим новые проблемы, возбуждающим новые сомнения, указывающим на новые пути для получения более удовлетворительных ответов, обращающим внимание на такие стороны дела, которые раньше не принимались в расчёт. С другой стороны, конечно, историк, специально занимающейся какою-либо эпохой, каким-либо событием и т. д., должен знать непосредственные источники, заключающие в себе нужные ему известия о фактах, но он должен знать равным образом работы своих предшественников об этих источниках и работы своих предшественников по интересующим его фактам. В отличие от источников или первоисточников такие работы, в которых последние описываются, анализируются, критикуются, и такие, которые на их основании заключают в себе исследования о самих фактах, принято, как было уже указано, называть пособиями.

168

Только профаны и новички в исторической науке, повторяю еще раз,

³⁴ Эту работу в исторической науке можно подвести под общее понятие научного построения, которое немецкие историки обозначают словом "Auffassung", французские — термином "synthese" (иди "синтетическая операция", как у Ланглуа и Сеньобоса). При более внимательном рассмотрении понятий, обозначаемых немецким и французским терминами, мы найдем некоторые черты несходства между ними, но, в общем и главном понятия эти совпадают. Говоря об "operations synthetiques", Bernheim толкует их: "etwas was wir unter Auffassung verstehen" (Lehrbuch, стр. 222), а Berg приравняет "Auffassung" к "synthese" или "construction des faits historiques" (La synthèse en histoire, стр. 2). Только Бернгейм слишком расширяет понятие "Auffassung", включая в него и интерпретацию, и философию истории. В общем, историческое построение есть то самое, что еще Полибий называл: "синтаксис" и значит построение.

готовы называть источниками безразлично всякие произведения, из которых они черпают свои исторические сведения, не делая, напр., различия в этом отношении между нашею первоначальною летописью, с одной стороны, и трудами Карамзина, Соловьева, Костомарова, Ключевского, с другой, или между Полным Собранием Законов и курсами таких-то и таких-то профессоров по истории русского права.

Х. Синтетическая работа в исторической науке и исторические обобщения

Занятие наукой есть дело коллективное: каждый историк продолжает дело других, которые работали раньше, и должен идти дальше, опираясь на то, что уже было сделано до него, а для этого ему нужно не только изучать первоисточники, но и пособия, знать то, что обыкновенно называется литературой предмета, как это, впрочем, делается и в других науках. Существование специальных сочинений по источниковедению и по историографии разных стран, эпох, событий, общественных движений облегчает работу историков в этом отношении. Разумеется, занимаясь историей своего вопроса, исследователь и здесь идет таким же путем анализа и критики, какого следует держаться в отношении первоисточников, т.-е. он подвергает разбору и своему суду мнения и предположения своих предшественников, их построения и обобщения, приёмы их критики источников и их способы разрешения (или даже постановки) научных вопросов.

169

В теории исторического познания не следует, таким образом, забывать, что историки имеют дело не с одними источниками, но и с исследованиями, произведенными в каждом отдельном случае целым рядом других учёных. На изучаемый предмет историку приходится смотреть через призму не только источников, но и литературы предмета; это в одних отношениях облегчает его работу, но в других может и ей помешать, если направит его, напр., на ложный след.

В сущности, в деле каузального или эволюционного связывания дознанных исторических фактов, в деле объяснения их генезиса и значения для последующих фактов, историки, разрабатывавшие данную тему, производили одну и ту же работу, но известно, что **"если двое делают одно и то же, выходит не одно и то же"** (si duo idem faciunt, non est idem). Историк в работе своих предшественников может считать одно окончательно сделанным, не требующим пересмотра, другое и третье нуждающимся в доделывании или в переделывании: причины и следствия не совсем верно или совсем неверно указаны, а также одно выведено из другого не вполне так, или решительно не так, как следовало бы. Но и каждый историк в течение своей работы над избранною темою может, так сказать, быть своим собственным предшественником, когда на дальнейших стадиях этой работы дополняет или исправляет сделанные ошибки, и все-таки и тут работа его не выходит за пределы каузальных и эволюционных или вместе каузально-

эволюционных построений.

170

Эта синтетическая работа, которой не только критика и анализ должны предшествовать, но которая ими постоянно должна и сопровождаться на каждом её шагу, сама может иметь различный характер и притом в разных отношениях.

Некоторые новейшие авторы различают между "ученым синтезом" (*synthese erudite*) и "научным синтезом" (*synthese scientifique*): первый направляет работу историка, указывая на то, что сделано и что еще остается сделать, второй еще лучше может направлять работу, указывая, что важно знать и незнание чего, наоборот, безразлично³⁵. От художественного синтеза и даже от общих исторических построений в целях популяризации наших знаний о прошлом ученый синтез отличается тем, что в нём всякое утверждение сопровождается доказательствами, о всяком пробеле в нашем знании делается отметка, все сомнительное подчеркивается, как таковое, и всякое предположение не выдается за что-либо положительно познанное. Но это только ступень к синтезу научному, в котором на частных случаях изучаются общие процессы исторической жизни, конкретные факты объясняются действием разных категорий жизненных сил, действующих в истории, и освещаются общими истинами, как никак, а уже вырабатываемыми социологией.

171

Типического эрудита, который больше думает о том, чтобы исчерпывать море источников до дна, и полагает, что это достигается перечислением до конца, обыкновенно подавляет его фактический материал, над которым он не считает нужным или скорее не может, не умеет возвыситься, и он боится тогда пропустить мелкую подробность только потому, что о ней говорится в источниках, но не в виду того, чтобы она имела значение в рассказываемом событии или характеризовала описываемое состояние. Не раз уже критики исторических книг, написанных такими авторами, уподобляли последних тому волшебнику, который знал заклинания для вызова духов, но не знал другого заклинания, как их заставить уйти. Серьёзно обосновывать в истории не значит пересчитывать до конца (*zu Ende zahlen*), а значит доходить до самых оснований (*ergründen*), чего историк не может достигнуть без собственного рассуждения и общих соображений и, между прочим, без выбора того, о чем можно и даже следует совсем не упоминать.

Я позволю себе прервать здесь нить своего изложения, чтобы

³⁵ Henri Berr. La *synthese historique*, стр. 21 и 258 и след. См. в моей статье об этом труде, указанном на стр. 39 под № 80.

остановиться на одном примере того, как не подобает и как, наоборот, следует поступать с ненужными подробностями. Среди специальных отделов исторической литературы очень видное место занимает литература по истории международных отношений, для которой обильный материал, в виде дипломатической переписки, хранится в архивах и издается в целом ряде официальных и частных сборников. В одном архиве можно найти донесения уполномоченных одной державы о каких-либо переговорах с уполномоченными другой и в каком-либо архиве этой последней— донесения её послов о тех же переговорах и, на основании этих двух взаимно-дополняющихся источников с прибавкою к ним инструкций, получавшихся делегатами обеих сторон от своих правительству восстановить весь ход и отдельные перипетии данных переговоров. Такие работы пишутся часто, и в большинстве случаев в изложение вносится все, что говорили одни и что говорили другие, хотя бы разговор имел лишь эпизодический характер, ничего важного для сути дела в себе не заключал или ни к чему не приводил.

172

Не так поступал Альберт Сорель, автор „Европы и французской революции“, которому тоже очень много пришлось иметь дела с дипломатическими переговорами и не между двумя только государствами, а целым их рядом. Из биографии Сореля известно, что он предварительно составлял громадные разграфленные по странам таблицы, в которые постепенно заносил самые подробные данные, заимствованные из дипломатической переписки, отмечая, что к чему относится, но потом внимательно пересматривал этот материал и безжалостно вычеркивал все те сведения, которые ничего не объясняли, все те факты, которые не оказали никакого влияния на общий ход дел³⁶. В растущем дереве от ствола отделяется много ветвей, но иные из них отсыхают или отсекаются опытным садоводом: значит, они не нужны были или самому дереву, или садовнику,— многое и в источниках оказывается лишним. Историк, думающий, что нужно пересчитывать до конца, похож на огородника, дающего полную волю сорным травам расти рядом с полезными растениями.

Сравнительно с такими историческими построениями, в состав которых входит мало переработанный материал, другие построения, являются результатом большой умственной работы, всегда будут отличаться большею абстрактностью. Синтез, о котором говорилось выше, может быть и более конкретным, и более абстрактным. На мой взгляд, Конт ошибался, когда науки, занимающаяся общими законами, назвал абстрактными, а другие, имеющие дело с отдельными явлениями, обозначил как конкретные.

173

³⁶ См. мою брошюру "Альберт Сорель, как историк французской революции", стр. 9.

Не всякая абстракция имеет целью или результатом выведение общих законов, ибо и о единичном явлении, а тем более процессе можно говорить и в более конкретных, и в более абстрактных терминах, дать детальный рисунок или общую схему предмета. Чем конкретнее передача чего-либо в истории, тем больше ею только воспроизводится прошлое, и история ближе подходит к задаче искусства, как бы ни плохо было выполнение в художественном отношении; наоборот, чем абстрактнее историк понимает изучаемое явление или процесс, тем более он выполняет научную функцию, решая задачу понимания, всегда требующего, чтобы единичное, частное приводилось к общему, родовому. Истинный историк в наше время узнаётся по стремлению и умению своим все разнообразие фактов подводить под небольшое число обобщающих формул, которые, конечно, будут отличаться абстрактным характером, хотя в них и не будет говориться о том, что везде и всегда бывает, а будет сказано о чем-то, бывшем только в одном месте и лишь в данный промежуток времени. Об обобщениях в истории можно говорить в разных смыслах. С одной стороны, обобщаться может наше знание об однородных, но разрозненных фактах, взятых из прошлого разных стран, народов, эпох, а с другой, может быть обобщаемо знание фактов, относящихся к одному и тому же месту и к ограниченному периоду времени, притом причинно или эволюционно связанных между собою. В случаях первой категории мы получаем некоторые общие формулы номологического типа, быть может, и не могущие считаться законами в самом строгом смысле слова, но зато применимые к однородным явлениям в истории разных стран и эпох.

174

Наоборот, в случаях другого рода то, что является результатом обобщения многих фактов, остается приложимым только к совокупности фактов, данных нам как раз в определённом месте и в определённый промежуток времени. Это и представляет собою исторические обобщения в более тесном смысле, тогда как обобщения первого рода имеют уже более социологический характер. Впрочем, мы еще увидим, что между обеими категориями мы вынуждены еще признать некоторую промежуточную категорию, переход или ряд переходов от одного рода обобщений к другому.

Типической формой обобщений первой категории является индукция, теория которой так хорошо разработана в общих трактатах логики. Индукция, как известно, состоит в том, что из нескольких единичных случаев, в которых наблюдается какое-либо явление, мы выводим, что явление это совершается во всех случаях, сходных с первыми в обстоятельствах, признаваемых существенными, — выводим на основании общего принципа единообразия порядка природы, или существования законов, управляющих явлениями. Раз, однако, в результате получается нечто такое, за чем мы не имеем права признать значения естественного

закона, речь не может идти о настоящей, или полной индукции, а только о неполной индукции, или о "наведение чрез простое перечисление, в котором не встречается противоречащего примера, или случая"³⁷ Но для нас здесь безразлично, будет ли у нас в итоге настоящий закон природы, или эмпирическое обобщение ряда однородных случаев, среди которых не нашлось ни одного исключения.

175

Пока мы ограничимся здесь сказанным об индуктивных обобщениях, чтобы вернуться к этой теме, когда придёт очередь для рассмотрения так называемого сравнительного) или сравнительно-исторического метода, при помощи которого мы можем формулировать некоторые положения общего характера, применимые к фактам из разных мест и разных времен и между собою реально (т. е. ни каузально, ни эволюционно) ничем не связанных.

От индукции в тесном смысле нужно отличать "генерализацию"³⁸ так я предложил бы называть всякое обобщение фактов, как раз объединенных местом и временем и реально между собою связанных, причем целью такого умственного процесса является не общее представление о том, что везде и всегда бывает при известных условиях, а о том, что было только раз, в одном месте и в определённый промежуток времени, представление, в котором, однако, давался бы общий итог целого ряда отдельных фактов.

176

Общий итог,— под этим словом я разумею именно подведение под рядом слагаемых их общей суммы, и здесь, значит, **каждый отдельный факт является частью некоторого создаваемого нами целого**, тогда как этому подобно первого арифметического действия я противопоставил бы индукцию, как то, что в арифметике называется нахождением общих делителей, подводящее под одну категорию числа 2, 4, 6, 8, 10..., под другую — 3, 6, 9, 12..., под третью — 5, 10, 15, 20..., под четвертую — 7, 14, 21, 28 и т. п.: здесь, именно, отдельные данные цифры не складываются между собою для нахождения их общей суммы, а сравниваются одни с другими для нахождения некоторого общего им признака делимости на 2, на 3, на 5 и т. д. Т. е. тут, в последней категории случаев, имеется в виду получить не некоторое единое целое из отдельных слагаемых, а известную категорию частных случаев одного общего правила.

Впрочем, нужно оговориться, что обобщения, результатами которых

³⁷ Выражение Бэкона: "inductio par enumerationem simplicem, ubi non reperitur instantia contradictoria".

³⁸ Ланглуа и Сеньобос различают между образованием общих формул (construction des formules generales) и обобщением, которое называют "generalisation", признавая второе лишь одним из частных видов первого. Introduction, стр. 227 и след. Я беру термин в более широком смысле, причем имею в виду общее и в смысле общей категории, под которую подводятся отдельные факты, и в смысле объединяющего их целого, по отношению к которому эти факты являются отдельными частями.

являются не общие формулировки для известных совокупностей фактов, могущих быть часто и совершенно не похожими один на другой, а, так сказать, общие правила, резюмирующие множество отдельных фактов, между собою сходных, могут преследовать не исключительно номологические цели, но и цели идеографические. **Всякое суждение о любой бытовой форме в любой стране в какую-либо эпоху есть формулировка общего правила, под которое подводится масса отдельных случаев.** Но и здесь исследователь интересуется как раз только данной совокупностью, а не безразлично всеми, какие бы только ни могли, где бы то ни было и когда бы то ни было, представиться, случаями. Здесь интересует исследователя не общий их итог, выраженный в виде суммы под рядом слагаемых, а общий их характер, проявляющейся лишь в данных слагаемых, входящих в состав только данной суммы, а не вообще во всех однородных фактах, им же нет числа.

177

Притом для настоящей индукции нужна наличность всех фактов, дабы мы могли судить о действительном отсутствии того, что называется "instantia contradictoria", в исторических же обобщениях этого, рода мы часто вынуждены судить о том, что было общим правилом в данном месте и в данное время, лишь на основании немногих частных случаев или примеров. Обобщение здесь получает особый характер делания заключений от нескольких отдельных фактов определенной категории, нам известных, ко всем остальным фактам той же категории, оставшимся, наоборот, нам неизвестными.

На этом приёме генерализации стоит остановиться подробнее в виду того, что историки постоянно вынуждены к нему прибегать. В настоящее время, когда производятся разные планомерные анкеты и статистические обследования массовых фактов, касающихся какой-либо местности, какого-либо класса населения и т. п., мы по отношению к общей характеристике бытовых явлений находимся в неизмеримо лучшем положении, для прежних вообще эпох, когда таким путем сведения не собирались, и по отношению к явлениям, которые не были объектами планомерных наблюдений. В чём, напр., заключалась обычная, т. е. наиболее распространенная, преобладающая форма землевладения в стране, или форма, наиболее характерная для землевладения вообще в данной стране? Для современных государств очень точные ответы на этот вопрос может дать статистика, но относительно всего исторического прошлого в нашем распоряжении бывают для отдельных стран и эпох лишь скудные и отрывочные данные: иногда известны два-три факта или десяток-другой фактов, все же остальные факты той же категории относятся к числу скрытых³⁹.

³⁹ О скрытых фактах см. выше, стр. 134.

178

Тогда обо всех остальных или об их преобладающем большинстве мы судим по известным нам конечно, у нас есть основания считать частными примерами некоторого нам прямо правила, отдельными образцами того, что существовало в массе случаев, быть мифическими, но во всяком разе дающими некоторое понятие об общем характере интересующих нас отношений. Понятно, что здесь также производится обобщение, но это не индукция, а генерализация в смысле распространения на все слагаемые определенной суммы фактов (или на их большинство) того, что мы знаем лишь о некоторых из них. В таких случаях известные нам факты кладутся в основу идеографических обобщений относительно всех (или большинства) фактов какой-либо категории в определенной стране во взятый нами период времени. Чем большее количество фактов кладется в основу таких генерализаций, тем, разумеется, лучше, но часто историку приходится, к сожалению, довольствоваться очень немногим. Опасность таких генерализаций заключается в том, что факты, о которых мы знаем, могут быть исключительными или далеко не типичными, и тогда возможны очень грубые ошибки в наших обобщающих формулах. Сколько таких генерализаций мирно покоится на кладбище исторической науки, куда и поступают за дознанною их негодностью разные мертворожденные выводы и эфемерные "последние слова" науки!

Рассматривание сингулярных фактов в качестве однородных частных случаев, могущих быть выраженными в общих формулах, имеет место не только по отношению к бытовым фактам, но и по отношению к событиям.

179

Несколько последовательных событий, в случае их однородности, могут нам представляться в виде частных случаев, могущих быть подведенными под некоторое общее, все их, вместе взятые, определяющее обозначение, и вот в истории возникают такие названия целых процессов, как, напр., "собрание Руси" московскими великими князьями, немецкий "напор на Восток" (Drang nach Osten) и др. Только здесь важно не одно то, что совершались события одного и того же рода, что происходили, напр., присоединения к Московскому государству новых территорий, или что немцы предпринимали отдельные походы на земли западных славян и основывали там свои колонии, а важно еще и то., что одно такое событие прибавлялось к другому, к самому ему еще одно такое же событие, за ним второе, третье и т. д. Т. е. тут мы имеем дело не просто с частными случаями одной и той же категории, но и с отдельными слагаемыми одной и той же суммы, рассматриваемой, как единый процесс, последовательные моменты которого и соответствуют отдельным событиям. Последовательный ряд

событий между 1859 и 1870 г. мы называем, напр., объединением Италии, обобщая под этим отдельные факты присоединения Ломбардии, областей Средней Италии и Неаполитанского королевства в 1859 — 1860 гг. Венецианской области с 1866 г. и Рима с его областью в 1870 г. и различая в этом едином процессе, так сказать, три хронологических этапа.

Дабы сингулярные события могли, рассматриваться как отдельные части процесса, который мы можем выразить в обобщенной формуле, нет надобности, чтобы все эти события принадлежали к одному разряду фактов или совершались одинаковым образом. Ломбардию и Венецианскую область Италия получила после двух войн с Австрией, Тоскану, Парму, Модену, Романью, королевство Обеих Сицилий — после внутренних революций в этих землях, Папскую область — в силу её занятия экспедиционным корпусом, но все это были лишь разные пути, приводившие к одному результату.

180

Чтобы иметь право придавать совокупности фактов некоторое единство и обобщать их в одной формуле, необходимо, чтобы и в действительности нечто их объединяло и вносило в них некоторую общность, — общность не в смысл общих родовых или видовых признаков, какая наблюдается и в фактах, далеко отстоящих друг от друга, а общность в смысле реально связывающих их между собою причин ли, результатов ли, или чего-нибудь еще иного. Общие черты мы можем найти у древнегреческой тирании, наблюдаемой в истории нескольких городских республик, у императорской власти в Риме в её начале, у итальянского принципата конца средних веков, у цезаризма обоих Наполеонов во, Франции, но все эти политические формы реально не связаны между собою и частей одного целого собою поэтому не представляют. Наоборот, как одно целое, мы можем представлять себе некоторую совокупность фактов, самых различных, самых разнородных, лишь бы их что-либо связывало между собою и, прежде всего, общий "театр" событий, единство страны, государства или провинции, города, или общая среда, в которой события происходили, каковы нация, сословие, класс, партия и пр.

Каждый прагматический процесс, складывающейся из единичных событий, которому мы приписываем известную цельность, отграничивая его от других современных ему процессов, может быть, как мы уже видели, представлен историком в более конкретном и детальном виде и, наоборот, в виде более абстрактном и общем.

181

Изображая береговую линию таких стран, как Греция, Далмация, Норвегия с их многочисленными заливами, бухтами, фиордами, мысами,

полуостровами, перешейками, картограф может или занести все это на свои карты, для чего они должны иметь значительные размеры, или,— когда карта должна быть маленькою либо должны быть отмеченными лишь крупные изгибы берегов,— обозначить их более простыми кривыми, пренебрегая незначительными выступлениями суши в море или изрезами суши морем. В горных странах, подобных Швейцарии, отдельные хребты, вершины, равнины, долины, ущелья представляют собою довольно запутанную систему повышений и понижений земной поверхности, на подробных картах, как-никак, все-таки воспроизводимую, но делающуюся более наглядною в своих основных направлениях, когда мелкие подробности игнорируются, и на карте схематически изображаются лишь главные линии хребтов и наиболее высокие вершины. И в случае схематического изображения изрезанной береговой линии, и в случае схемы, передающей орографию горной страны, мы имеем дело с упрощениями (симплификациями), сводящими в более общем чертам то, что в действительности дано в более сложном виде. Отступления вправо и влево от проведенной картографом линии берега, в которой были приняты в расчет лишь более крупные повороты и изгибы, рассматриваются им, как своего рода исключения из общего правила, в существе дела его не нарушающая, или как незначительные отклонения в ту или другую сторону от некоторого среднего арифметического и частные эпизоды, не заслуживающие внимания. То же можно было бы повторить и по отношению к любой орографической схеме.

Подобного же рода умственные операции производят и историки, следя за общим ходом событий или за общим направлением перемен, совершающихся в быту.

182

Причины события бывают временные, действие которых непродолжительно, случайные, ничем не связанные или мало связанные между собою, и бывают постоянные, которые участвуют в порождении целого ряда событий на протяжении более или менее продолжительного периода времени, причины общие, вызывающие не те или другие эпизоды с их скоро преходящим значением, но отражающиеся на самом главном и существенном. В процессах бытовых изменений, составляющих предмет культурной истории в принятом нами смысле, тоже приходится различать единичные отклонения от данной нормы, не оставляющие после себя сколько-нибудь заметного следа, и отклонения массовые, посредством которых совершается переход к новым формам; отклонения временные в силу действия каких-либо причин, скоро потом исчезающая, и отклонения длительные, идущие в одном и том же направлении, характеризующая эпоху с той или другой стороны и остающиеся, так сказать, прочным приобретением истории (безотносительно к тому, осуществляется ими благо или зло). **Историки, стремящиеся понять, осмыслить изучаемые ими**

каузальные и эволюционные процессы, ставят своею задачею сводить их к более или менее отвлеченным, обобщающим формулам или хода событий в данном месте и в данный период, или того направления, в каком совершались культурные перемены в данной стране.

Общий характер таких упрощающих обобщений — их схематичность, стирающая, конечно, живые краски действительности, но зато помогающая понимать прошлое в общих терминах науки. Помимо своего значения для уяснения нам наиболее общих черт какого-либо исторического процесса, подобные абстрактные формулы помогают нам и в социологическом мышлении, когда изучение единичного процесса даёт в наши руки некоторый общий критерий для понимания других аналогичных процессов.

183

Чем отвлеченнее, чем общее формула, тем способнее она сыграть такую роль в науке. Не нужно только думать, что общая формула, выведенная из изучения фактов, представляемых прошлым одной страны, без всяких перемен может быть применяема ко всем остальным.

Частный пример лучше всего пояснит все сказанное выше. Мы имеем перед собою так называемый экономический переворот, или индустриальную революцию" в Англии конца XVIII и начала XIX в. Она была, понятно, результатом массы мелких бытовых изменений, вся совокупность которых и произвела данную "революцию". Единичные случаи расставания мелких землевладельцев с насиженными участками, случаи добровольной продажи последних, продажи вынужденной, принудительной и единичные случаи "огораживания" помещиками земель, бывших в общем пользовании приходов, мы обобщаем, как единый процесс, который и называем обезземелением народной массы. Чтобы такой процесс был возможен, нужны были кое-какие одинаковые причины, действовавшие в каждом отдельном случае приобретения лендлордами новых участков земли. Результатом обезземеления сельского населения было образование пролетариата, Многие члены которого, не будучи заняты в сельском хозяйстве, стали искать занятие в обрабатывающей промышленности. В последней происходило также изменение бытовых форм.

184

Единичные случаи возникновения более крупных промышленных заведений вне городов, где прежние законы поддерживали старый строй мелких ремесленных мастерских, единичные случаи утраты ремесленниками своей прежней самостоятельности в пользу более удачливого меньшинства в собственной своей среде, единичные законодательные меры, разрушавшие старый строй, мы, равным образом, обобщаем в понятие вытеснения мелкого производства более крупным, или концентрации производства, также

превращавшей множество ремесленников в простых наёмных рабочих. У всего этого не могло не быть некоторых общих причин, хотя и осложнявшихся своеобразно в каждом отдельном случае. Наконец, в те же самые годы, когда происходили оба указанных процесса, отдельные изобретатели придумывали разные механизмы, облегчающие и ускоряющее прядение и тканье, а отдельные промышленники вводили их в свои предприятия, и все случаи, когда на фабрике начинал работать какой-нибудь механически станок, мы обобщаем, как процесс замены ручного труда машинным, с которым трудно было конкурировать мелким производителям, начавшим тоже увеличивать собою число пролетариев. Эти три процесса мы объединяем в одном, стараясь обнаружить не только их общие результаты, но и указать на общие для всех трех причины, определить взаимные отношения этих процессов и изложить все в некоторой абстрактной формуле, которая, во-первых, осветила бы нам сущность английской индустриальной эволюции, обратившей на себя внимание только много позднее, и вместе с тем, во-вторых, помогла бы нам при историческом изучении аналогичных процессов в других странах.

По самому существу дела, подобные обобщающие формулы имеют вид логических построений, да и на самом деле они очень часто строятся не индуктивным, а дедуктивным путем, не на основании действительного обобщения реальных данных, а на основании априорных соображений и абстрактных умозаключений.

185

В своем месте было сказано, что от научного знания мы, прежде всего, требуем точности, но что вместе с тем дорожим и его полнотой⁴⁰: если, с другой стороны, необходимым условием науки, — чтобы она была наукой, а не простым каталогом фактов, — мы ставим связность знания, то, равным образом, мы ценим еще и стройность знания, внутреннее его упорядочение, не простую координацию фактов, могущую быть и беспорядочною, но и субординацию их, достижимую при помощи генерализации и схематизации.

Отвлеченно-обобщенное понимание прошлого иногда называют историко-философским, и, напр., в таком смысле говорят о философии русской истории (одной у славянофилов, другой у западников), о философии истории французской революции или о философии истории вообще, т. е. всей истории всех времен и народов, всего человечества. О взаимных отношениях истории и философии я буду говорить особо, здесь же идёт речь об историко-философском понимании для того, чтобы защитить его полную научность, когда оно является результатом действительного обобщения достоверно установленных фактов и более или менее точно дознанных реальных отношений между ними. В движении от конкретного к абстрактному, в процессе обобщения частных и создания цельностей могут быть разные

⁴⁰ См. выше, стр., 133.

степени — от детального описания единичного предмета до формулы-схемы, долженствующей охватывать массу фактов. Последние ступени обобщающего мышления в истории имеют право называться историко-философскими, и лишь тогда историко-философские построения не научны, когда покоятся не на прочном фундаменте фактов, а на чем-то вроде не то логических конструкций, не то фантастических схем.

XI. Сравнительно-исторический метод

Известная сумма фактов может изучаться вместе или потому, что между ними существует более или менее прямая связь, или потому, что, вне какой бы то ни было реальной связи между ними, наблюдается сходство их между собою, кроме случаев, когда и само сходство объясняется реальной связью. Особую разновидность исторического метода представляет собою метод сравнительно-исторический, или сравнительный просто, который применяется, главным образом, при изучении сходных фактов, наблюдаемых в разных странах и в очень отдалённые иногда один от другого периоды времени ⁴¹).

Я начну с нескольких простых примеров. Известно, что в целом ряде языков, каковы в Азии древне-индийский (санскрит) с современными наречиями Индии, древне-иранский (зенд), в Европе греческий, латинский с разными романскими языками, готский и другие германские, равно как славянские с церковнославянским во главе, имеют массу очень схожих между собою слов и грамматических окончаний.

187

Напр., сходны названия родства: отец — по-санскритски *pitar*, по-гречески *πατήρ*, по-латыни *pater*, по-немецки *Vater* и т. п.; мать — санскр. *matar*, греч. *μήτηρ*, латин. *mater*, *Mutter* и т. д.; брат — санскр. *bratar*, лат. *frater*, *Bruder* и др. Сходны числительные: два — санскр. *dva*, греч. *δύο*, лат. *duo*, готск. *twaī* (нем. *zwei*) и пр.; три — санскр. *tri*, греч. *τρεῖς*, лат. *tres*, нем. *drei* и т. п. Замечается сходство в спряжениях и склонениях: есмь — санскр. *asmī*, греч. *εἰμι*, лат. *sum* (вм. *esm*); еси — санскр. *asi*, греч. *ἔστι*, лат. *es*; есть — санскр. *asti*, греч. *ἔστί*, лат. *est*. и т. п. Эти более явные и многие, так сказать, замаскированные естественными изменениями звуков сходства объясняются тем, что все указанные языки родственны между собою, происходят от общего праязыка, арийского, откуда и их название языков арийских (индоевропейских или индогерманских, как их иначе называют). Ими занимается сравнительная грамматика арийских языков. Общее происхождение могут иметь у разных народов и сходные представления, напр., мифологические, что служит основанием для сравнительной мифологии и т. п.

⁴¹ Важность сравнительная метода для социологии была указана еще Огюстом Контом, после которого этот метод широко применялся на практике специалистами разных отраслей знания, но в громадном большинстве случаев в интересах номологического, а не идеографического знания, что отразилось и на теоретической разработке этого метода в литературе. Ср., напр., М. М. Ковалевский. Сравнительно-исторический метод в юриспруденции и приемы изучения права (1880) и др. В общих исторических методологиях, наоборот, вопрос о сравнительном методе в идеографических целях остаётся неразработанным.

В прежние времена из общего происхождения языков делали заключение и об общем происхождении народов, которые говорили и говорят на этих языках, но мы знаем, что, напр., общее происхождение романских языков, т. е. итальянского, французского, испанского, португальского, латинского (на в. Швейцарии), румынского из латинского отнюдь не доказательство, что народы, на них говорящее, одного корня: образованию этих наций предшествовала романизация разных племен, так сказать, чужих одно другому, т. е. процесс усвоения ими одного и того же языка, заимствования ими у римлян слов и т. п.

188

Об общем происхождении сходных форм можно говорить, поэтому и тогда, когда он являются не общим наследием, напр., разных языков, а заимствуются одним народом у другого. Если алфавиты, которыми пользуются европейские народы, в общем между собою сходны,— алфавиты романских, германских и славянских народов, равно как у финнов, мадярок, греков, — то это объясняется их общим происхождением или из древнегреческого, или из латинского, которые сами имели свой корень в финикийской азбуке, причем из славян одни заимствовали свою азбуку у греков, другие — из романо-германского мира. Таким образом, сходство тех или других форм у разных народов в случаях, подобных указанным, объясняется общим происхождением форм или в смысле их унаследования, или в смысле заимствования их одними народами у других.

В некоторых специальных случаях заимствования одними народами у других становятся предметом особого сравнительного изучения. В виде примера я сошлюсь здесь на применение этого метода к истории литературы, когда обнаруживается сходство образов, сюжетов, собственных имен и т. п. в произведениях, принадлежащих разным литературам. Известны так называемые "странствующие сказания", переходившие из одной литературы в другие, восходящие, наприм., к отдаленным временам индийской литературы, из которой разными, часто окольными путями они заходили до крайних предков европейского Запада ⁴².

189

Заимствования одними народами у других всевозможных бытовых форм, служащие могучим орудием их распространения по лицу земли, играют громадную роль в истории. Под эту категорию явлений мы должны подвести и распространение, напр., мировых религий (христианства, магометанства, буддизма) или разных, положим, общественных идей (в наше

⁴² Главным представителем у нас сравнительно-исторического направления в изучении литературы был Адль Н. Веселовский, который сочетал сравнительный метод с историческим (о последнем см. ниже, в след. главе).

время, напр., социализм), и заимствования в области законодательства (в роде знаменитой рецепции римского права в Западной Европе со второй половины средних веков) или в области государственных учреждений (рецепция представительного образа правления из Англии со времени великой французской революции)⁴³, равно как все случаи усвоения извне технических или художественных приемов и очень ещё многого другого.

Во всех случаях, когда сходство того и другого у отдельных народов объясняется либо тем, что они ничто сообща унаследовали, либо тем, что ничто одни у других заимствовали, между сходными фактами устанавливается прямая генетическая связь, подобная той, которая существует между кровными родными или лицами, находящимися в свойстве. Иногда, даже трудно разграничить, что есть общее наследие, и что — заимствование. Нечто, заимствованное одним поколением, так сказать, благоприобретенное им, для следующих является уже унаследованным. Христианство составляет общее наследие европейских народов от греко-римского мира, но одни народы (романские и греки) являются прямыми его наследниками, другие же (германцы, славяне, литовцы, мадьяры, финны) его заимствовали у первых.

190

Во всяком случае, важно то, что сходные факты здесь так или иначе имеют общие корни, и путем установления заимствований или общности происхождения можно узнавать о разных исторических отношениях из таких времен, из коих не сохранилось никаких известий.

Всегда ли, однако, бывает так?

Существует еще масса примеров поразительного сходства, иногда доходящего почти до тождественности, между бытовыми формами у народов, не имеющих общего происхождения и не находившихся в каком-либо соприкосновении между собою. Особенно много таких фактов было предметом наблюдений этнографов. Обычай кровной мести, столь широко распространенный у народов разных рас и под разными широтами, но находящийся (или находившийся) на одной ступени развития, представляет собою одно из таких явлений, для объяснения которого нет надобности, а иногда и возможности прибегать к предположениям об общем происхождении обычая или о заимствовании его одними народами у других. То же самое можно сказать о замене кровной мести, так называемую вирую и т. п. Или взять еще хотя бы знаменитую "куваду", встречающийся во многих местах обычай, заставляющий отца новорожденного ребенка, подобно роженице, ложиться в постель, стонать и т. п.

Во всех подобных случаях, где сходство не объясняется ни существованием общего наследия, ни заимствованиями, остаётся возможным допустить или чистую случайность совпадения, или действие одинаковых

⁴³ Наприм., японская конституция была прямо составлена по образцу прусской.

причин, приводящих к одинаковым следствиям. **Случайные совпадения, без сомнения, возможны**, но из того, что один предмет напоминает своим видом другой (напр., рыба морской конек — лошадь, очертания вершины горы — лежащего человека) ничего не следует.

191

Притом дело не во внешнем подобии, могущем внушить мысль, что кит есть рыба, а летучая мышь — птица, а в сходстве по существу, хотя бы и не было большого внешнего подобия. Одна и та же причина не может приводить сегодня к одному следствию, завтра к другому, чтобы, наприм., кипячение воды один раз превратило её в пар, в другой раз — в лёд, в трети совсем не изменило её температуру, в четвертый разложило её на её элементы, а в пятый сделало из неё масло и мало ли ещё что. **Одинаковые причины не могут не порождать одинаковых следствий, сходные условия — не содействовать возникновению сходных явлений.** Сравнительное изучение сходных фактов в жизни разных народов может руководствоваться и таким общим соображением, но тогда ставятся уже и разрешаются задачи не чисто исторические, а входящие в компетенцию социологии. **Следует поэтому в сравнительном изучении различать сравнительно-историческое и сравнительно-социологическое: оба пользуются для сравнения историческими (или этнографическими) фактами, но историка интересуют лишь факты, между которыми можно установить генетическую связь, социолога, же преимущественно факты, свидетельствующие о наличии в каждом примере одинаковой причины, приводящей к одинаковому следствию**⁴⁴. Два человека, разрешающие одну и ту же практическую задачу, могут поступить одинаково или потому, что обоим кто-либо так научил поступать, или потому что из них один перенял это у другого, или потому, что, будучи поставлены в одинаковые условия, они должны были поступить именно таким образом, а не иначе.

192

Конечно, для познания человеческой психики вообще третий случай важнее двух первых: так дело и обстоит в социологии по отношению к социальным фактам вообще.

Сравнительное изучение исторических фактов представляет собою мост, перекинутый с берега истории на берег социологии. Оно может служить и задачам исторического (идеографического) знания и целям знания социологического (номологического). Здесь нас интересует только первое.

При помощи сравнительно-исторического метода мы можем судить, о случае наличия общего наследия у разных народов, о тех временах, о

⁴⁴ В этом отношении, напр., сравнительно-социологический метод М. М. Ковалевского отличается от сравнительно-исторического метода А. Н. Веселовского. Ср. примечания на стр. 87 и 89 — 90.

которых мы не имеем прямых свидетельств, сравнительное изучение языков, верований, обычаев и т. д. арийских народов позволяет нам пролить свет на праарийскую старину. Существование сходных слов в столь отдалённых одна от другой странах, как Индия и Ирландия (кельтский язык — тоже арийского корня), свидетельствует о том, что эти слова существовали в арийской прародине, и, следовательно, существовали понятия, ими обозначаемые, были известны предметы, так называвшиеся. Уже давно делаются попытки установления праарийского словаря, при помощи которого можно было бы узнать главное о быте физических и духовных, предков этих народов — какие, например, были у них религиозные верования, была ли у них определенная форма семьи, чем они занимались, какие домашние животные были им известны и т. д. Конечно, в подобного рода исследованиях многое остается довольно-таки проблематичным, как и в других случаях исследования скрытых фактов. Из этой же лингвистической палеонтологии, в основе которой лежит сравнительное изучение языков, учёные специалисты делают также выводы о местонахождении арийской прародины, о той последовательности, в какой происходило разделение пранарода на отдельные ветви.

193

И здесь, опять-таки, много гипотетического и спорного, но кое-что уже и вне спора. Таким же методом создаются заключения о старине прагерманской или праславянской, т. е. путём сравнительного изучения языков, обычаев, обрядов, поверий т. д. разных германских или разных славянских народов.

Результаты сравнительного изучения заимствований также весьма ценны для историка, ибо часто обнаруживают такие реальные связи, о которых не имеется прямых свидетельства Японская конституция, как известно, была составлена по образцу прусской, но так как это случилось при полном свете истории, то, во-первых, доказать это очень просто, а во-вторых, и надобности нет ссылаться на этот факт для доказательства того, что японцы в конце XIX в. находились в сношениях с Европой и могли быть знакомы с Пруссией. Другое дело — времена отдалённые, которые для нас "покрыты мраком неизвестности". Находка где-нибудь, в земле, при археологических раскопках, монеты, статуэтки, вазы, надписи иноземного происхождения доказывает, что некогда — и именно в таких-то веках — между обеими странами существовали связи, наприм., торговые сношения, а при большом количестве таких находок можно определить, на какую территорию эти связи распространялись и даже как постепенно расширялись с течением времени её пределы. Совершенно такое же значение для установления существования сношений между разными странами в древние времена имеет изучение заимствований, открываемых исследованием сходных черт в их быту, буде последние имеют не иное происхождение.

194

Как это особенно часто бывает при сравнительном изучении "странствующих сказаний", таким именно способом определяются общие пути распространения культурных влияний.

Нередко сравнительно-аналитическим путём устанавливается заимствование там, где раньше видели нечто исконное и самобытное. Исследование генезиса данного явления, наприм., бытовой формы вообще или в частности какого-либо учреждения — одна из самых существенных задач истории, но в жизни каждого народа далеко не всё, чем и как он живет, бывает найдено и сделано им самим. В одних случаях мы хорошо знаем, что кем и у кого было заимствовано, чему у кого кто подражал, но в других заимствования открываются только после кропотливого сравнительного исследования, доказывающего, что в данном случае было заимствование. Этим устанавливаются факты культурного влияния одних стран на другие. В виде примера можно сослаться на последняя исторические работы, указывающие, насколько египетские образцы птолемеевской эпохи оказывали влияние на политическую организацию первых времен Римской империи ⁴⁵.

До сих пор речь у нас шла о сравнительном изучении отдельных сходных фактов, будут ли то слова или грамматическая формы разных языков, начертания букв или последовательность их расположение в азбуках, какие-либо обычаи, поверья, установления и т. п., во вѣцѣ, кроме того, могут сравниваться между собою и целые исторические процессы в их обобщенных и отвлеченных формулировках.

195

Многие вещи лучше познаются по сравнению с другими, им однородными: иная черта не так ярко выражена в вещи *A*, как в вещи *B*, или, наоборот, в вещи *A* есть черта, отсутствующая в вещи *B* и тем лучше первую оттеняющая. Можно, конечно, и сразу сравнивать несколько предметов, опять-таки находя между ними, при всем их сходстве, и черты различия и в количественном, и в качественном отношениях. Предпринимая такое сравнение, социолог будет интересоваться установлением общей истины, касающейся всех однородных предметов распространительно и вне тех, которые были взяты в расчёт, тогда как историк, кроме того общего, что можно сказать о данном круге сравниваемых процессов, будет иметь в виду и то ещё, что характеризуете и каждый данный предмет в отдельности. Возможно и вполне позволительно сосредоточить свое внимание лишь на единичном процессе, а остальные привлечь к сравнению не только не ради

⁴⁵ Кое-что указано в моих «Монархиях древнего Востока и греко-римского мира», стр. 242 — 243, 278 — 28 и др.

какой-нибудь общей истины, но даже и не для самих привлеченных примеров, а лишь ради именно одного, индивидуальные особенности которого лучше всего оттеняются сравнением с другими однородными процессами.

Исторические параллели нередко бывают очень поверхностными, не заходящими в глубину вещей. Таково было знаменитое сравнение французской истории с английской, бывшее в ходу во Франции в эпоху реставрации: в Англии была революция, во Франции тоже; в Англии был казнен король, во Франции тоже; в Англии на время установилась республика, во Франции тоже; в Англии главою государства сделался военный вождь, во Франции тоже; в Англии произошла реставрация старой династии, во Франции тоже,— а некоторые затем пророчествовали: как в Англии произошла вторая революция, заменившая прежнюю династию новой, так должна и во Франции произойти новая революция.

196

Переворот 1830 г., бывший как бы французским повторением второй английской революции, даже подтвердил лишним фактом найденную аналогию, и все-таки она не имеет научного значения: **двух сходных последовательностей фактов слишком мало для выведение какого-либо общего закона для всех революций**, да и в истории самой Франции английская параллель ничего не объясняет, ибо во всем, что здесь было сопоставлено, столько пунктов различия, что обе великие революции, английская середины XVII в. и французская конца XVIII столетия, при внимательном изучении окажутся очень непохожими одна на другую, не смотря на сходство некоторых частных (политический фанатизм индепендентов и якобинцев, разгон Кромвелем долгого парламента и 8 брюмера и др.). Внешнее сходство может быть совершенно случайным, как, напр., то, что во время реставраций в Англии и во Франции было по два короля, что это были не отец и сын, а старший и младший братья, что оба короля, лишившиеся престола бежали, или то, что в самой Франции сыновья королей, низложенных революциями в 1830 и в 1848 г., умерли раньше этих переворотов и не от болезни, и что наследниками обоих изгнанных королей были их малолетние внуки.

Сравнительное изучение однородных исторических процессов в двух или нескольких странах может служить не только целям исторической генерализации, но и целям лучшего понимания отдельных разновидностей одного и того же общего исторического явления. Ряд соседних стран находящихся во взаимодействии и объединенных некоторыми общими им всем (или части их) бытовыми условиями, чаще всего может оказываться переживающим одинаковые движения и перемены, но каждая страна переживает одно и то же ее так, как другая, а по-своему, в зависимости от местных условий и обстоятельств.

197

Историка могут интересовать одинаково и сходства, и различия, и если в первом отношении он пользуется приёмами сравнительного изучения для обобщения в смысле подведения частных случаев под общие формулы, то во втором отношении он будет сравнивать между собою эти случаи, как местные варианты одного и того же процесса, в видах лучшего уразумения самобытных черт каждого в отдельности. Представление о сравнительном методе, как об исключительном изучении сходств в целях обобщения, — представление, существующее, кстати сказать, у многих, — ошибочно, и как раз сравнение пунктов различия помогает схватывать все своеобразие отдельных частных случаев и тем лучше понимать местные, индивидуализирующие причины, условия, обстоятельства.

Сравнительная история⁴⁶ особенно уместна в таких случаях, какой представляет собою прошлое народов Западной Европы. Это или народы, история которых составляет продолжение истории Западной Римской империи, распавшейся на отдельные государства, или народы, поздние примкнувшие к романскому миру, подчинившиеся его политическому и экономическому влиянию, воспринявшие из него начала своей гражданственности и образованности, усвоившие его религиозные верования и вошедшие в состав его церковной организации. В отдельных частях этого исторического мира происходили параллельные процессы: и взаимодействия римских и германских начал, и феодального разложения государства, и возрождения городского быта, и возникновения сословно-представительных собраний и т. д.

198

Общими же движениями являются здесь потом гуманизм, религиозная реформация, католическая реакция, установление королевского абсолютизма, рационалистическое "просвещение", так называемый "просвещенный абсолютизм", революции во имя политической свободы, а в наше время и социализм. Общие бытовые начала, унаследованные от Западной Римской империи, и взаимодействия отдельных народов, заимствовавших друг у друга бытовые формы, при близком своем соседстве, постоянных связях и общности некоторых условий географических, экономических и т. п., позволяют нам рассматривать этот исторический мир, как одно целое с общею для всех историей. И в то же время мы видим, что история каждой страны, история Франции, Италии, Германии, Англии и пр. строго индивидуальна, и что общие для всех явления варьируются по местам самыми различными способами. Религиозная реформация происходила в

⁴⁶ Это выражение не мною выдуманно: я довольно часто встречал его, преимущественно во французской литературе (*histoire comparée*).

большей части государств Западной Европы в XVI в.. и везде её причины, силы, в ней участвовавшие, её руководящие принципы, имели много общего, но эти общие факторы действовали в неодинаковых сочетаниях и вместе с факторами чисто местного значения. Сравнительная история реформации в разных странах и подчеркивает эти различия, рельефнее выступающая при сопоставлении с другими направлениями, какие принимало одно и то же движение. Вся западноевропейская история, повторяю, от образования варварских королевств до новейшего социального движения представляет собою широкое поле для применения приёмов сравнительной истории⁴⁷.

199

Таким же объектом для сравнительной истории является пример греческих государств-городов со всеми этими Милетами, Афинами, Коринфами, Сиракузами и т. п. Уже в древности Аристотель и Полибий обобщали переходы греческих государств-городов от одних политических форм к другим, но это — общие схемы, отклонение от которых лучше всего познаются из детального сравнения отдельных примеров.

Во всех случаях сравнительного изучения таких коллективностей, как греческой мир, Западная Европа и пр., будет ли сравнение направлено на выработку обобщающих формул или на индивидуализацию местных вариаций, изучение остаётся идеографическим, поскольку и греческий мир в его целом, и Западная Европа в её целом даны нам в истории лишь по одному разу.

Изучая историческую литературу, мы часто наблюдаем, что историки, случается, прибегают к сравнениям прошлого одной страны с прошлым других то в целях обобщения, то, наоборот, в целях обособления. Одной из традиций русской национальной историографии сделалось противопоставлять наше прошлое прошлому западноевропейскому, подчеркивать своеобразие путей нашего исторического развития. При этом не принималось в расчет ни то, во-первых, что европейски Запад отнюдь не представляет собою чего-либо однородного, ни то, во-вторых, что вообще история всякой страны складывается своеобразно, что французские историки также имеют право противопоставлять историю своей родины истории Англии или Германии, как поступают и английские историки, и немецкие по отношению к своим отечествам.

200

Пункты сходства и пункты различия в сравниваемых историях бывают распределены крайне неравномерно, могут иметь весьма неодинаковую

⁴⁷ Более подробно о возможности обобщённого и в то же время сравнительного изучения истории западноевропейских народов см. в некоторых местах моей «Истории Западной Европы в новое время», особенно в главе первого тома (об общинном рассмотрении), в главе второго тома (о сравнительном изучении истории реформации в разных странах) и др.

важность, встречаются в самых пестрых комбинациях, и предвзятые мысли в ту или другую сторону бывают чрезвычайно вредны, когда в погоне за обобщениями или, наоборот, в стремлении во всём находить одну самобытность исследователи закрывают глаза на неудобные им факты.

У нас давно было решено, что на Руси не было ничего подобного западному феодализму, и даже говорить в ином смысле считалось признаком дурного вкуса. Такое отрицательное решение вопроса было основано больше на общих соображениях, нежели на детальном сравнении русских бытовых форм известного периода с составными элементами западного феодализма, который сам тоже был один во Франции, другой в Германии, трети в Англия и т. д., а иногда отличался и по областям одной и той же страны. Когда палка согнута в одну сторону, её часто, желая выпрямить, перегибают в другую сторону, и, конечно, было бы ошибкою стараться доказать, что у нас был такой же феодализм, как на Западе, со всеми его атрибутами. Сравнительная история должна соблюдать меру, если хочет не сходить с научной почвы⁴⁸. Нужно ожидать, что сравнительное изучение русского прошлого с прошлым западных народов принесет пользу и самому пониманию того, что в этом прошлом было, действительно, своеобразным.

201

Сравнительный метод в целях исторических обобщений в одной категории случаев может быть назван типологическим, когда применяется к изучению отдельных типов, под которые могут быть подведены отдельные человеческие общества. Кроме анатомии человека, лошади, воробья, осетра, лягушки и т. п., есть еще сравнительная анатомия, объединяющая отдельные виды животного царства в разные классы. Можно говорить об анатомии млекопитающих вообще и дать общую схему их скелета, под которую одинаково должны будут подойти и кит, и летучая мышь, но которой вполне не будет соответствовать ни один из этих видов. Такая же общая схема может быть дана и для типа всех позвоночных животных, но и эта схема, еще более общая, равным образом, будет охватывать всю совокупность животных позвоночных, и конечно, не будет точно соответствовать ни одному отдельному их виду.

Подобные типы можно установить, наприм., по отношению к политическим организациям человеческих обществ в связи с их социальным строем. Такими типами были деспотии древнего Востока, государства-города античного мира с их гегемоническими федерациями, средневековые поместья-государства и сословные монархии и т. д. вплоть до современных

⁴⁸ См. мою книгу «В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России?» (1901), написанную по поводу работ Павлова-Сильванского в этой области. Имею в виду в своей ссылке не столько, конечно, существо вопроса, сколько разные методологические соображения, который вызываются сравнениями Павлова-Сильванского.

конституционных государств ⁴⁹.

202

Типологическое изучение, конечно, является не чем иным, как одним из способов применения к историческим фактам сравнительного метода, который вообще отнюдь не следует понимать в смысле какого-нибудь ограниченного шаблона.

203

⁴⁹ В духе того, что говорится в текста, мною было прочитано, в 1902 и след. годах, в Петербургском Политехническом Институте, и издано пять "типологических курсов по истории государственного быта" под заглавиями: "Государство-город античного мира", "Монархии древнего Востока и греко-римского мира", "Поместье-государство и сословная монархия средних веков", "Западноевропейская абсолютная монархия XVI — XVIII веков" и "Происхождение современного народно-правового государства". В этих курсах имеются и общая соображения о типологическом изучении, имеющем характер переходного от исторического к социологическому, но, кроме того, этому предмету я посвятил особую статью, названную выше (стр. 38) под № 76.

XII. Историзм в гуманитарных и социальных науках

Пользование в научных целях исторической точкой зрения, историческим материалом и историческим методом можно вообще называть "историзмом". Историческая точка зрения заключается во взгляде на явления жизни, как на нечто, находящееся в постоянном процессе становления (im Werden, как выражаются немцы) и изменения, а не как на нечто неподвижное и всегда себе равное, в желании понимать жизненные отношения путем исследования их происхождения и прослеживания их развития. Историческая точка зрения есть, таким образом, по существу своему точка зрения генетическая и эволюционная, и тот, кто на неё становится, тем самым показывает, что его не удовлетворяют знание вещей, взятых в неподвижности отдельных моментов их бытия, и подведение их под неизменные от века и до века категории. Становясь на историческую точку зрения, ученые, теоретически изучающие языки или литературы, государственные устройства или факты законодательства, конечно, нуждаются, прежде всего, в историческом материале, т. е. в материале фактическом, без которого ни одна наука не может ступить и шага, и притом не столько в фактах, даваемых современностью, сколько в фактах прошлого, относящихся к другим временам, существовавших в иных условиях, характеризующих разные ступени развития.

203

Раз лингвист или теоретик литературы, государствовед или юрист обладают таким материалом, они, понятное дело, и обрабатывать его должны не иначе, как историческим методом, устанавливая каузальные и эволюционные связи, сравнивая и обобщая в интересах более глубокого теоретического понимания.

Историзм и по своей основной точке зрения, и по особенностям своего материала, и по методу своему, можно сказать, имеет своего антипода в рационалистическом теоретизме, стоящем на точке зрения неподвижного бытия и неизменных категорий, более опирающегося на общие соображения, нежели на факты, и потому имеющего характерную склонность к пользованию преимущественно дедуктивным методом.

Особенно антиисторичностью, как известно, отличалось мышление XVII и XVIII вв. Это было время веры в существование незыблемых начал, лежащих в основе разных явлений жизни,— начал, которыми объясняли существующее и в которых вместе с тем усматривали нормы должного. В первом отношении это были начала, по тогдашней терминологии, "естественные", во втором — начала "разумные". Выражения "естественная

религия", "естественная мораль", "естественное право", "естественный порядок" экономистов, называвших себя физиократами (физиократия значит господство природы, т. е. естественных отношений), "естественный закон" (в особом смысле слова),— все это термины тогдашнего рационалистического мышления, видевшего существенный атрибут естественности в разумности, т. е. в соответствии с идеями разума.

204

На почве понятий такого рода сложилось и столь популярное в те времена представление об "естественном состоянии", бывшее продуктом чисто абстрактного конструирования первобытного состояния человечества.

Рационалистические мыслители оперировали или исключительно над отвлеченными понятиями, всюду и везде приложимыми, или над ограниченным фактическим и идейным материалом. Общая философская грамматика, искавшая основных законов грамматического строя языков, обобщала и возводила на степень принципов данные латинской и французской грамматик. Ложно-классическая поэтика устанавливала общие правила красоты и вкуса на примерах античности, а общая эстетика строилась на чисто отвлеченных рассуждениях, как будто в области литературы и искусств возможны были неизменные нормы, и „правильный“ вкус всегда был подчинен одним и тем же предписаниям. Естественное учение о праве строилось на римской юриспруденции, причем римское право принималось как бы за "писанный разум" (*ratio scripta*). По образцу естественного права физиократы стремились открыть свой "естественный порядок человеческих обществ", пригодный, так сказать, для всех стран и времен. Лучшим способом открытия "естественного" в разных областях жизни считалось дедуктивное рассуждение, при помощи которого и построил, наприим., свою систему родоначальник политической экономии Адам Смит. Так как, однако, рассуждать о реальных отношениях без знания каких-либо конкретных форм, невозможно, то во многих отношениях Адам Смит исходил из наблюдений над экономическими явлениями современной ему Англии: последние сослужили ему такую же службу, какую для философствовавших грамматистов — данные латинского или французского языков, для теоретиков естественного права — римское право, для литературных критиков античная поэзия и т. п.

205

Точка зрения всех таких теоретических конструкций была уже по одному тому антиисторичной, что целью их было формулирование абсолютных истин, тогда как историческая точка зрения есть точка зрения относительности явлений, обусловленности их местом и временем. Абсолютность — синоним неизменности, а история вся в переменах. Если

даже рационалисты, вынужденные зрелищем исторических перемен, и пытались давать формулы известных процессов, то опять-таки считали возможным строить их чисто умозрительным методом, не чувствуя потребности в историческом материале или привлекая исторические факты лишь в виде конкретных примеров для отдельных положений своих конструкт. Т. е. и самое пользование историческими фактами было неисторическим: мысль шла не от фактов к выводам, а от общих положений к фактам, которые должны были не столько доказывать правильность выводов, сколько иллюстрировать разные априорная положения в качестве конкретных примеров.

Здесь не место подробно рассматривать вопрос о том, как в XIX в. историзм овладел изучением языков, литератур, художеств, религий, права, народного хозяйства и т. п., а именно лишь в XIX в. произошло проникновение исторической точки зрения, исторического материала и исторического метода в такие специальные отрасли научного знания, которые прежде как бы даже чуждались всего исторического. Если в дальнейшем будут приведены примеры историзма в отдельных научных дисциплинах нашего времени, то, главным образом, потому, что историзирование этих дисциплин не могло, как увидим ниже, не отразиться на расширении задачи самой исторической науки.

206

В наше время уже невозможна всеобщая грамматика. Её заменила лингвистика, опирающаяся на громадный фактически материал, получаемый путем исторического и сравнительного изучения языков (а за последнее время и путём непосредственных наблюдений, даже при помощи особых приборов). Современные ученые отказались от взгляда на грамматические понятия, как на переведённые в область языка логические категории. Каждый язык есть сложная культурная форма очень различного, там и здесь, происхождения и изменяющаяся во времени параллельно с другими бытовыми формами. К языку даже была применена — и очень при этом рано — идея органического развития. Теория словесности и в частности поэтика перестали быть учениями о неизменных родах и видах и канонами вкуса, изящества и красоты. Современная наука давным-давно оставила такую точку зрения и самую задачу, наприм., общей теории поэзии поняла, как совокупность итогов, получаемых в результате только исторических изучений⁵⁰.

⁵⁰ Самым видным представителем в русской науке идеи историзма в теории литературы был покойный Алдрь Н. Веселовский, высказавший основную свою мысль еще в 1870 г. (в своей первой лекции), хотя он и не дал ей полного методологического развития, т.-е. только попутно делал в этом смысле замечания, главным образом, применяя свой метод на практике, целью своих исследований он ставил, именно, "собрать материал для индуктивной поэтики, которая устранила бы её умозрительный построения, для выяснения сущности поэзии из её истории". Из введения в историческую поэтику (Ж. М. Нар. Пр. 1894, V, 221). Ср. также хотя бы только одно заглавие статьи его: "История или теория романа" (в книге "Из истории романа и повести"). Мне не раз приходилось высказываться в печати об историко-теоретических взглядах

207

В области юриспруденции уже около ста лет тому назад в виде реакции против отвлечённой и абсолютной естественно-правовой теории возникла историческая школа права, указавшая и на своеобразие отдельных национальных законодательств, и на изменчивость каждого из них во времени, с применением к праву идеи развития, даже "органического" развития по образцу языка. К этому эволюционному пониманию права присоединилось и сравнительно-историческое его изучение, пользующееся, кроме исторического материала, равным образом и этнографическим.

Аналогичное историческое направление возникло и в области экономической науки. Здесь уместно упомянуть, что начало ему было положено немецкими политико-экономами около 1840 г., когда ими было обнаружено, что теоремы "классической школы" Адама Смита, сформулированные в Англии с её более развитым хозяйственным строем, неприменимы к экономическим отношениям Германии, находившейся тогда на более низкой ступени развития.

208

Немецкие экономисты, таким образом, ставили экономические явления в зависимость от условий времени, а с этим и места, откуда — утвердившееся в Германии наименование данной науки "национальной" экономией, — наименование, указывающее на обусловленность экономических явлений местными обстоятельствами⁵¹.

Итак, мы видим, что в изучении и языка, и литературного творчества, и права, и экономических явлений старое абстрактно-теоретическое отношение заменилось или, по крайней мере, дополнилось отношением историческим, в конце концов, преобразовавшим лингвистику, поэтику, юриспруденцию и политическую экономию. Исследования в области других культурных категорий испытали на себе, равным образом, влияние историзма.

Примером этого может ещё служить историзм в изучении того сложного элемента духовной культуры, который называется религией. Теоретическое отношение к религии прежде было исключительно богословскими, т. е. таким, в котором на первом плане стоял вопрос об

Веселовского (см. особенно, стр. 59 и след. "Литературной эволюции на Западе" и стр. 576 и след. и 591 и след. "Сущности исторического процесса"), так как я вообще интересовался вопросом об историзме в изучении литературы (см. мои статьи, указанный выше, на стр. 33 и 34 под №№ 9 и 23, во второй из которых тоже идёт речь о Веселовском). Недавно (1910) г. Евлахов выпустил в свет под заглавием "Введение в философию художественного творчества" свой "опыт историко-литературной методологии", в котором находит, что научное изучение литературы "идёт по ложному пути", что в нём "слишком много истории и слишком мало философии". Между прочим, в этой книге есть (глава 198 — 216), где взгляды Веселовского сопоставляются с моими. Книга, посвященная, тем не менее, памяти Веселовского, стремится, главным образом, отграничить историю литературы от истории культуры, с которою ее многие сливают.

⁵¹ См. выше (стр. 35) статьи под №№ 38, 39 и 44, в которых говорится о взаимных отношениях истории и политической экономии.

истинности или ложности рассматриваемых религиозных представлений и формул с точки зрения определенных догматов. Так называемая философия религии стояла, в сущности, на той же точке зрения. В современной науке религия начала рассматриваться, как одно из душевных переживаний (психологическая точка зрения) и как один из важнейших элементов культуры, имевших весьма разнообразные исторические формы, познание которых является наилучшим путём для объективного понимания религии в качестве важного общественного явления.

209

Старая философия религии всё более и более переходит в историко-теоретическое исследование разнообразных форм религий и их эволюции.

Историзм не признаёт неподвижного бытия и всякую замечаемую нами неподвижность принимает лишь как момент, как временное состояние при переходе от прежнего к новому, откуда и относительность теоретических построений касающихся разных элементов культуры. Эта точка зрения конца XVIII в. стала проникать и в естественные науки, начавшие рассматривать свои объекты не *sub specie aeternitatis*, т. е. не как нечто вечное в своём постоянстве. Канто-лапласовская гипотеза генезиса солнечной системы из первобытной «туманности» была первым шагом по пути к рассмотрению вселенной с точки зрения эволюции. Второй шаг сделан был в первой половине XIX в. Ляйэлем, взглянувшим глазами историка-эволюциониста на прошлое земной коры и тем произведшего целый переворот в геологии. Наконец, третий шаг, в самой середине прошлого столетия; сделал Дарвин, указавший на изменчивость животных и растительных видов и основавший учение о трансформизме в органической природе.

Для лучшего уразумения разницы между историзмом и умонастроением, которое стало им вытесняться, можно сравнить последнее с метафизикой Платона, берущей мир совсем не таким, каким он представляется в системах двух философов XIX в., Гегеля и Спенсера, как ни различны обе эти системы в других отношениях. Для Платона мир окружающих нас явлений был отображением мира истинно сущего, и все, видимые нами предметы лишь несовершенными копиями их сверхчувственных первообразов, идей, как неизменных, всегда себе равных сущностей.

210

Другими словами, Платон мыслил мир в самом его существе, как неподвижное бытие. Наоборот, то, что Гегель прозревал за внешнею видимостью вещей, он понимал, как некоторый процесс, как постоянное движение вперед и переход старого в новое. Спенсер из эволюции, равным образом, сделал основной закон всего сущего.

Старые теории были неисторическими и даже анти-историческими, новые теории характеризуются именно своею историчностью. На самом деле, теория и история не суть две непримиримые вещи: наоборот, отсутствие в теории историчности,— раз теория объясняет вещи, имеющие историю,— можно рассматривать, как существенный недостаток теории, лишаящей ее научного значения, тогда как историзм теории, — раз ему в ней есть место,— является одною из гарантий того, что теория стоит на верном научном пути. С другой стороны, и историческое изучение бывает и совсем лишенным всякой теоретичности в смысле пользования общими понятиями и обобщающими формулами, и, напротив, сильно проникнуто теоретическим духом. Нет надобности пояснять, в каком из этих двух случаев история имеет более научный характер. Конечно, у истории и у теории разные задачи: у первой идеографическая, у второй номологическая, но они обе должны идти рядом к одной цели — научному знанию. Историзм — враг только таких теорий, которые имеют априорные основы и отворачиваются от фактов; думать поэтому, что историческим изучением совершенно устраняется всякое теоретическое мышление, очень неосновательно. Между тем,— нельзя не отметить это мимоходом, — выводы в этом направлении делались не раз. История имеет дело либо с объединенными коллективностями, каковы народы, государства, а также с отдельными их частями, как-то провинциями, городами, сословиями, общественными классами и т. п., с одной стороны, и такими соединениями стран и народов, как античный мир, Западная Европа, славянство и пр., либо с разными сторонами их культуры, наприм., религией, поэзией, искусством, философией, государственным строем, правом, хозяйственным бытом, с другой стороны.

211

Оставляя пока коллективности в стороне, рассмотрим отношения, существующие в сфере всех этих специфических историй религии, философии, права и т. п.

В таких специальных штудиях, прежде всего, нужно провести демаркационную линию между историками, занимающихся чем-либо из подобных предметов, и теологами, философами, юристами, экономистами, вносящими в свои занятия историческую точку зрения, исторический материал и исторический метод. Конечно, историку, который занимается вопросами, входящими в область истории религии, или истории конституционного строя, права, хозяйственная быта и пр., нужно обладать соответственными теоретическими знаниями, т. е. в данных случаях теологическими, политическими, юридическими, экономическими, как и теологи, государствоведы, юристы и экономисты не могут обходиться без общего исторического образования. Случается и так, что об ином учёном специалисте трудно бывает сказать, кто он — историк или юрист,

например,— до такой степени он и то, и другое в одно и то же время. О не совсем удачных представителях такого двойственного положения злые языки даже говорят так, что историки-де считают его за экономиста, а экономисты, наоборот, за историка. Какие бы, однако, в этом отношении ни возникали комбинации, мы все-таки, как-никак, отличаем экономическое направление в истории от исторического направления в политической экономии.

212

Экономист, юрист, государствовед, философ и т. д., прежде всего, теоретики народного хозяйства, права, государства, вопросов гносеологии, метафизики, этики и т. д., а потому, как таковые, должны и в истории того, что составляет предмет их специального изучения, больше интересоваться значением тех или других исторических фактов для общих теорий права, народного хозяйства и т. п. Для юриста-теоретика отдельные факты в истории права являются частными случаями и примерами каких-либо общих формул, и даже тогда, когда общая формула заключает в себе, наприм., историческую схему развития какого-либо института, в глазах юриста-теоретика она будет иметь номологическую, а не идеографическую цену. Историзм является для юриста вообще лишь средством по отношению к чему-то другому, как цели, а таковою целью здесь будет познание общей природы права, его значения в жизни, путей его развития. Чем менее, наоборот, все это будет интересовать юриста, и его внимание будет больше привлекаться совокупностью правовых явлений в данной стране, как характеризующих эту страну культурных форм правового содержания, возникновением их в данной социальной среде, их развитием в данных условиях, тем более юрист будет становиться историком права, и тем труднее будет делать различие между юристом по специальности, работающим исторически, и историком по специальности, работающим в области права. Юриспруденция-теория и юриспруденция-история, это две полярности, и между ними мы проводим демаркационную черту, которую приходится передвигать в зависимости от степени преобладания в работе специалистов чисто-теоретического или чисто-исторического интереса.

213

Такое же различие существует между экономической теорией и экономической историей, между теорией разных искусств (музыки, архитектуры, живописи, скульптуры) и их историей и т. п. (кроме, конечно, еще одного различия между теорией и практикой, какое существует между самою живописью и её теорией, между практической деятельностью судьи, адвоката и т. п. и кабинетного исследователя).

Делаясь историком, юрист в известных случаях должен даже превращаться в филолога, когда изучаемый им памятник законодательства,

состояние, в каком до нас дошел текст памятника, лексическая его сторона, другие особенности и проч. требуют применения особых приемов исследования и специальных, не юридических знаний. Так и историк искусства становится археологом, когда изучаемое им произведение искусства является и объектом археологи.

Каждая специальная отрасль истории может иметь свою особую методологию, но чисто технического свойства, в зависимости от несходств между такими предметами исследования, как язык и государство, музыка и право, философия и народное хозяйство. Принципиально задачи специальных историй одни и те же: констатирование фактов, установление между ними генетических связей и, наконец, обобщение их в виде объединяющих формул. Различие между событиями (прагматическими фактами) и бытовыми (культурными) формами применимо и к этим специальным историям, как это можно видеть из следующих примеров, которые нарочно привожу в большем количестве в виду того, что многими теоретиками исторической науки это различие ясно не сознаётся.

214

В историях разных сторон духовной культуры, каковы религия, философия, наука, поэзия, отдельные искусства, мы имеем дело с разными школами, направлениями, течениями, различаемыми по основным чертам, их характеризующим и тем самым отличающим их одни от других. Религией народа, является, например, или христианство, или магометанство, или буддизм, а в самом христианстве мы различаем православие, католицизм, протестантизм и т. д. Для историка всё это — обособленные бытовые формы религии с отличными одни от других догматами, обрядами, учреждениями. В истории философии мы имеем дело с разными направлениями и школами, которые называем идеализмом, материализмом, позитивизмом, платонизмом, кантианством и пр. Совершенно также историки живописи говорят о школах итальянской, фламандской, французской и т. п., а историки литературы — о классицизме, романтизме, реализме и пр. Нет никакого сомнения, что во всех перечисленных случаях мы имеем дело с многообразием культурных форм, варьирующихся от народа к народу и от эпохи к эпохе, различных в отдельных вероисповеданиях, философских, литературных, научных и т. д. школах. Все эти культурные особенности характеризуются не только чисто формальными особенностями обрядов религиозного культа, приемов художественного творчества, способов разрешения проблем философского мышления, методов научного познания и т. п., но и реальным содержанием образов, представлений, понятий, формул искусства, литературы, философии, религии, да и эти последние, как и чисто формальные особенности, составляя содержание сознания большего или меньшего количества лиц, объединённых принадлежностью к одной и той же вере или к одному и тому же направлению в искусстве, в науке, в философии,

являются отличительными признаками отдельных народов или групп художников, писателей мыслителей, учёных.

215

Задачи историка всех этих форм с их содержимым — найти их происхождение, проследить их изменения, определить причины последних, будут ли эти изменения происходить незаметно и постепенно, или на дальнейшее существование изучаемых явлений окажет влияние какое-либо событие. Религиозная история полна такими событиями, вроде выступлений проповедников, Магометов и Лютеров, вроде случаев принятия новой веры и т. п. В истории философии и науки совершаются свои события, каковыми являются, напри.,— чтобы называть только особенно крупные факты,— обнародования трактатов Коперника, Декарта или Бэкона, Канта, Дарвина. Каждое научное открытие есть событие в истории духовной культуры, и поскольку одним открытием обуславливается другое, между этими событиями устанавливается историком генетическая связь.

В истории государства, права, народного хозяйства — то же разделение. Образ правления, реальная совокупность способов проявления власти, писанная конституция, соблюдается ли она или нет, входят в область бытовых отношений, т. е. культуры, в данном случае политической культуры, а революции, государственные перевороты, это уже — политические события, политическая прагматика. От юридического быта в его реальных и нормативных проявлениях мы так же должны отличать события в правовой жизни страны, напри., издание гражданского кодекса во Франции в начале XIX в. или введение общего гражданского права в Германии на наших глазах. И экономическая история занимается не только хозяйственным бытом, но и событиями в хозяйственной жизни: такими событиями были, напри., изобретение паровой машины и применение её к производству, законодательная отмена цехового строя, тот или другой промышленный кризис, крупный неурожай и т. д.

217

XIII. Специальные истории и история общая

Существование специальных историй философии, права, литературы, искусств объясняется тем, что есть люди, особенно интересующиеся и занимающиеся этими предметами. Специальное дробление при этом может идти очень далеко, ибо пишутся ещё всякие истории дипломатии, областного управления, прямого обложения, судоустройства, сельского хозяйства, торговли, военного дела, публицистики, почтовых сношений, декоративного искусства, мод, промышленной техники и пр. и пр. до бесконечности. Такою историческою специализацией осуществляется необходимое в каждой науке разделение труда, причём отдельные специальные истории то близко соприкасаются одни с другими, то наоборот, имеют весьма мало между собою общего, как, напр., истории языка и литературы или история права и государства, история точных наук и техники, с одной стороны, или история судопроизводства и музыки, история живописи и вексельного права и т. п., с другой.

В то же время эти специальные предметы исторического изучения, рассматриваемые в их генезисе и эволюции, не имеют самостоятельного существования, каким обладают вещественные предметы. Всё это — наши умственные категории, отвлекаемые нами от единства реальной жизни того или другого человеческого коллектива. Государство, право, народное хозяйство, религия, литература, искусство, наука, философия, это — лишь разные стороны исторической жизни, разные категории общественного быта.

217

Последний, взятый в его целом, должен быть также предметом истории именно общей истории некоторого соединения людей, представляющего собою известное единство, прежде всего нации или государства, — соединения, в котором наблюдаются те или другие бытовые формы политического, юридического, экономического и духовно-культурного значения. Каждый народ, — что весьма естественно, — желает знать своё собственное прошлое, и национальная историография у всех народов стоит поэтому на первом плане.

Общая история национального или политического коллектива, понятное дело, не может быть простою суммою всех, какие только имеются в наличности в данный момент, специальных историй, среди которых найдутся и истории чего-нибудь вроде народного орнамента или государственного коннозаводства. С точки зрения общей истории отечественного ли прошлого или прошлого любой страны, нас почему-либо заинтересовавшей, не всё для нас в этом прошлом одинаково существенно и важно, да и прежде почиталось таковым. Весьма интересным было бы проследить, как в разные

времена производился выбор существенного в истории⁵². В общем, на первых порах прагматика преобладала над культурой, и интерес сосредоточивался на политических событиях и часто больше на внешних, нежели на внутренних. Культура лишь постепенно входила в содержание общих историй, притом лишь по частям, и, наприм., хозяйственный быт был одною из последних тем, занявших подобающее место в общих построениях истории отдельных стран.

218

Между историками происходит нечто вроде молчаливого соглашения относительно существенного и несущественного, важного и неважного, характерного и нехарактерного в событиях и в быте, составляющих историческое прошлое отдельных народов. Но помимо такого "consensus omnium" над вопросом о существе или ядре исторической жизни работала и теория исторической науки, равно как социология.

В отличие от специальных историков, изолирующих предметы своего изучения, общий историк должен рассматривать главные стороны исторического бытия народа не только в их совокупности, но и в их взаимоотношениях: во взаимоотношениях государства и права, права и народного хозяйства, экономики и политики, политики и религии (государства и церкви), религии и философии, философии и науки, науки и политики (просвещения и власти), ибо в реальной жизни всё это переплетается одно с другим и представляется нам в виде сложной системы взаимодействий, как в организме. Задачи историка по отношению к каждой отдельной стране и к каждой отдельной эпохе состоят в том, чтобы разобраться в этой путанице и пестроте жизни, как географ разбирается в причудливо пересекающихся горных кряжах, ущельях и долинах, сводя все к немногим главным направлениям. Отдельные общественные науки не занимаются изучением взаимоотношений и взаимодействий политических, юридических, экономических и духовно-культурных сторон народной жизни. Идеографически, по отношению к отдельным странам, этим занимается история, а номологически, т. е. в форме общей теории должна заниматься этим социология, от которой теория истории уже теперь получает не мало руководящих начал методологического характера.

219

Тому, что такое социология, какой её предмет, какая задача, какой метод и какие в ней существуют направления, мною посвящена особая книга⁵³. Основной взгляд на социологию, изложенный в этой книге, сводится к следующим положениям.

⁵² О. В. И. Ф., кн. II, гл. (гл. 5 по 3 изд.).

⁵³ Введение в изучение социологии.

Во-первых, социология есть общая наука об общественных явлениях, которой, как специальные науки, соответствуют, главным образом, государствоведение, юриспруденция, политическая экономия. Одна из задач социологии — изучать взаимоотношения между разными категориями общественных явлений, т. е. явлениями политического, юридического, экономического и духовно-культурного характера⁵⁴.

Во-вторых, от частных социальных наук социология отличается и тем, что является наукою, лишённою прикладного характера: это одна из чистых наук. Именно, государствоведы, юристы, политико-экономы заняты не только исследованием природы государства, права, народного хозяйства и законов, управляющих явлениями данных категорий, но и вопросами о том, к чему нужно стремиться, как действовать для достижения поставленных себе целей, напр., вопросами о правильном государственном устройстве, о справедливости правовых норм, о выгодности или невыгодности чего-либо для целей хозяйственной деятельности.

220

История тоже — чистая наука, но она, как мы видели, не совпадает с социологией в другом отношении.

В-третьих, социология есть наука номологическая, идеографическими соответствиями которой является история, а с нею этнография и статистика, равно как описательные части государствоведения, юриспруденции, политической экономии.

В-четвертых, эта общая, чистая и номологическая наука должна в своих исходной точки зрения и основной задачи, а главное в методе стоять вообще на почве позитивного знания, т. е. изучать общество, как реальность, без всяких метафизических предпосылок о чём-либо внеопытном и сверхчувственном, искать в представляемых им явлениях законосообразности, как это делают естественные науки, и пользоваться при этом методами, устраняющими всякий произвол исследователя.

В-пятых, свой материал социология должна брать из того, что вырабатывает научное мышление историков, этнографов, статистиков, государствоведов, правоведов и экономистов, а также психологов, поскольку последние касаются общественной стороны человеческой психики.

В-шестых, подобно тому, как биология опирается на физику и химию, а на биологию психология, сама социология должна опираться на психологию, которая может изучать не только процессы, совершающиеся в индивидуальной психике (интраментальные явления), но и процессы психического взаимодействия между членами общества (интерментальные

⁵⁴ Общую связь между общественными явлениями разных категорий Конт обозначил латинским словом "consensus" (согласие), для которого в данном случае трудно найти вполне подходящий перевод, потому что, наприм., слово "согласованность" предполагает некоторую преднамеренность, которой в данном случае быть не может. В общем, наприм., в полном "консенсусе" находятся зимой шубы, теплые шапки, шерстяные рукавицы, валенки, а между соломенной шляпой и меховым пальто уже нет "консенсуса".

явления). Ближайший предмет социологии не это взаимодействие, а вырастающая на его почве социальная организация⁵⁵.

221

В-седьмых, социологические законы могут быть законами сосуществования явлений (социальная статика) и законами их последовательности, как каузальной, так и эволюционной (социальная динамика).

В таком понимании⁵⁶ социология призвана быть общей теорией истории, направляющей мысль историка, но отнюдь не дающей ему готовых ответов на его, всегда идеографические, вопросы. Лишь при помощи социологического мышления историк может разобраться в теоретическом вопросе, об относительном значении в жизни — факторов экономических, политических, умственных, эмоциональных, волевых, причём будет хорошо понимать, что в данном случае личное предрасположение выдвигать вперёд тот или другой фактор или разные посторонняя чистому знанию соображения⁵⁷ должны уступать место логическим обобщениям фактических данных.

222

Социологическое же мышление поможет историку провидеть законосообразность совершающегося и выделять существенное и необходимое в каждом процессе из массы осложняющих его подробностей и случайностей. Лишь при условии, далее, соблюдения требований социологической логики историк, помимо прямой своей задачи, будет в состоянии обрабатывать свой материал таким образом, что его выводы будут важны и для социолога. Особенно важны с этой точки зрения сравнительно-исторические исследования и историко-типологические построения.

Исторические исследования и построения с указанным характером не только готовят материал для дальнейшей социологической обработки, но могут сверх того иметь большое значение при проверке общих

⁵⁵ Ср., между прочим, не успевшую попасть в список моих работ статью "О значении психологии для общественных наук" ("Вестник психологии" за 1912 г.), год получила последнюю формулировку мысль о взаимных отношениях психологии и социологии, высказанная мною ещё в О. В. Ф. И. — Термины "интраментальный" и "интерментальный" образованы из лат. "mens" (ум, душа) с предлогами "intra" (внутри) и "inter" (между).

⁵⁶ Есть и другие понимания вроде отождествления социологии с изучением первобытной культуры, социального строя в отличие от политического и т. п. Совершенно не соглашаюсь с взглядом акад. Лаппо-Данилевского в выпуск I его "Методологии истории" (стр. 66 — 67). Именно, он находит, что "с точки зрения научно-обобщенного знания между социологией и историей не должно быть принципиального различия: обе стремятся к обобщению и разнятся только по ближайшим объектам исследования: социология обобщает преимущественно (?) явления, постоянно повторяющиеся, а история — явления развития; в таком случае легко свести социологию — к социальной статике, а историю к социальной динамике". Впрочем, это — с точки зрения "научно-обобщенного" знания, с точки же зрения "научно-обоснованного" знания, автор признаёт между обеими науками (и правильно) принципиальное различие.

⁵⁷ Вероисповедные, национальные, классовые и т. п., о чем ниже.

социологических формул, в которых многое бывает только гипотетическим. Теория, не объясняющая тех фактов, на объяснение которых рассчитана, а еще того более противоречащая этим фактам, тем самым доказывает свою непригодность и, во всяком случае, требует поправок, оговорок, ограничений. История и социология должны поэтому, конечно идти рука об руку, взаимно одна другой помогая, одна другую контролируя, социология — со стороны общих научных идей, история — со стороны научно установленных фактов.

Указанными отношениями между историей и социологией разрешается вопрос о правильности выражения "исторические законы". В настоящее время, когда лучше, чем прежде, понимается различие между историей и социологией (или вообще идеографией и номологией), все чаще раздаются протесты против выражения "исторические законы", как заключающего в себе внутреннее противоречие (*contradictionem in adjecto*), но когда, тридцать лет тому назад в "Основных вопросах философии истории" я посвятил целую главу⁵⁸ изложению мотивов, заставивших меня отнестись отрицательно к специально "историческим законам" при безусловном, однако, признании психологической и социологической законосообразности в истории, в этом мои критики усмотрели величайшую ересь.

223

К более подробному обоснованию данного своего взгляда я вернусь ещё в начале второй части настоящего труда, где будет идти речь о законосообразности в историческом процессе. Здесь довольно одного указания на то, что раз существуют психологические и социологические законы, никаких ещё, кроме них, законов специально исторических быть не может.

Историю можно назвать биографией народов и всего человечества, но исторические законы столь же мало возможны, как и законы биографические, из чего, однако, отнюдь не следует, что жизнь отдельных людей не подчинена действию законов, только это — законы биологии и психологии, а не биографии. Общая история народа или государства и есть его биография, в которой общие законы психологии и социологии действовали в такой, собственно, комбинации, которая была вполне индивидуальна.

Признавая психологическую и социологическую законосообразность в истории и даже обладая некоторыми общими эволюционными формулами, мы должны ещё спросить себя о том, следует ли применять эти формулы к истории отдельных народов или к истории человечества, как единого целого.

224

⁵⁸ Кн. I, гл. 2.

XIV. Частные истории и всемирная история

Свою историю имеет каждый человеческий коллектив, представляющий собою нечто целое, так или иначе объединённое. У каждой деревни, села, города, области есть своя история, но, в сущности, такие общественные единицы являются только частями более самостоятельных целых, каковы суть или народности, или государства, постоянные соединения людей — в первом случае на почве общей культуры, во втором — под властью общих учреждений и законов. Совпадение национальности и государства наблюдается, как известно, далеко не всегда, и истории, то и дело, приходится иметь перед собою, с одной стороны, отдельные национальности, разделенные на несколько, даже на множество государств (пример — древне греки) или частично входящие в состав разных государств (пример — современные поляки), с другой — государства с разноплеменным населением. В виду того, что национальное единство обуславливается, главным образом, общностью духовной культуры и преимущественно на почве психического взаимодействия, государственное же единство заключается в известной объединяющей организованности практических взаимоотношений между людьми, история государства сделалась типичною формою исторического изображения внешних судеб и внутренней жизни человеческих коллективов, тем более, что на первых порах всякое государство более или менее строго национально. Тем не менее, и национально-культурная точка зрения продолжает играть роль в историографии отдельных стран.

225

Россия, наприм., давно уже перестала быть, по составу своего населения, государством единой народности, но все историки русского народа, изучающие его прошлое, следят исключительно за его политическим экономическим, умственным развитием, оставляя в стороне историю и татар, вошедших в состав русского государства при Иване Грозном или при Екатерине II, и инородцев Прибалтийского края, подчинённых России Петром Великим, и поляков, сделавшихся подданными русских государей при Екатерине II и Александре I и т. д. Следовательно, в истории России, — которая в настоящее время заключает в своем населении самые разнородные элементы, — мы видим продолжение прежнего национально-русского государства, а не Казанского и Астраханского царств, не Ливонского ордена, не польско-литовской Речи Посполитой и т. п. История последних продолжается уже в виде историй отдельных областей, т. е. частей государства, включившего их в свой состав.

Утрата нацией самостоятельного политического существования, с другой стороны, не мешает историкам такой нации следить за её внешними судьбами и внутренними отношениями и после того, как она лишилась своей государственности. Старое польское государство, бывшее сначала одноплеменным, а потом распространившее свою власть на иноплеменная области, было разделено во второй половине XVIII в. между тремя государствами, а в начале XIX в. в этот дележ были внесены существенные изменения, после чего судьба польской национальности в каждом "заборе" была разная, но это не препятствует польским историкам изучать прошлое и "поразборовой" (porozbiorowej) Польши, как единого национального целого, хотя бы политически и разъединенного.

226

Возможны и истории народностей, никогда или, по крайней мере, на протяжении почти всего своего существования не бывших политически самостоятельными, но объединенных общими этнографическими признаками, как мы это видим на примере малороссов, или украинцев. Их историки начинают изложение своей национальной истории так же, как и наши: киевский период у обеих версий общий, — но дальнейшее построение с известного момента расходится, и одно продолжение этой общей истории рассматривается на северо-востоке, другое — на юго-западе. Так, впрочем, дело обстоит и с историями Франции и Германии, которые обе берутся, как два продолжения одной и той же истории Франкского королевства и монархии Карла Великого. Однако после **бифуркации русской истории** одна ветвь русского племени организовалась в государство, другая стала входить в состав другого государства. И это обстоятельство, тем не менее, не мешает существованию особой национально-украинской историографии.

Этих примеров, полагаю, достаточно, чтобы видеть, как многообразно могут комбинироваться между собою две указанные точки зрения, национальная и политическая, в построении истории крупных политических коллективов, которые для историков являются отдельными народами. В греческой истории мы имеем дело с фактом политического раздробления крупного национального коллектива, в римской истории, наоборот, с фактом политической объединения многих национальностей. Вся история полна процессами сложений и разложений, и как нации, так и государства находятся в постоянном процессе изменений и новообразований, сказывающихся как на их внешнем положении, так и на внутренних их отношениях.

227

Существование национальной историографии, т. е. истории отдельных народов и государств объясняется, разумеется, тем, что человеку,

принадлежащему к данной нации, или гражданину данного государства прежде всего интересно знать и понимать прошлое своего отечества. Не даром ещё очень недавно историю определяли, как народное самосознание, и в занятии отечественным прошлым видели исполнение совета дельфийского прорицалища: γνῶθί σεαυτόν ("познай самого себя!"). Интересоваться близким, родным, своим — явление, как нельзя боле, естественное. Человек, принадлежащей к известной народности или государству, как бы выделяет их в качеств особых целых, достойных преимущественного или исключительного интереса, причём основаниями для этого выделения служат чисто объективные данные общности быта и единства судеб. Нации и государства, это — реальные единицы истории, по отношению к которым сословия социальные классы, культурные слои, профессиональные группы или области, города, села, деревни являются не имеющими самостоятельного значения, подобиями органов живого существа или частями единого целого. Раз объективно существуют такие отграниченные одни от других человеческие коллективы, теми или другими из них можно, однако, исторически интересоваться, и не принадлежа к ним; напр., русский может специально заниматься и прошлым Франции или Германии, а француз или немец — прошлым России. Кроме интереса патриотического, есть ещё интерес чисто научный, без которого в настоящее время не было бы исторического изучения ни древнего Египта, ни Вавилона, ни Финикии и других подобных стран.

228

Культурные и политическая объединения всегда начинаются в определённых центрах, откуда распространяются в разные стороны, постепенно охватывая большие или меньшие территории. В каждом отдельном случае географические условия страны, топографические условия местности, её орография и гидрография, однообразие или разнообразие вида, климат и качества почвы, флора фауна, определяют собою быт и судьбы народа. Самые свойства населения, т. е. раса с врождёнными своими особенностями, тоже входят в число условий, определяющих историю страны. Это давно сделалось избитым местом исторической науки и даже дало повод к возникновению особых теорий климата (у Монтескье и в более широком понимании у Бокля) и расы (у Ренана). Недаром то, что мы называем началом исторической жизни, возможно, было здесь и невозможно там, и недаром историческую жизнь жили только народы некоторых "высших" рас⁵⁹.

В природе страны и в свойствах племени историку даны первичные условия существования и эволюции народов. **Тенденция современной**

⁵⁹ В О. В. Ф. И. (кн. ПГ, гл. 4 или по 3 изд. гл. 4) есть целый отдел о влиянии внешней природы и прирождённых свойств племени на историю. Тема эта должна нас занять и во второй части общей теории истории, предмет которой составляет и вопрос о том, как, под какими влияниями совершается исторический процесс.

исторической науки объяснять всякое национально-государственное развитие из местных условий и внутренних причин заслуживает, конечно, величайшей похвалы: это — условия наиболее постоянные, т. е. наименее изменяющиеся, условия, охватывающие все стороны народного быта, определяющие образ жизни, занятия, взаимные отношения жителей и порождающие, в свою очередь, ряд явлений, которые становятся причинами изменений в разных областях народного быта и пр. Искусство историка даже прямо в том и полагается, чтобы главные особенности данного комплекса технических, экономических, социальных, а вместе с тем юридических, политических форм и традиций, с какими народ делается известным науке, уметь объяснить из условий страны, и каждый последующий момент в этом "консенсусе" быта уметь вывести из моментов предыдущих без помощи какого бы то ни было *deus ex machina*.

229

Но и в этом законном стремлении должно соблюдать меру, т. е. не отрицать того, что многое в жизни народов является результатом влияний, допытывавшихся ими со стороны других народов. Изучение направлений, которые принимает течение Волги, привело к тому общему выводу, что как только эта река принимает сколько-нибудь значительный приток, то изменяет принятое ею направление и течет как раз в направлении данного своего притока. Эта особенность течения Волги может служить образной иллюстрацией того, как и в истории принятая в силу внутренних причин направления могут отклоняться в ту или другую сторону под влиянием воздействий извне.

Народы не живут на изолированных островах вне всякого между собою общения. У каждого народа есть соседи, и пограничные территории часто бывают предметом военных столкновений, переходят то в одни руки, то в другие, и между самими народами возникают весьма разнообразные отношения, вплоть до подчинения себе одними народами других. То или другое соседство также ведь есть одно из географических условий, и для народа, напр., не безразлично, каковы его соседи, и в каких отношениях ему приходится стоять к этим соседям.

230

Если государственное объединение более мелких политических организмов можно назвать политической интеграцией, то установление экономического обмена на известной территории между первоначально изолированными коллективами, позволительно обозначить, как интеграцию экономическую, причем обе интеграции могут между собою и не совпадать, т.-е. одна опережать другую. Историческая роль торговли хорошо известна: торговля еще более, нежели война, приводила народы в соприкосновение,

вызывая в то же время и изменения во внутреннем их быту. Люди разных стран обменивались притом не только товарами, но и изобретениями, умениями, верованиями, знаниями и пр., что входит в обширную, нами уже рассмотренную область заимствований, в то самое время, как колонизация, завоевания, союзы тоже сближали отдельные страны и вносили извне изменения в их бытовые формы.

Собственно говоря, изолированных историй народов даже и нет совсем. Уже древнейшие памятники исторической литературы, известные части Библии и творение Геродота, рассказывая прошлое еврейского или греческого народов, берут его в связи с событиями, происходившими в других странах. Греческий историк Полибий, современник великих римских завоеваний, прекрасно говорит в своем труде, что к его времени дела Италии и Африки переплелись с делами Азии и Греции и все вместе как бы направились к общей цели. Отдельные истории, выводил он отсюда, как разрозненные члены тела не могут дать представления о целом, и только общая история сообщает нам, прибавляет Полибий, знание событий, их причин, следствий и сопровождающих обстоятельств. Греческая культура и римская государственность объединили в один исторический мир целый ряд стран вокруг Средиземного моря, завершив процесс, начатый финикийскими мореплавателями и царями-завоевателями Востока. Христианство дало этому миру религиозное единство, к которому и к наследию античной цивилизации примкнули более новые европейские народы, впоследствии колонизовавшие и подчинившие себе другие страны света.

231

Мировая сцена истории с течением времени все более и более расширялась, пока прагматическим и культурным процессом, главной ареною которого была Европа, не были захвачены и наиболее отдаленные и отсталая страны вроде Японии и Китая, начавших недавно усваивать результаты европейской цивилизации. Параллельно с греко-римским, христианским, европейским объединением шло другое, в Азии и Африке, магометанское, обязанное очень многим, в эпоху Арабского халифата, заимствованиям из греческой и древневосточной культуры. Историческое взаимодействие двух миров, европейско-христианского и азиатско-магометанского тоже представляет собою важное явление в истории Старого Света. С другой стороны, магометанство проникло в Индию, родину буддизма, сыгравшего роль мировой религии в другой половине Азии, и в Китай, т. е. в два больших исторических мира, потом испытывших на себе и разнообразные влияния со стороны европейских народов.

232

Теперь мы имеем полное право говорить о мировых державах, о

мировой политике, о мировой торговле и тому подобных результатах истории, принявшей мировой характер⁶⁰.

Кроме национальных историй есть, следовательно, мировая, или всемирная, *Weltgeschichte*, *histoire mondiale*, история международных прагматических и культурных отношений, влияний, взаимодействий, история смены и преемственности стран и народов во главе цивилизации, история расширения исторической сцены в мировую. Это не только позволяет, но и прямо обязывает смотреть на целый ряд исторических событий и бытовых форм не с одной точки зрения их места и роли в прошлом того или другого народа, но и с точки зрения их значения в истории человечества, взятой в целом, в истории мировой, с точки зрения, как у нас прежде было принято выражаться, всемирно-исторической, универсальной.

То, что заслуживает имени всемирной истории, не должно быть простою суммой истории отдельных стран, народов, государств, какую мы находим в так называемых малых и больших всеобщих историях (*histoires generales*, *allgemeine Geschichten*). Это должна быть история прагматического и культурного объединения разных стран мира, его условий и результатов в отдельные периоды, его путей, средств, способов, успехов, неудач, роли в этом процессе отдельных народов, их вкладов в общую цивилизацию или производившихся ими разрушений, их взаимодействий, история идей и учреждений с мировым значением и вообще происходящего в жизни человеческих обществ движения вперед, прогресса. Одним словом, это должно быть объединенным, обобщенным и поднятым на высоту отвлеченного созерцания построением всей прошлой жизни человечества, т. е. тем, что в своё время было очень популярно под названием "философии истории".

233

⁶⁰ Не так давно мне пришлось полемизировать против взгляда, по которому за единственно научное отношение к истории нужно признавать стремление все в истории каждого народа выводить исключительно из её antecedентов. См. в списке моих работ (стр. 38) №№ 7, 75, 76 и 77. Под последним № значится брошюра "Типологическая и всемирно-историческая точка зрения в изучении истории". По поводу первой из этих точек зрения я уже назвал (выше, стр. 202) свои типологические курсы, из которых в одном ("Монархии древнего Востока и греко-римского мира") особенно проводится и вторая, всемирно-историческая точка зрения и имеются некоторые общие соображения о политической, экономической и духовно-культурной эволюции народов древности.

XV. Философия истории ⁶¹

Главнейшие попытки создания философии истории были сделаны в эпоху господства метафизического мышления, когда некоторые мыслители считали возможным конструировать весь ход всемирной истории на основании чисто априорных соображений. Самым замечательным метафизическим построением философии истории были, как известно, лекции Гегеля, под этим заглавием изданная в начале сороковых годов прошлого века. Связь философии истории с метафизическими системами до такой степени дискредитировала самую мысль о ней в глазах историков, что одно имя философии истории способно было вызывать ироническая улыбки и колкие замечания. Но из того, что прежде построили философии истории не так, как следует, ещё отнюдь не вытекает, чтобы нельзя было решать задачу другим, уже совершенно научным способом, не путем выведения историко-философских формул из априорных положений, а путём всё большего и большего обобщения действительного хода всемирной истории и его результатов, между прочим, и для дальнейших судеб и развития человечества.

234

Свою философию, в смысле самого отвлечённого и углубленного обобщения на основании научных данных и при помощи научного же метода, может иметь история и отдельного народа и даже одного из проявлений его культурной жизни (напр., возможна философия истории русской литературы), но название "философия истории" без дальнейших определений приурочивается, главным образом, к целому истории человечества.

К сожалению, термину придавались и придаются до сих пор очень различные значения, и часто, говоря о философии истории, разумеют под нею весьма неодинаковые вещи. Нередко под этим названием понимают общую теорию исторического процесса, так сказать, с наклоном в сторону решения в связи с нею и некоторых чисто философских проблем: для обозначения такой философской историологии даже предлагался особый термин "историософия", которому, однако, у нас не посчастливилось. При таком понимании философии истории, как философской теории исторического процесса, очень легко было придти к тому выводу, что возникновение социологии упразднило прежнюю философию истории, т. е.

⁶¹ Выставленные в этой главе положения подробно развиты в "Основных вопросах философии истории", где см. особенно главы — 4 первой книги и главу 2 второй книги (гл. 7 по 3 изд.). Кроме того, ср. статьи, указанные выше (стр. 33 и след.) под №№ 11, 34 и 56.

что социология и есть то самое, что имелось в виду, когда создавалась философия истории⁶², и это, пожалуй, верно, но лишь постольку, поскольку социология может заниматься историческим процессом, отвлеченно взятым, где бы то ни было и когда бы то ни было.

235

Другое дело — замена социологией, наукою номологической, философского рассмотрения единожды нам в действительности данного процесса истории человечества, — рассмотрения, которое по самому существу своему должно быть идеографическим. **Существование социологии, поэтому отнюдь не упраздняет философии истории: там номология всякой истории, здесь идеография только единичной, лишь один раз нам данной истории — истории человечества.**

Признавая полную законность основного вопроса философии истории о том, как совершалась и в чём заключалась история человечества, в смысле совокупности народов, постепенно объединявшихся в одно целое, и вместе с тем признавая возможность научного ответа на этот вопрос на основании тщательного изучения исторических взаимоотношений между народами, мы, конечно, не должны делать отсюда вывода о каком-то едином законе, объясняющем весь ход всемирной истории. Представление о таком основном законе истории, взятой в её целом, есть не что иное, как наследие прежних, донаучных способов решения историко-философской проблемы. **Раньше всего философствующее историка стояли на точке зрения провиденциализма, считая для себя возможным доподлинно узнать общий план божественного Промысла, ведущего человечество к высшему совершенству. Потом авторы метафизических философий истории заменили провиденциалистический план планом, так сказать, уже чисто логическим — в каком, именно, порядке должна была совершаться история по самой своей "идее", понимавшейся отдельными философами очень различно.** Наконец, когда родоначальник социологии, Огюст Конт, ставший на точку зрения позитивной науки, тоже задумался над историко-философской проблемой, то первым его делом было **установить основной закон истории**, затем и применённый им ко всему человечеству, взятому в целом.

236

Этого краткого напоминания о том, как менялось понимание общего плана всемирной истории или её основного закона, можно было бы здесь

⁶² "Социология, говорить, напр., проф. Випер, — преемница философии истории; социология, это — новые общие требования, предъявляемые истории". Очерки теории исторического знания, стр. 47. Это — довольно распространённый взгляд, но только здесь не принимается в расчёт, что **главное русло философии истории всегда составляли общие обзоры всего хода истории, а не теории исторического процесса вне времени и пространства.** Ср. различие Бернгеймом двух разных сторон в "Geschichtsphilosophie". Lehrbuch, стр. 689.

совершенно не делать, как напоминания о чем-то таком, в чем современная историческая наука совсем не заинтересована, если бы не одно недавнее обстоятельство, имеющее известное значение и для настоящего времени.

Я имею в виду некоторые нападки на самую идею философии истории в нашей литературе, в сущности, основанные на том предположении, что кто ставит задачу философии истории, тот волей-неволей и предначертывает способ её разрешения на путях, по которым шли провиденциалисты и метафизики. Именно, на этих путях, прежде всего, встречалось представление о некоторой объективной цели, которая поставлена истории Божеством ли, природою ли, или ещё там чем-нибудь. При таком телеологическом понимании истории в философское изображение общего её хода вносится идея плана, по которому она совершается или который ею выполняется, идея основного закона, ею управляющего и направляющего её течение к её конечной цели. Эти представления о конечной цели истории и о планомерности её хода постулируют признание за нею внутреннего единства, каковое ей, наприим., и навязывал Гегель. Конечно, все идеи конечной цели истории, планомерного её течения и внутреннего единства выросли на почве не того мирозерцания, которое создается положительным знанием, но философия истории может быть и вполне свободною от подобных предпосылок, т. е., вместо телеологической точки зрения, стоять на точке зрения генетической, **не искать в истории какого-либо сокровенного плана, заменяя его подведением итогов под фактически данным, и прямо отрицать какое-либо внутреннее её единство, наблюдая, наоборот, лишь постепенное объединении данного нам первоначально разрозненным**⁶³

237

⁶³ Отсылаю к своим статьям под №№ 71, 75, 76 и 77, где, между прочим, рассматриваются взгляды критиков всемирно-исторической точки зрения, как историко-философской обязательно будто бы в ненаучном её понимании.

XVI. Исторический объективизм ⁶⁴.

Все предыдущее имело целью выяснить, при каких условиях историческое знание может быть научным, и, следовательно, при каких условиях история заслуживает названия науки. Все, что в историческом представлении и понимании несогласно с фактами и противоречит логике, не может считаться научным, как продиктованное чем-нибудь иным, а не одним чистым и бескорыстным желанием знать то, что было и как бывшее было, безотносительно к тому, приятно нам или неприятно было бы узнать это, выгодно или невыгодно, чтобы это знали и другие.

238

Основная добродетель настоящего историка — беспристрастие во имя объективной научной истины, которую историк должен признавать за таковую, раз она установлена фактами и логикой, в каком бы конфликте она ни оказалась с симпатиями и интересами самого историка.

Обязанность быть объективным должна сопровождать всю деятельность историка от критики источников до самых отвлечённых обобщений. Историк отвергнет, наприм., подлинность какого-либо документа, когда его к этому приведут научные соображения, хотя бы этим разрушалась какая-нибудь дорогая иллюзия или нарушался какой-либо важный интерес. С таким же беспристрастием он будет отвергать достоверность того или другого известия, раз вполне очевидна его неверность, хотя бы оно почему-нибудь нравилось или из него можно было сделать выгодное употребление. Наконец, связывать между собою факты, сравнивать их одни с другими, делать обобщения историк также обязан, строго придерживаясь логических приемов мысли и научного метода, отнюдь не подгоняя факты к известным желательным выводам, в угоду каким бы то ни было эмоциональным нашим переживаниям или утилитарным расчётам. Если в повседневной жизни "тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман", то в науке, наоборот, одна маленькая истина, как бы она "низка" ни была, ценится гораздо дороже всяких "красных вымыслов", с которыми науке совершенно нечего делать, если только не уничтожать их своею критикою.

Между естествознанием и гуманитарными науками существует большая разница в том отношении, что в первом люди могут быть беспристрастными с неизмеримо меньшим трудом, нежели во вторых. Человеческие дела и отношения, составляющая содержание гуманитарных

⁶⁴ Вопрос об объективизме и субъективизме, некоторое время бывший предметом большого спора в русской социологической литературе (см. выше, стр. 20 и след.), был мною особенно подробно рассмотрен в главах 3, 4 и 5 второй книги "Основных вопросов" (гл. 8, 9 и 10 по 3 изд.), равно как в статьях, указанных в своем месте под №№ 6, 13, 18, 20, 67 и 68.

наук, слишком близко касаются разных предрассудков и предубеждений, симпатий и антипатий, интересов, стремлений, разделяющих людей на отдельные, часто друг другу враждебные народы, государства, вероисповедания, сословия, классы, партии и т. п. и так или иначе влияющих на суждения людей об одном и том же в далеко не сходных между собою направлениях.

239

Если бы, как говорится, та истина, что $2 \times 2 = 4$, вообще сколько-нибудь затрагивала людские интересы, нашлось бы не мало таких людей, которые подвергли бы её, по крайней мере, сильному сомнению. В каждой нации, в каждом вероисповедании, в каждом сословии и т. д. есть свои установившаяся традиции и ходячие идеологии, свои особые групповые предрассудки относительно своего, соединенные с предубеждениями по отношению к чужому. Споры и борьба, происходящее в жизни между народностями, государствами, церквами и т. п., переносятся и в историческое изображение или понимание этой самой жизни. Очень часто,— чтобы не сказать в большинстве случаев,— сами известия о фактах, служащие материалом для историка, имеют субъективную окраску, изобличающую принадлежность авторов, которые оставили нам эти известия, к таким-то и таким-то национальным, политическим, вероисповедным, партийным и т. п. группам, в интересе или, по крайней мере, в духе которых в источниках рассказываются события, объясняются их причины, указываются их следствия, приводятся те другие или их подробности. Тому, что кому-либо нравится или из чего он рассчитывает извлечь для себя выгоду, обыкновенно охотно и верят, да и больше доверяют показаниям своих единомышленников и соучастников в общем деле, нежели тому, что говорится подозрительно или враждебно настроенными людьми, также в порядке вещей.

240

Вот всё это, вместе взятое, и должно заставлять историка, дорожащего правдою и одною только правдою, тщательно наблюдать за тем, чтобы какие бы то ни было посторонние научным требованиям соображения не диктовали ему приговоры о событиях и отношениях, о людях, о мотивах их поступков, о результатах их деятельности и пр., в своей ли, в чужой ли истории, не взирая на то, будет ли этот приговор приятен или неприятен, выгоден или невыгоден для нации, к которой принадлежит историк, для его сословия, для его партии.

Некоторые виды, незаконного, как я охотно его называю, субъективизма столь часто встречаются в исторической литературе, что на каждом из них стоит здесь остановиться в отдельности. Это, главным образом, субъективизмы национальный (часто совпадающей с

государственным), конфессиональный и партийный (нередко тождественный с сословным или классовым). Возможны и другие виды незаконного субъективизма,— когда, напр., представитель одного литературного направления держится разных мерок в оценке своего и чужого,— но рассмотрение их завлекло бы нас слишком далеко.

XVIII. Национализм в истории ⁶⁵

То, что у каждого народа развита любознательность преимущественно по отношению к своему прошлому, к родной старине, весьма естественно и понятно, но в то же время это обстоятельство указывает на патриотический источник такой любознательности, источник эмоциональный и лишь отчасти теоретически в смысле чисто созерцательного и умозрительного отношения к истине.

241

Исторические взгляды относительно родного прошлого складываются на почве национальной традиции и идеологии, в создании которых участвуют легенды, приятные национальному самолюбию, романтическая идеализация родной старины, официальные заявления, принятые за чистую монету общественной средою, непроверенные слухи, переходившие из уст в уста и обраставшие при этом новыми чертами, легкое верие и невежество, да и мало ли ещё что, менее же всего что-либо, похожее на критику и исследование. Ко всему прибавлялись ещё "ученые" домыслы и прямое сочинительство в целях наивысшего обоснования националистической догматики или её рационализирования. Некритическое отношение ко всякому историческому баснословию, к "народным" преданиям, к официальной фразеологии, к настроениям патриотических грамотеев и начетчиков предшествует настоящей научной работе, которая не может не разрушать традиционную историко-догматическую конструкцию, к великой обиде всех, кто искренне верил в непреложную истину предания, и к великому негодованию тех, для кого было выгодно поддерживать такую веру. Можно даже сказать, что научная работа историков по самому своему существу находится в постоянном конфликте с националистической традицией. С проверки источников последней, с анализа её генезиса, с критики её выводов и должно начинаться настоящее научное исследование действительно бывшего прошлого.

Чем была бы, напр., наша национальная историография, если бы она продолжала питаться формулами и построениями XVI — XVII веков с Москвою, как третьим Римом, и другими подобными вошедшими в национальное самосознание" представлениями? Разве все развитие науки русской истории не заключалось в искании настоящих научных ответов на вопросы, которые принято было разрешать на почве патриотических соображений?

⁶⁵ Ср. не вошедшую в список на стр. 32 — 39 мою статью "Мечта и правда о русской науке" (Рус. Мысль, 1884) и брошюру "Лекция о дух русской науки" (1885).

242

Не заключается ли самое развитие историографии в постоянном пересмотре всех прежних решений исторических проблем, — решений, и в более близкие нам времена диктовавшихся желанием не столько нечто узнать, сколько нечто доказать.

Scribitur historia ad narrandum, non ad probandum, т. е. "пишется история для рассказывания, а не для доказывания", — вот старинное правило, которое и теперь имеет силу, когда задача истории полагается не в одном только рассказывании. Доказывать какой-нибудь исторический тезис не потому, что известные выводы вытекают из самого существа фактов, а потому, что этого требуют — хорошо ли, дурно ли — понятия интересы национальности, государства значит заниматься не историей, а публицистикой, и чем менее сама публицистика церемонится с фактами и с логикой, тем дальше отстоит она от научного понимания и от действительно исторической истины.

Историческая истина, как и всякая другая научная истина, может быть только одна для людей всех национальностей, т. е. относительно одного и того же факта не может быть двух или еще более истин, одна с другою несогласных, — истины французской и истины немецкой, истины русской и истины польской. Вольтер, сам не отличавшийся безпристратием, совершенно верно, однако, понимал сущность исторического объективизма, когда говорил о необходимости такой истории пунических войн, которая была бы написана ни в пользу римлян, ни в пользу карфагенян, — требование, к сожалению, редко исполняющееся, когда речь заходит об исторических тяжбах двух народов или двух государств.

243

Особенно в истории международных отношений сказываются националистические точки зрения, причем наиболее резкий оборот принимают суждения об этих отношениях, когда, наприм., два соседних народа находились в постоянном антагонизме. Таковы, между прочим, русско-польские отношения, различным образом освещаемые, с одной стороны, в русской, с другой, в польской исторической литературе⁶⁶. На почве традиционной неприязни подобного рода создается понятие о "наследственном враге", по отношению к которому иными представителями национализма в историографии всё считается дозволенным в ущерб достоинству науки и вопреки элементарным требованиям чувства справедливости. В подобного рода случаях историческую критику заменяет публицистическая полемика и, вместо научных исследований, в результате получают памфлеты, в которых история искажается да полного

⁶⁶ См. мою книгу "Падение Польши в исторической литературе", которую я старался написать в духе исторического беспристрастия, и которая потому вызвала неприязненные замечания в обоих лагерях. Конечно, в случаях подобного рода стремление к беспристрастию не есть желание "сесть между двух стульев", а является желанием занять более независимую и прочную позицию.

несоответствия с фактами для обоснования тех или иных притязаний, возводимых в степень так называемых "исторических прав".

Вообще националистические точки зрения в историографии отличаются консерватизмом и даже архаизмом как в вопросах о международных или междуплеменных отношениях, так и в вопросах внутренней политики. В данном случае можно говорить даже о некотором практическом историзме, видящем во всем, что только пахнет национальной стариной, историческое освящение существующего порядка вещей. Впрочем, это — особая тема, к которой мы ещё вернёмся дальше.

244

Менее всего с националистическим субъективизмом может мириться рассмотрение чего бы то ни было, имеющего универсальное значение, вроде таких событий, как Великая французская революция. Известно, что она не была событием, имевшим только местное значение, потому что, с одной стороны, революционные войны потрясли всю Европу и отразились так или иначе на истории многих её стран, а с другой, начатая во Франции перестройка всех внутренних отношений оказала большое влияние на внутреннюю жизнь и других народов. Общеευропейское значение французской революции — очень интересная историческая тема, но для правильного решения этого вопроса требуется безусловное отрешение от каких бы то ни было чисто местных точек зрения. Этого условия научного объективизма не соблюл, напим., немецкий историк Генрих Зибель, написавший большой труд по истории революционной эпохи. Он правильно указал на то, что французскую революцию следует рассматривать в связи с двумя другими крупными переменами, совершившимися в эту эпоху, а именно с падением Польши, как самостоятельного государства, и с прекращением средневековой Священной Римской империи германской нации, но в то же время он на все эти события взглянул преимущественно с точки зрения их выгоды или удобства, т. е. их значения и притом не для немецкой нации вообще, а для Пруссии, сторонником коей он был в эпоху подготовлявшегося объединения Германии. Гораздо шире понял тему об общеευропейском значении французской революции Альберт Сорель, хотя и ему не чужд некоторый патриотический субъективизм ⁶⁷.

245

Националистические тенденции нередко окрашивали в XIX веке и самую "философию истории". Фихте, стоявший в конце XVIII в. на модной в то время космополитической точке зрения, в начале XIX столетия сделался родоначальником националистических историко-философических построений, и не у одних немцев. В своих знаменитых "Речах к немецкой

⁶⁷ См. мою брошюру "Альберт Сорель, как историк французской революции".

нации" он заявил, что только народы германского корня способны духовно понимать религию, философию и государство, а Гегель в своей "Философии истории" усмотрел в германском мире высшее и последнее проявление Мирового Духа, процесс самопознания которого составлял для него настоящее содержание всемирной истории. Русское славянофильство и польский мессианизм середины XIX в. представляют собою такое же превознесение определённых племен, как имеющих особые и притом, пожалуй, наиболее важные миссии во всемирной истории. Во всех направлениях подобного рода, даже всемирно-историческая точка зрения, наименее пригодная для обоснования националистической исключительности, с большою тем не менее охотою эксплуатировалась в интересах того или другого романтического или мистического национализма. Националистический субъективизм сказался даже на таких трезвых историках, как Гизо во Франции и Бокль в Англии. Первый из них, написавший две истории цивилизации, одну — в Европе, другую — во Франции, утверждал, что французская цивилизация наиболее осуществляет или воплощает в себе самую идею цивилизации, тогда как второй находил в своей "Истории цивилизации в Англии", что именно история его родины одна шла наиболее нормальным путем⁶⁸.

246

Национальное чувство, диктующее историкам много такого, что не только научно не может быть обосновано, но что даже настоящею наукою легко опровергается, в самой исторической жизни представляет собою такую громадную силу, с которою не считаться историку, конечно, нельзя. XVIII веке, как известно, отличался космополитизмом, во многих своих проявлениях заслужившим название беспочвенного. В прошлом столетии люди, наоборот, очень часто впадали в противоположную крайность, но из того, что национальные стремления способны принимать уродливые формы, далеко, разумеется, не следует делать вывода против научного интереса к национальному элементу в истории.

Каждая нация есть своего рода коллективная духовная личность, и национальные особенности играют очень видную роль в истории отдельных народов. Культура каждого народа имеет свой особый характер, и даже общие течения истории получают в отдельных странах местную окраску, будем ли мы говорить, положим, о христианстве о гуманизме, о реформации, о просвещении XVIII в., о романтизме, о либерализме и о социализме в разных странах Западной Европы. Духовное творчество народов в областях литературы, искусства, философии, не исключая науки, равным образом, отличается своеобразным для каждой отдельной нации характером. Историческая наука не имеет права все это игнорировать. Мало того, одна из

⁶⁸ Все признаки резко националистической идеологии мы находим в знаменитой "России и Европе" Данилевского, о которой см. мою статью, указанную выше (стр. 34) под № 29.

её задач — исследовать, как и под какими влияниями складывалась та или другая национальная культура, что в ней было наиболее оригинальным, какой вклад та или другая нация сделала в общую сокровищницу мировой цивилизации и проч.

247

Далее, в числе практических вопросов, которые приходится разрешать исторической жизни отдельных народов, далеко не последнее место, а иногда прямо первое занимает вопрос национальный. За примерами ходить далеко нечего. В религиозной реформации XVI в., разрешавшей, как известно, массу вопросов не только в области духа, — вопросов религиозной догматики, этики и т. п., — но и в области политических, социальных и экономических отношений, проявлялось и национальное самосознание в виде требований касательно перевода священного писания на народный язык, введения последнего в богослужение, национализации всей церковной жизни, освобождения её от Рима. Особенно дают себя знать национальные движения, происходившие в Европе XIX в., все эти "славянские возрождения", национальные объединения Италии и Германии, успешные и неуспешные попытки поработённых народов освободиться от чужеземной власти. В перечисленных случаях "национальный вопрос", в смысле ли приобщения отсталых народностей к высшим формам культурной жизни, или в смысле образования больших национальных государств из раздробленных политических организмов, или, наконец, в смысле борьбы за освобождение от подчинения чужому государству, настолько по временам обострялся, что выдвигался положительно на первый план и отодвигал в сторону до поры, до времени все остальные вопросы. В таких национальных движениях вырабатывалась и своя идеология, очень часто заключавшая в себе много наивного, сентиментального, романтического, мистического, а иной раз и прямо реакционного, но это отнюдь не может служить резонансом для огульного отрицательного отношения к национальным движениям, будто бы не заслуживающим серьёзного внимания по сравнению, наприм., с вопросом социальным, как будто обречённым самою историей на вымирание, заодно со всем отсталым, со всеми пережитками старины, мало-помалу сдаваемыми развитием жизни в архив.

248

Относится так к национальному элементу в истории и к национальным движениям тоже значит проявлять особого рода незаконный субъективизм, аналогичный беспочвенному космополитизму XVIII века, не понимавшему, что в действительности "людей вообще" нет, а есть только французы, немцы, англичане, русские, турки, китайцы. Противники всякого исключительного национализма в наше время противопоставляют ему не космополитизм, а

интернационализм, признающий законность национальных различий и стремлений, но вместе с тем признающий необходимость солидарности отдельных народов в общем человеческом деле.

Таким образом, перед лицом научной истории одинаково неправы как националистический субъективизм неразумных «патриотов», так и национальный субъективизм людей, не желающих считаться с национальным самосознанием, с национальным чувством, с национальными стремлениями и движениями, как с историческими явлениями, имеющими реальное существование и играющими большую роль и в культурной, и в прагматической истории народов.

Любовь к родине, истинная любовь, а не фальшивая и не показная только, если уж и этого вопроса приходится касаться при обсуждении темы о национальном элементе в историографии,— то, что называется патриотизмом, в неискаженном значении слова, не должна ослаблять в историке любви к правде, и именно стремлением раскрыть перед народом всю историческую о нем правду он лучше всего служит Родине.

249

Те, которые находят непатриотичным, если историк разрушает национальные легенды, когда-то бывшие, может быть, полезными или и до сих пор остающиеся для кого-нибудь выгодными, не имеют понятия ни о настоящем патриотизме, ни о настоящей исторической науке. Вовсе не является признаком действительного патриотизма интересоваться только отечественным прошлым, а для историка — только этим одним и заниматься, т.-е. не делать предметами своих исследований вопросы из истории других народов.

Что историки, принадлежащее к той или другой национальности, прежде всего и больше всего научно работают над отечественным прошлым, это столь же естественно и понятно, как и то, что в школах отечественная история проходит подробнее, нежели иностранная, и что читающая публика интересуется историей родины больше, нежели чужою. Было бы, однако, неправильным требовать, чтобы раз, напри., ты — русский, так и должен работать только над русской историей. Не только в обществе, но и в печати у нас довольно часто высказывается недоумение и прямое негодование по поводу того, что русские ученые разрабатывают темы, взятые из истории других стран. Люди, высказывающиеся в таком смысле, не принимают в расчёт, что, прежде всего, иностранными историями занимаются у нас преимущественно преподаватели высшей школы, которые не могут не быть в той или другой мере специалистами по истории Франции, Англии и т. п. Этим критикам, далее, не мешало бы принимать в соображение и то, что чем разнообразнее, богаче и шире научное содержание, входящее в состав национальной культуры, чем большую самостоятельность проявляет нация в усвоении и, особенно в выработке

этого содержания, тем вообще выше уровень ее цивилизации.

250

Существует некоторая общеевропейская наука, и чем значительнее участие учёных той или другой нации в её движении, тем больше чести среди других народов они приобретают для своей страны.

С другой стороны, для каждого занимающаяся научно историей своего отечества, необходимо широкое историческое образование, требующее, чтобы он часть своего внимания и интереса уделял также истории других стран. Наконец, и для самой исторической науки очень важно, чтобы за темы из истории какой-либо страны брались не одни местные ученые, но и ученые из других стран.

Национальные историки в каждом народе имеют то важное преимущество перед иностранными, что, так сказать, ближе стоят к предмету своего изучения. Во-первых, это касается языка источников и пособий. Чтобы русскому специально заниматься чем-либо из истории Венгрии или Португалии, ему нужно обучиться по-мадьярски или по-португальски, и во всяком случае венгерские или португальские историки в знати своих языков будут превосходить иностранца. Во-вторых, если правильно, что для понимания поэта нужно отправиться в его страну (*wer den Dichter will verstehen, muss im Lande Dichters gehen*), то столь же несомненна и необходимость для историка-иностранца окунуться в культурную среду страны, прошлое которой он хочет изучать. И в этом отношении все преимущества на стороне национального историка сравнительно с иностранцем: он, национальный историк, в данной культурной среде родился и воспитался, жил, работал и с детских лет узнавал, схватывал на лету многое такое, что иностранец только позднее мог бы приобрести путём чтения книг. Конечно, он может приехать в страну и даже часто в неё наезжать, но это не то, что в ней родиться и в ней провести всю жизнь.

251

В-третьих, необходимые для серьезных занятий специальными историческими вопросами источники, в особенности архивные, равно как все нужные пособия, в том числе разные редкие брошюры, статьи и пр. можно находить только на месте, где точно также только и можно встретить всяких сведущих лиц, которые могли бы дать разные справки, сделать те или другие указания, разъяснить недоумения, вообще помочь своими советами. Конечно, туземцу и это все доступнее нежели иностранцу, если только он сам не поселился навсегда в чужой стране.

Всё это так, но нередко «со стороны бывает виднее», и **посторонний исследователь вносит в историческую работу иногда нечто новое — точку зрения, общий отправной пункт, методологическое соображение, которые,**

кроме личной работы мысли, обязаны своим происхождением иной социальной почве, иной культурной среде. В каждой национальности научная деятельность приобретает некоторый общий характер, благодаря более или менее устанавливающимся во всех человеческих деятельности рутине и шаблону, входящим в состав местной научной традиции, определяющей, так сказать, любимые темы исторических исследований, предпочтительно выбираемые методы решения поставленных вопросов. Учёный, воспитавшийся в традициях другой национальной школы, может внести в чужую историографию что-либо свежее и по части сюжета, и по части его обработки. Важное преимущество бывает подчас на его стороне и потому, что в своих суждениях он может быть гораздо свободнее, нежели национальный историк, по отношению к патриотическим традициям, соображениям и увлечениям, а также по отношению к партийным счетам, раз и таковые играют роль в решении чисто исторических вопросов.

252

Примеров того, что иностранцы обращали внимание на вещи, мимо которых национальные ученые проходили с совершеннейшим равнодушием, можно было бы привести немало. Ограничимся одним.

Историческая литература на французском языке, посвящённая великой революции, поражает своею громадностью, но в ней всегда преобладал да и продолжает преобладать интерес к тому, что составляет её политическую сторону. Социальная и экономическая сторона революции разработана гораздо меньше, да и то лишь позднее обратились к ней французские исследователи. В данной области, однако, с ними успешно конкурируют русские исследователи, даже иногда в истории аграрных отношений, крестьянского вопроса и вопроса рабочего шедшие прямо впереди. Видеть в великой революции преимущественно «политику» — старая традиция французской историографии, сравнительно мало соблазнявшая русских историков, специализировавшихся на эпохи, ибо их самим условия русской жизни после освобождения крестьян и зарождения рабочего вопроса в России особенно заинтересовались социально-экономическою стороною революции, представлявшею собою в науки, как говорится, непечатый угол¹.

Историческая наука в каждой стране имеет свой особый характер, свои сильные и свои слабые стороны.

253

¹ См. мои брошюры "Работы русских ученых по истории французской революции" (1904) и "Эпоха французской революции в трудах русских ученых за последние десять лет" (1912), где указано то новое, чем русские исследователи обогатили историографию французской революции. Важность русских работ признали и сами французские историки, среди которых даже стало употребляться выражение "русская школа".

Первым нужно учиться, вторых избегать, а к числу последних относятся националистический субъективизм, соединенный с нежеланием учиться у других в деле исторического исследования и мышления. Сильные стороны исторической науки в разных странах тоже разные, и тем более историческая наука, где-либо отрешается от подчинения чисто научного исследования и мышления национальным предрассудкам, предубеждениям, симпатиям, антипатиям, легендам, традициям и лозунгам, тем более заслуживает она название настоящей науки.

254

XVIII. Конфессиональный субъективизм в истории

Конфессиональный субъективизм в исторических занятиях имеет такой же характер, как и национальный. Религия играет слишком большую роль в исторической жизни, чтобы не оказывать своего влияния и на историческую литературу. Каждое вероисповедание имеет свои догматы, свою этику, свой культ, свои учреждения, признаваемые им за единственно истинные, и на всякие отклонения от основных своих положений смотрит, как на ересь, как на ложь и заблуждение, иногда как на преступление против Бога. Понятно, что одни и те же события и явления религиозной истории человечества получают разное толкование и освещение, — уже не говоря о худшем еще отношении, — смотря по тому, к какому вероисповеданию принадлежит автор того или другого сочинения.

254

В одном христианском мире такие события, как раздробление вселенской церкви на восточную и западную, религиозная реформация на Западе или раскол старообрядчества у нас, вызывают к себе различное отношение, в первом случае со стороны писателей православных и католических, во втором — историков католических и протестантских, в третьем — представителей господствующей церкви и "старой веры". Историки, стоящие на конфессиональной точке зрения, очень часто задаются больше апологетическими и полемическими целями, нежели целями научно-историческими, скрывают относительно своего всё, могущее его компрометировать, и готовы верить всяким сплетням о чужом, лишь бы побольше повредить или, по меньшей мере, досадить "неприятелю". К неблагоприятным для добывания исторической истины условиям присоединяется ещё гнет официальной и неофициальной цензуры, гораздо более тяжелый, чем тот, который в тех или других странах, в те или другие времена испытывали и испытывают "светские" историки. В последнем отношении протестантские историки пользуются, как известно, неизмеримо большею свободой исследования, нежели историки католические. Католическая церковь, ещё в средние века объявившая философию служанкой богословия (*philosophia est ancilla theologiae*), и теперь не отказывается от подчинения своему авторитету науки вообще и в частности истории, поскольку она касается догматов веры или событий и явлений, имевших то или другое отношение к церкви. История в качестве науки, свободно ищущей истины, столь же мало может находиться в подчинении у религии, как и у политики: наука служит истине, а не той или другой церкви, не тому или другому государству. Религиозные убеждения историка, каковы

бы они ни были, не должны влиять на то, что может быть основано лишь на научно установленных фактах и добыто при помощи правильных приёмов научной мысли.

255

Это справедливо по отношению не только к лицам, принадлежащим к разным положительным вероисповеданиям, но и к таким, которые являются в религиозном вопросе свободными мыслителями. Антирелигиозный субъективизм, готовый видеть в каждом культе только одно заблуждение, представляет собою, в сущности, обратную сторону одной и той же медали вместе со всяким исключительным вероисповедным субъективизмом.

Науке вообще и в частности истории нет и не может быть никакого дела до того, кто правильнее верит и что имеет больше оснований — вера или неверие. История вмешательством своим в вопросы подобного рода сама лишила бы себя научного значения, ибо задача науки вся в области знания, и вопросы веры ей не подведомственны. Принципиально отрицательное отношение к религии, столь часто встречающееся в современной литературе, равным образом, не должно влиять на отношение к религии, как к историческому явлению: неверующий историк может и должен изучать прошлое религии совершенно так же беспристрастно, как если бы у него не сложилось отрицательного отношения ко всякой вере.

Один из корифеев философии XVIII в., с особою настойчивостью проповедовавший гражданскую веротерпимость, Вольтер, сам, как известно, не отличался терпимостью философскою, раз речь у него заходила о католицизме, о христианстве, и общей его тенденцией в этом отношении было искать не столько объяснения исторических явлений, сколько оснований для осуждения всего, что находилось в родстве с предметом его ненависти.

256

Напр., из двух объяснений факта он выбирал не то, которое должно было быть признано более вероятным, если не прямо достоверным а то, которое было более пригодным в качестве полемического орудия: для него превращение Савла в Павла было результатом не внутреннего психического процесса, приведшего апостола к вере в Иисуса, а обиженного самолюбия человека, которому раввин Гамалиил отказал в руки дочери. От такого тенденциозного отношения, конечно, очень далеки самые свободомыслящие историки новейшего времени.

257

XIX. Политическая партийность в истории и выводы из предыдущего

Перехожу к третьему из намеченных выше видов незаконного субъективизма в истории, к субъективизму партийному.

По-французски и по-немецки беспристрастие называется "непартийностью" (*impartialite, Unparteilichkeit*), и это выражение одинаково применимо как к беспристрастию в рассмотренных нами национальном и конфессиональном отношениях, так и к непартийности в более тесном смысле. С тех пор, как существует историческая жизнь, существует в ней и партийность, разделение общества на партии (конечно, не в современном, парламентском смысле слова), **первую основу которых составляют противоположные интересы сословий и классов.**

257

Классовая борьба вообще играет, как известно, громадную роль в исторической жизни, и, конечно, она, эта борьба, не могла не отражаться на самом содержании тех известий о прошлом, на основании которых наука это прошлое изучает и объясняет, а также на суждениях о прошлом историков, часто примешивающих к своим приговорам соображения, навеянные партийною борьбою и своего времени. Одна из задач критики источников заключается в элиминировании из известий о прошлом всего того, что можно поставить на счет партийности тех авторов, от которых мы имеем интересующая нас известия, но и на всех следующих ступенях работы историка какая бы то ни было партийность должна быть устраняема самым тщательным образом. Фактически истины и логические методы не могут быть одними у такой-то партии или в таком-то сословии, классе, другими — в другом, третьими — в третьем, и кто прав или неправ, больше прав или меньше прав в партийных разногласиях относительно прошлого, это может решать только беспристрастная история, которая и тут должна идти путём анализа и критики.

Одна из весьма распространенных в настоящее время доктрин утверждает, будто всякая "идеология", следовательно, и наука представляет собою не что иное, как отражение в мысли — фактических социальных отношений, а потому всякая идеология имеет классовой характер¹. В этом взгляде, конечно, верно то, что мирозерцание отдельных общественных групп определяется в значительной мере интересами, и я прибавил бы еще: и

¹ Это, как известно, одно из положений, защищаемых последователями "экономического материализма", как это можно видеть, между прочим, из разных мест моих "Старых и новых этюдов об экономическом материализм".

традициями и предрассудками этих групп, но неверно, что иначе не только быть не может, но и не должно быть по отношению и к науке, объективное содержание которой определяется ведь не интересами, стремлениями, преданиями каких бы то ни было человеческих коллективов, наций ли и церквей, или сословий, классов, партий, а, как уже не раз было сказано, объективными фактами, для всех по существу дела одинаковыми, и требованиями научной логики, для всех одинаково обязательными.

258

Думать так, как это делают многие сторонники доктрины, о которой идет речь, значит не признавать возможности научного знания, раз содержание всякой идеологии, в сущности, партийной. Конечно, сами партии могут стоять в различных отношениях к истине, одни быть более заинтересованными в её скрывании и затемнении, другие, наоборот, иметь интерес в том, чтобы правда всплывала на свет божий и во всем своем объеме делалась доступною взорам всех, но судить о том, где правда и где ложь, призвана опять-таки сама наука, получающая свои директивы не от тех или других человеческих коллективов, объединенных общими интересами, стремлениями, преданиями. Известное положение данной партийной идеологии, объявляющей себя классовой идеологией пролетариата, может иметь действительно научную ценность, но таковая может быть за ним признана не потому, что она находит место в общем пролетарском мирозерцании (притом только предполагаемом таковым, на деле же не существующем), а потому, что имеет фактические и логические основания, которые обязательны для всякого, кто способен убеждаться в истине чего-либо по мотивам исключительно научного свойства.

Отдельные вероисповедания, в силу присущего их идеологиям догматизма, вполне естественно считают себя каждое исключительным обладателем истины, но думать, что вся научная истина содержится в данной партийной доктрине, значит смешивать задачи политической деятельности и научного исследования.

259

По отношению к последнему партийные директивы не обладают никаким преимуществом сравнительно с директивами национальными и конфессиональными. В тактических видах вожди партии могут желать что-либо скрывать, чему-либо приписывать не то значение, какое оно имеет на деле, не опровергать, пожалуй, выгодной для партии легенды, но во всех подобного рода случаях на первом плане стоит, разумеется, не забота об истине, раз признаётся, что её раскрытие может служить помехою чему-нибудь и в каком-либо отношении быть невыгодным или, по крайней мере, неприятным. Одни партии могут больше бояться, другие бояться меньше

выявления фактической правды относительно как настоящего, так и прошлого, да и в смысле разного сочинительства неправды отдельные партии поступают очень неодинаково, начиная с самого беззастенчивого лганья и кончая правдивостью, возводимую в принцип. Поэтому есть партии, так сказать, инстинктивно боящиеся суда истории и всегда готовые всячески подчинять науку своим особым видам, и та партия, которая находит нужным давать какие бы то ни было лозунги историческим исследованиям и построениям, очень плохо самоё себя аттестует: она, как-никак, проявляет боязнь умственной свободы и устанавливает своего рода ортодоксию, отступления от которой провозглашаются вредными еретическими заблуждениями.

Scribitur historia ad narrandum, non ad probandum! Это правило, которое уже было приведено выше, может быть повторено и здесь. Подобно тому, как у литературных критиков есть общие основания для того, чтобы одни беллетристические произведения признавать художественными, а другие подводит под категорию тенденциозных, так и в исторической литературе мы можем различать два рода трудов, из которых, именно, одни называем научными, другие — тоже тенденциозными.

260

Романист, желающий, прежде всего, доказать какой-либо тезис (*roman à thèse*), дать известное наставление и т. п., не художник, а только моралист или публицист в беллетристической форме: таким же публицистом или моралистом в наукообразном виде является и исторический писатель, у которого на первом плане не научный интерес к прошлому, а желание воздействовать желательным для него образом на своих современников.

Обильный материал для критики исторической партийности и тенденциозности представляет собою литература по истории французской революции. Это грандиозное событие затронуло столько политических, социальных и экономических интересов, возбудило столько страстей, оставило после себя столько противоречивых воспоминаний и суждений и оказало такое громадное влияние на всю последующую историю страны, что научному исследованию этого события было весьма трудно пробивать себе путь среди всех тех исторических взглядов на революцию, которые складывались в разных слоях общества под влиянием страха, ненависти, жажды мести одних, восторга и тоже неприязни и мстительности других, разочарования и иных душевных кризисов у третьих, и сопровождалось массой легенд и басней, возникавших в ту эпоху неведомыми путями народного творчества или сознательно пускавшимися в оборот деятелями, как самой революции, так и реакции.

Целый ряд писателей брался за историю французской революции с исключительной целью обличения и предупреждения общества относительно опасностей, соединенных с малейшим подражанием тому, что

было во Франции XVIII в. Это — не историки, а публицисты, и их труды — не научные исследования, а памфлеты.

261

Подобного рода произведения можно указать и в русской литературе. Наиболее характерны в этом отношении статьи, появившиеся в "Русском Вестнике" конца семидесятых годов прошлого века под общим заглавием "Против течения" и за подписью Варфоломея Кочнева. В форме диалога вымышленных лиц автор рассказал историю революции в назидание современникам, т. е. русскому обществу и правительству, которые должны были увидеть на примере французской революции, сколь опасны либеральные требования одних и либеральные уступки других: в этом смысле автор и изображал себя идущим "против течения". Впоследствии он, уже под настоящим своим именем, профессора физики Любимова, и в форме чисто исторического труда, т. е. в переработанном виде, переиздал свой памфлет, дав ему и новое заглавие — "Крушение монархии во Франции" и ещё раз подчеркнув назидательную цель, с какою он предпринял своё изучение французской революции. В сущности, это — та же цель, какую ставят себе сочинители нравоучительных рассказов для детей младшего возраста на тему: как опасно не слушаться старших.

В громадном большинстве случаев крупные истории французской революции были её апологиями в общем и критиками в ней тех или других частных явлений с точек зрения, довольно близких к партийности, смотря по тому, были ли авторы этих трудов либералами или радикалами, конституционалистами или республиканцами, выразителями мнений и стремлений буржуазии или демократами, народниками, социалистами. При таком общем отношении к прошлому одни историки брали под свою защиту, наприм., жирондистов, другие — якобинцев, и в изображение и обсуждение событий прямо вносили чисто партийные пристрастия, при наличии которых историк был не нелицеприятным судьей, а или панегиристом одних деятелей и направлений и прокурором-обличителем других.

262

Для вящего прославления якобинцев Луи Блан даже переделал их, вопреки фактическим данным, в социалистов. Мишле, наоборот, ко всем партийным деятелям отнесся, как к честолюбивым марионеткам, в счет которым поставил все преступления и ужасы революции, дабы тенденциозно "народ", как единственного героя революции, которому одному Франция обязана всем великодушным и благородным, что только было в революции.

Есть критика и критика: тенденциозность можно критиковать с какой-либо тоже тенденциозной точки зрения и с точки зрения чисто научной. Тэн в своем знаменитом "Происхождении современной Франции" хотел дать

настоящую, нетенденциозную историю революции. Позитивист, внесший научный метод в психологию и в истории искусства, литературы и философии, он сравнивал свою задачу по отношению к Франции XIX в. с задачей натуралиста, изучающего превращение насекомого, но в выполнении своего замысла он не удержался на высоте не только естественно-исторического объективизма, но и вообще научного беспристрастия. Его освещение революции вышло во всяком случае односторонним, много, правда, вносящим в правдивую историю революции, но уже по одному тому неправдивым, что в нем были обобщены лишь отрицательные стороны революции, да и те представлены в самых сгущенных красках. Полную противоположность Тэну представляет собою Шерест, автор "Падения монархии во Франции".

264

Консерватор по своим политическим убеждениям, он, как сам признаётся, предприняв свой труд по истории революции для доказательства (*ad probandum*) того тезиса, что революция была не нужна, что и без неё Франция могла бы обновить свой внутренний строй, но когда он принялся читать документы революционной эпохи, то под их влиянием, так сказать, под натиском фактов переменил свой взгляд и, отказавшись от доказательства предвзятой мысли, рассказал, вследствие каких причин и обстоятельств революция сделалась во Франции неизбежною: *scribitur historia ad narrandum*.

Теоретически во Франции давно уже пришли к той мысли, что к изучению истории революции следует применить научные приёмы, выработанные на исследованиях, предметом которых были более отдаленные эпохи и более индифферентные явления. В 1888 г. в Париже даже образовалось особое учение "Общество истории французской революции", в котором прежнее разделение историков этого события на дантонистов, робеспьеристов, жирондистов было признано за архаизм, вышедший из моды и за правило было принято относиться к документам конца XVIII в. с тем же научным беспристрастием, с каким изучаются источники времен Филиппа-Августа².

Из того, что было сказано о разных видах незаконного субъективизма, можно сделать несколько выводов относительно ограждения научного духа истории от вторжения в неё всего, что могло бы исказит в ней фактическую истину.

264

Уже на первых ступенях научной работы, направленной на изучение

² См. мою статью "Новейшие работы до истории французской революции" (Истор. Обзорение, 1890, т. I). К сожалению, далеко не все новые историки революции вполне следуют этому правилу.

прошлого, при исследовании подлинности памятников, нередко бывающих, как мы знаем, подложными, следует руководиться чисто объективными основаниями, безотносительно к тому, какое значение памятник имеет для того или другого вероисповедания, как почитаемая его приверженцами реликвия, или для того или другого народа, как его национальная святыня, или, наконец, для тех или других сословий, классов, партий, как выгодный документ.

При критике исторических известий опять-таки надлежит совершенно так же пользоваться лишь соображениями по существу дела и, наприм., не принимать за достоверное какое-либо известие лишь потому, что оно исходит от лица, принадлежавшего к нашей народности или к нашей вере, либо к какой-нибудь симпатичной нам группе, равно как потому, что оно приятно, выгодно, почетно для нашей национальности, для нашего политического направления и т. д. С другой стороны, нельзя опорочивать свидетельства о прошлом только в виду их принадлежности людям из враждебных нам человеческих коллективов.

Констатируя, далее, наличность какого-либо факта, не следует его замалчивать или отрицать, раз он оказывается "неудобным" с той или иной — национальной, конфессиональной, партийной — точки зрения, как не подобает выдавать за твердо установленные факты всякие сплетни и клеветы, раз они с дурной стороны аттестуют тот или другой враждебный нам лагерь, неприязненное нам направление и пр.

Констатированные факты связываются нами в каузальные цепи и в эволюционные ряды на основании реальных же данных и законов логики: научный историк не задаётся при этом вопросом, насколько сведение такого-то факта к такой-то причине, или выведение такого-то явления из такого-то может оказаться неприемлемым с точки зрения, положим, национального самолюбия или партийного интереса.

265

Непозволительно естественную и логическую связь фактов заменять искусственную и противную законам логики из-за того, что так "лучше выходит" для нашего патриотизма или для симпатичного нам политического направления.

Вполне на тех же основаниях, когда историку приходится сравнивать между собою однородные события или явления общественной жизни, черты сходства и черты различия должны определяться на основании объективного сравнения, безотносительно к кому, окажутся ли приятными или неприятными, выгодными или невыгодными нам, членам такой-то нации, сторонникам такого-то направления и пр., такие или иные результаты этого сравнения.

Наконец, делая исторические обобщения, нужно также руководствоваться основными правилами логики, не предрешая вопроса о

том, какой общий вывод для нас был бы желателен для вящей чести нашей национальности или политической группы. Нельзя отвергать вывод, сделанный совершенно логически, на основании его неприемлемости с какой-либо эмоциональной или утилитарной точки зрения. Столь же непростительно было бы выдавать за результаты научного обобщения всякие нас возвышающие обманы и чарованья красных вымыслов, другими словами, такие формулы, которая могут нам диктоваться чаяниями нашего сердца и упованиями нашей души или расчётами нашего интереса и стремлениями нашей воли по вопросам, относящимся к области констатирования фактов, установления реальных связей между ними и объективных из них выводов.

XX. Разные виды оценки прошлого в истории ³

Всё доселе говорившееся об устранении из исторической науки разных видов незаконного субъективизма имело в виду преимущественно те случаи, когда дело касается фактической стороны истории, того, что было или как было. Оценка известий о фактах, самих, фактов, связей между ними, общих из них выводов, как для нас приятных или неприятных, выгодных или невыгодных, не должна влиять на признание или непризнание их с нашей стороны. Из двух людей один признаёт достоверность какого-либо факта с радостью, другой с прискорбием, но оба одинаково его признают.

267

Я могу радоваться, что ход событий сложился таким-то образом, другой может по этому поводу печалиться, но оба мы можем быть согласны в том, что ход событий был именно вот таким самым. На основании фактических данных и при помощи одних и тех логических приемов, я и NN можем придти к тождественному выводу и выразить его в одинаковых формулах, но я с своей точки зрения признаю его оптимистичным, а предполагаемый NN, если у него иная точка зрения, придёт от него в настроение пессимистическое. Нужно вообще отличать недопустимое в науки влияние нашего субъективного отношения к фактам на признание или непризнание как самих этих фактов и связей между ними, так и логических из них выводов от самой оценки нами того, что дознано, констатировано, принято в качестве фактической истины. Это — две вещи разные, и вопрос об исторической оценке, о "суде истории" заслуживает поэтому особого рассмотрения.

Выше, в разных местах, уже было сказано, что **отношение науки к изучаемым ею вещам есть отношение теоретическое, так сказать, бесстрастное и бескорыстное, в отличие от отношений эмоционального и утилитарного,** характеризующих художественное творчество и

³ Русский спор былых времен о субъективизме и объективизме (см. выше, стр. 20 — 21), в сущности, относится к вопросу об оценке действительности, как настоящей, так и прошлой. Выступая в качестве субъективиста, лично я решительно высказывался против какого-то субъективного метода, признавая только субъективный элемент, который заключается в оценке фактов в отличие от их констатирования. Взгляды мои на этот предмет более подробно изложены в моих статьях, указанных выше (стр. 238, прим. 2). Из них особенно обстоятельно предмет настоящей главы был рассмотрен в статье "Суд над историей", которая была помещена в Русской Мысли за 1884 год. Не так давно в иностранной литературе, преимущественно немецкой была также поставлена проблема оценки (понятие ценности, оценочная точка зрения и т. п.). См., напр., Г. Риккерт. Границы естественно-научного образования понятий, 1904 г. Его же. Философия истории, 1908, и Науки о природе и науки о культуре, 1911.— А. Grotenfelt. Die Wertschätzung in der Geschichte, 1903, и др. Главным противником введения в теорию истории понятия ценности выступил яский проф. А. Д. Ксенополь, автор, между прочим, и по-русски переведённой статьи "Понятие о ценности в истории" (1912). В новой своей постановке у названных писателей вопрос заслуживает особого анализа, дело идет, именно, и об оценке с точки зрения теоретического интереса. Ср. ниже.

практическую деятельность в широком смысле этого слова⁴. Наука "спокойно зрит на правых и виновных, не ведая ни жалости, ни гнева". Её лозунг — "sine ira et studio" (без гнева и без пристрастия) или, как у Спинозы, "не радоваться и не печалиться, а только понимать". Категории приятного и полезного не представляют собою категорий чистого научного знания, которое имеет дело лишь с категорией истинного.

268

Наука интересуется тем, что есть (или было), как оно есть (или было), а затем уже, т. е. когда научно констатированы факты, найдены их причины, указаны их изменения и сделаны на их основании обобщения, люди могут заняться оценкою того, что установлено наукою, как приятного или неприятного, полезного или вредного. Эмоции, возбуждаемые в нас реальными явлениями, их изображениями и символами, воспоминаниями или напоминаниями о них, бывают весьма различные: эстетические, моральные, патриотические, религиозные и т. п., т. е. чувства красоты, восхищения, любви, благодарности, благоговения, и особенность всех этих эмоций — в их непосредственности, произвольности. Одно и то же может действовать на различных людей очень различным образом в зависимости от самых разнообразных причин. Воспоминания о Цусиме и Мукдене вызывают совершенно неодинаковую эмоциональную оценку у русских и у японских патриотов. К исторической роли Бисмарка с разными чувствами относятся патриоты немецкие и патриоты французские. Историческая наука никому не может запретить так или иначе оценивать факты прошлого, лишь бы сами они не искажались в угоду той или другой эмоции. Над чувством своим человек неволен, и в своём положении одинаково правы и немцы, для которых Седан представляет собою одно из приятнейших патриотических воспоминаний, и французы, у которых воспоминание о Седане вызывает самое горько чувство национального унижения. Задача истории - разобраться, как было дело, и притом придти к такому очевидному выводу, чтобы, в качестве научной истины, он мог войти в сознание и французов, и немцев, нисколько не мешая ни тем, ни другим по-своему оценивать то, что было.

269

Конечно, разные чувства до сих пор вызывает к себе изданный в 1878 г. в Германии закон против социалистов, с одной стороны, у самих социалистов, с другой — же у тех людей, которые видят в социализме одно только зло: их дело, тех и других, давать одному и тому же разную оценку, но это уже касается вопроса не о том, почему и как был издан этот закон, а о том, кому он был приятен и неприятен.

⁴ См. выше, стр. 56, 71, 238 и др.

Дело историка литературы или историка любого из искусств — разобраться в вопросах генезиса изучаемых ими произведений, зависимости писателей и художников одних от других, эволюции стилей, манер, школ или в вопросах о разного рода влияниях, социальных, политических, религиозных и т. д., сказавшихся на литературе или на искусстве такого-то народа, такой-то эпохи, но когда историк литературы или искусства начинает оценивать отдельные ли произведения, или целые направления и эпохи с эстетической точки зрения, он выступает уже не в роли историка, а в роли художественного критика.

Быть удовлетворенными или, наоборот, оскорбленными могут ведь не только, наприм., наш патриотизм и наш художественный вкус, чувствования столь различных категорий, но и особая интеллектуальная эмоция, в силу которой мы различно оцениваем умное, нами одобряемое, и глупое, способное вызывать в нас и смех, и презрение, и негодование. Верные, с нашей точки зрения, ответы на интересующие нас вопросы, вызывают в нас только одобрение, свидетельствующее об удовольствии, какое они нам доставляют, или, наоборот, все, с нашей точки зрения неверное, нам претит.

270

Не дело историка оценивать, наприм., религиозные верования разных народов и эпох или те представления об устройстве вселенной и т. п., какие где-либо и когда-либо были, с точки зрения того, что сам историк считает истинным: его дело изучать данное содержание этих верований и представлений, их генезис, их эволюцию, их зависимость от условий места и времени, их роль в жизни и т. п. Такова же задача историка философии или историка любой науки, поскольку он остаётся историком, т. е. изучает причины возникновения данных мыслей, их филиацию, изменения, которым они подвергались, и другие факты и фактические отношения, не входя в оценку верности или неверности того, что о разных предметах говорилось отдельными мыслителями, писателями, исследователями и их последователями. Когда историк философии начинает оценивать, находя что-либо гениальным, что-либо замечательно верным, что-либо подтверждающим его собственные мысли, а другое — нелогичным, ошибочным, опровергнутым и пр., он является не столько историком, сколько критиком, прилагающим свой собственный философский критерий для приемлемости или неприемлемости чужих мыслей. Чем больше у историка философии своей собственной философии, тем менее он может удовлетворяться ролью простого историка, рассматривающего, что было и как было, но остающегося как бы в стороне. Историка философии и историка науки также не может не интересовать вопрос, как в процессе смены самых разнообразных воззрений и в борьбе противоположных взглядов постепенно открывалась истина, и, в сущности, оценка, с которой мы здесь имеем дело, есть оценка интеллектуальная, теоретическая, научная, состоящая в

применении к отдельным мыслям, когда-либо высказывавшимся, или к целым системам и миросозерцаниям критерия истины, хоть и здесь возможно, и влияние эмоционального элемента при решении собственно метафизических проблем.

271

Кроме эмоциональной оценки, не имеющей ничего общего с наукою, и вот такой оценки интеллектуальной, совпадающей с научною критикою, определяющею соответствие или несоответствие чужих взглядов с фактами и с логикой, есть еще оценка утилитарная, прикидывающая ко всему, что считает нужным, мерку пользы или вреда, выгоды или убытка. Как приятное для одних может быть очень неприятным для других, так и полезное и выгодное для одних очень часто бывает для других вредным и убыточным. В этом отношении эмоциональная и утилитарная оценки сходятся между собою, как оценки совершенно субъективный и потому могущие быть крайне противоречивыми. Правда, разногласия бывают и в случаях применения к обсуждаемым предметам — критерия истинности, но это происходит или от недостаточности фактических оснований, или от нелогичности рассуждения, или же от примеси к рассуждению элементов веры и т. п., но нечто все-таки приходится признавать за единственно верное, и это — то, за что говорят факты и логика. Иное дело, когда об одном и том же кто-либо говорит, как о чем-то полезном, а другой — как о чём-то вредном: оба могут быть правы, ибо полезное для одного сплошь и рядом бывает вредно для другого. Для русского, прусского и австрийского правительств знаменитое "безнарядье", которым стояла Польша ("Polska nierządem stoi"), было, конечно, выгодно, но для самой Польши оно оказалось прямо пагубным. Прикрепление крестьян к земле сопровождалось очень вредными для них последствиями, но для землевладельцев оно было, наоборот, очень выгодно, поставив под их власть массу народа, обеспечив за ними правильное и даже увеличенное поступление доходов с их земель и создав в их пользу даровой труд.

272

Оценка и здесь выйдет не одинаковая, но в то же время обе стороны, оценивающая различным образом одно и то же, будут вполне правы в смысле констатирования фактических отношений и вытекающих из них следствий, если только будут искренни.

Сходясь в отношении своего субъективного характера с эмоциональною оценкою, оценка утилитарная в другом отношении от неё зато отличается. Когда я ощущаю удовольствие или неудовольствие, когда мне что-либо нравится или не нравится, когда я наслаждаюсь или страдаю, то я непосредственно испытываю приятное или неприятное чувство, т. е. действительно получаю удовольствие, чем-нибудь люблюсь, восхищаюсь,

наслаждаюсь, но если я говорю о том-то: "это для меня полезно", а о другом: "это для меня вредно", я могу жестоко ошибаться в своем суждении. Не только приятное бывает вредным, как вкусный яд, а неприятное полезным, как противное лекарство, но и временная, напим., выгода может влечь за собою большие убытки, и временная потеря — приносить пользу, по пословица: "не бывать бы счастьем, да несчастье помогло". **Удовольствие или неудовольствие испытывается непосредственно, для признания же чего-либо полезным или вредным нужны объективные основания, тем более, что в одном и том же факте могут быть и выгодные, и невыгодные стороны, и что весьма нередко сами люди, действительно, "не понимают своей пользы"**.

В своей деятельности, направленной к получению выгоды, люди руководятся не непосредственными влечениями к тому, что доставляет удовольствие, а сознательным расчётом, часто прямо требующим от человека принесения чего-либо приятного в жертву полезному или отказа от чего-либо бесспорно выгодного ради достижения ещё большей, хотя бы только ещё вероятной выгоды.

273

Здесь требуется, значит, рассуждение, близкое к рассуждению научному: **связь целей с ведущими к ним средствами такая же, какая существует между следствиями и вызвавшими их причинами, и в обоих случаях нужно знание фактов. Все утилитарные применения чистого теоретического знания, все технические дисциплины основаны на том же принципе.**

Своим рациональным характером утилитарная оценка отличается от совершенно иррациональной оценки эмоциональной: о вкусах не спорят, но о пользе и вреде спорить можно и притом до чего-нибудь деспориваются путём фактических и логических доказательств. Пословица: "не по хорошему мил, а по милу хорош" очень верно характеризует всякое эмоциональное отношение: "и дым отечества нам сладок и приятен". Этого иррационального много и в художественном наслаждении, и вот почему, на мой взгляд, столь безуспешны делавшиеся до сих пор попытки превратить эстетику в науку, тогда как **политическая экономия, из всех гуманитарных наук наиболее пользующаяся оценкою изучаемых явлений по категориям выгодного и невыгодного, сразу сумела стать на вполне научную почву.**

Оценивать с утилитарной точки зрения исторические факты, имея в виду лишь определённый человечески коллектив, к которому принадлежит и сам оценивающий, — не может быть задачей науки, поскольку это слишком субъективно, но, с другой стороны, историк не может не принимать в расчёт, что события или бытовые формы, которые он изучает, так или иначе (и именно выгодным или невыгодным образом) отражались на судьбах и положении целых наций или государств либо отдельных групп населения в той или другой стране.

274

Вся история состоит из перемен, от которых одним, как говорится, тепло, другим — холодно. Улучшения и ухудшения в положении разных человеческих коллективов, как следствия известных событий или бытовых изменений, тоже ведь реальные факты, подлежащее видению исторической науки. Иногда о невыгодности для кого-либо той или другой перемены мы узнаём из жалоб раздающихся со стороны потерпевших, — жалоб, основательность которых, однако, подлежит ещё критике, насколько они оправдываются на самом деле, ибо очень часто люди жалуются на то или другое, Или к тому мало оснований. Показания посторонних лиц, не заинтересованных в вопросе, — источник для исторического суждения более надёжный, но особенно важными в подобного рода случаях бывают статистические данные, цифры, указывающие, хуже или лучше стало кому-либо после такой-то перемены, затронувшей, наприм., крестьянскую массу, рабочий класс и т. п. В этом отношении историк, оценивая то или другое положение, в сущности, занимается не чем иным, как констатированием факта, установлением следствий данного события, определением значения данной перемены бытового характера, сравнением последующего с предыдущим, подведением общего итога под отдельными фактами. Производя такую работу, он не выходит из области объективных данных и оценивает то или другое с точки зрения полезности или вредности этого для самих народов или общественных классов, испытавших на себе изучаемые им перемены, а не для кого-нибудь постороннего (получившего пользу, положим, от бедствия, которое обрушилось на других).

275

Его роль будет заключаться в том, чтобы определить, кому, что было полезно или вредно, насколько об этом можно вообще судить на основании фактов, и показать, умели ли люди надлежащим образом пользоваться доставшимися на их долю выгодами, или почему в таком-то случае успехи сменились поражениями или же еще как, наоборот, данное национальное бедствие пошло на пользу, заставив страну предпринять внутренние преобразования.

Историки всё это и делают сплошь и рядом, но и тут, когда они начинают с точки зрения целесообразности критиковать поведение людей, — т. е. отдельных ли деятелей, целых ли народов, равно как организованных в них групп, каковы правительства, парламенты, партии, общества, союзы и т. д. — то на первый план выступает политическая мысль, оценивающая прошлое со своей специальной точки зрения. Другими словами, в случаях этого рода историк выступает в роли политика или вернее политического мыслителя, подобно тому, как в других аналогичных случаях историк

литературы или искусства является вместе с тем и литературным или художественным критиком, историк философии — и самостоятельным мыслителем и т. п.

Историка, прежде всего, должно интересовать, почему и как произошло это или то, и каковы были следствия. Если он ставит вопрос, что было бы, если бы условия совершившегося были несколько иные, он из области фактов переходит в область гаданий, и это происходит каждый раз, когда подвергается оценке деятельность людей с точки зрения целесообразности. Если историк-политик предпринимает такую оценку с целью, хотя бы и не вполне сознательно, назидания относительно правильного политического поведения, он действует более в качестве публициста, исследователя, но иногда такой приём помогает лучше разобраться в фактических отношениях.

276

Наприм., историки нередко ставили вопрос, что было бы, если бы правящие сферы Франции не противодействовали преобразовательным начинаниям Тюрго и дали осуществиться его государственной реформе, не предотвратило ли бы это революции, и даже не сохранилась ли бы во Франции монархия, если бы король и двор последовали советам Мирабо. Конечно, **ответы на подобного рода вопросы могут даваться надвое: либо да, либо нет, но самое обсуждение шансов в ту или другую сторону может помочь лучше вникнуть в самую суть положения.** Обсуждение вопроса, как можно было бы поступить, дабы выйти из того или другого положения с наибольшею для себя ли, для всех ли пользою, конечно, относится прямо к области политики, а не истории, но тут бывает очень трудно провести демаркационную линию между историческим исследованием и политическим рассуждением. Только вообще можно сказать, что и здесь, как везде, **дело истории — исследование того, что было, как оно было, дело политики — оценка происшедшего с точек зрения государственного интереса, общего блага политической целесообразности, представляющих собою лишь разные оттенки утилитарной оценки.**

XXI. Этическое отношение к прошлому

Теоретическое, эмоциональное и утилитарное отношения могут у нас существовать одинаково и к вещам, и к людям, но к людям существует еще одно, совершенно особое отношение, которого с нашей стороны не может быть к вещам.

277

Я говорю здесь об отношении этическом, являющемся точно так же, как отношения эмоциональное и утилитарное, основой особого рода оценки — не по критериям, однако, приятного и полезного, а по критерию должного⁵.

Римское право, как известно, признавало два состояния, в каком могли находиться люди: свободу и рабство. Для него только свободный был "личностью" (persona), раб же был только "вещью" (res), наравне с домашним скотом и неодушевленными предметами. Для более развитого морального сознания каждый человек есть личность и потому ни в каком случае не может считаться вещью, разницу же между человеческою личностью и вещью мы полагаем в том, что первая, сама в себе нося цель своего существования, обладает, поэтому известным внутренним достоинством, не позволяющим превращать её лишь в средство для достижения целей, ей посторонних, тогда как вещами мы считаем себя в праве распоряжаться по своему усмотрению для осуществления тех или других своих целей, для которых поэтому вещи, и имеют значение простых средств. За личностью мы, таким образом, признаём известное право, нарушение которого называем несправедливостью: кроме отрицательных характеристик, даваемых нами тому, что неприятно или вредно, мы отрицательно относимся еще и к тому, что несправедливо. Другими словами, рядом с категориями приятного и полезного у нас есть еще категория справедливого, и сами мы многое, что нам приятно и полезно, можем находить несправедливым и, наоборот, справедливым — многое такое, что для нас самих или неприятно, или невыгодно.

278

Далее, от непосредственного влечения к удовольствию и от расчёта пользы мы отличаем, в качестве одного из возможных мотивов нашего

⁵ Это этическое отношение к действительности и есть тот субъективизм, который я в своих книгах и статьях, указанных в прим. 2 к стр. 238 г. называл "законным", в отличие от разных видов "незаконного субъективизма" (см. выше, стр. 241). Более обстоятельно развиты взгляды этического содержания, излагающиеся дальше, в моих "Мыслях о сущности нравственности" (4 изд. и905 г.).

поведения, чувство долга, могущее властно требовать от нас отказа от того, что доставляет нам удовольствие или приносит пользу. Справедливость в развитом нравственном сознании есть нечто должное, это должное мыслится таковым вне зависимости от соображений наслаждения или пользы: то или другое мы можем считать желательным, но очень часто это желательное признаётся нами за недолжное, и когда мы поступаем не так, как нам подсказывает чувство долга, нас осуждает голос нашей собственной совести. **Этическое отношение находится в очень близком родстве с отношением теоретическим.** Одно и то же слово "правда" обозначает у нас и истину, и справедливость, с тем лишь различием, что одна правда имеет дело с существованием, другая — с долженствованием, одна устанавливает то, что есть или было, как оно есть или было, другая же оценивает это с некоторой точки зрения, которой приписывается такая же общеобязательность, как и законам логики. Конечно, принципиальные требования этики далеко не всегда находят повиновение среди людей, но ведь и законы логики — только норма, которой далеко не все и не всегда следуют. **И с теоретическим, и с этическим отношениями находятся в антагонизме отношения эмоциональное и утилитарное, когда наши суждения как о том, что есть или было, так и о том, что должно быть, определяются нашими влечениями и страстями, интересами и практическими стремлениями.**

279

Беспристрастие есть добродетель и с теоретико-научной, познавательной точки зрения, и с точки зрения этической оценки познанного. Разные соображения, возникающая на почве эмоционального или утилитарного отношения к явлениям жизни, часто диктуют историкам, как следует представлять дело, хотя бы ни факты, ни логика не давали для этого ни малейших оснований, но со стороны этического отношения к делам человеческим не может быть продиктовано ни одного слова, которое могло бы чем-либо нарушить самые строгие требования научности. В "учёной совести" сливаются воедино требования и правды-истины и правды-справедливости. **Чем выше и шире этические идеалы историка, тем менее для него возможна опасность следовать бушменской формуле: хорошо, это — когда я украду, дурно — когда у меня украдут.**

Историку постоянно приходится иметь дело с мотивами и поступками людей, к которым приложимы этические понятия должного и недолжного, справедливого и несправедливого, нравственнаго и безнравственного, добра и зла, но если бы историк стал понимать свою задачу лишь в смысле произнесения морального суда над людьми и их поведением, он искажил бы задачу истории, как науки. Из истории может извлекаться известное нравственное назидание, как может извлекаться и политическое наставление, но менее всего историк должен быть моралистом для других, и лишь о себе ему нужно заботиться, чтобы не допускать в свои суждения и оценки

снисходительного, наприм., отношения к одним и, наоборот, строгости к другим, когда и где, и другие поступали одинаково дурно. Видеть соломинку в глазу ближнего и не замечать бревна в своём одинаково противно требованиям и науки, и этики.

280

Несправедливо самому пользоваться безнравственным правилом: "цель оправдывает средство" и ставить в укор другим, когда они поступают совершенно таким же образом, да и вообще говоря, едва ли какой бы то ни было науке прилично брать под свою защиту какие бы то ни было проявления зла.

Для настоящего времени не существует опасности превращения истории в морализирующей вид литературы, и если с научной точки зрения,— не расходящейся и с точкою зрения этической,— и приходится с чем-либо считаться при современном состоянии исторической литературы, так это с тем, во-первых, что, как раз, наоборот, "политика" в ней часто доминирует над "этикой", и что говоря о моральных ценностях, которыми занимается историческая наука, многие не делают различия между ценностями безусловными и ценностями, являющимися таковыми только для известных человеческих коллективов.

По первому пункту здесь прибавить нечего в виду данных выше разъяснений относительно политического рассуждения в истории, и могущего быть, и действительно часто бывающего неэтичным, но второй пункт заслуживает более подробного рассмотрения.

В современной историко-теоретической литературе очень распространено воззрение, в силу которого история, как идеографическая наука, занимается известными ценностями, ибо для номологических наук каждый экземпляр чего-либо "свободно может быть заменен любым другим"⁶.

281

Для теоретиков, становящихся на эту точку зрения, историческая ценности являются по-преимуществу ценностями духовными⁷, культурными, в том одобрительном смысле слова, когда "культура" не значит просто "быть", а берется в значении некоторого более высокого уровня духовных проявлений человека⁸. Если, однако, историк интересуется лишь тем, что для него должно иметь особую внутреннюю ценность, то есть

⁶ Г. Риккерт. Философия истории, стр. 51, "Лишь под углом зрения какой-либо ценности, говорит автор, индивидуальное может стать существенным, и потому уничтожение всякой связи с ценностями означало бы также и уничтожение исторического интереса и самой истории". Ценность называется у него прямо "предпосылкой истории", стр. 52.

⁷ Там же, стр. 66 и след.

⁸ Ср. выше, стр. 144 — 145

опасность, что это будут для него ценности национальные, вероисповедные, патриотические, классовые, партийные, профессиональные: для немца немецкое будет ценностью единственною или, по крайней мере, большею, чем всякое другое, для католика — католическое и т. д. Поэтому, на мой взгляд, очень важна оговорка сторонников отнесения содержания истории к понятию ценности, заключающаяся в том, что "теоретическое отнесение к ценности" не должно переходить в "практическую оценку явлений"⁹. Последняя будет, конечно, очень неодинаковой в зависимости от превращения в своего рода мерилла разнообразных ценностей, имеющих национальный, вероисповедный, партийный и т. п. характер.

282

Лучше отказаться от какой бы то ни было оценки в истории¹⁰, нежели делать критериями условные патриотические, конфессиональные и т. д. точки зрения и заменять ими безусловную, общечеловеческую точку зрения чистой этики. Делая различие между ценностями для данного места и времени и ценностями безусловными, т. е. приемлемыми, как таковые, для всех людей, наравне, напр., с безусловными истинами логики, я менее всего рекомендую применение каких-либо абсолютных нравственных требований к людям всех стран и эпох. То, чего мы в праве ожидать от людей, стоящих на высших ступенях цивилизации, было бы странным желать встретить у народов, едва вышедших из состояния первобытной дикости: это было бы несправедливо и, как таковое, ненаучно. И для исторического суда, как для суда государственного, должны существовать случаи невменяемости и смягчающие обстоятельства: здесь это — и степень цивилизации, и общее нравственное состояние общества, и невежество и нищета того или другого общественного класса, и угнетения, доводившая людей до исступления и т. п.

⁹ Риккерт, стр. 69. "Собственные культурные идеалы историка" поясняет Риккерт свою мысль, совсем не должны иметь решающего значения при обработке им своего материала; ему нужно лишь понимать всеобщая культурные ценности людей и народов?., им изображаемым, для того, чтобы посредством чисто теоретического отнесения к ценности отделять существенное от несущественного". Впрочем, наше "этическое отношение" есть нечто иное, нежели риккертское "отнесение к ценности", поскольку последнее помогает отделять существенное от несущественного. Можно, однако, опасаться, как бы при подобной постановке вопроса за существенное не стало во многих случаях приниматься субъективно-интересное, вместо объективно важного.

¹⁰ Если бы это было возможно! Впрочем, вот точка чистого объективизма: Ксенопол рекомендуете историку «воздерживаться от всякой оценки и строго ограничиваться установлением фактов, сообразно действительности, с указатель их причин. Оценка всех точек зрения — дело читателя. Он применит понятие ценности ко всем фактам, которые проходят перед его глазами эту оценку он совершает сообразно тем идеям, которые находятся в его распоряжении. Дело читателя судить и оценивать факты, Историк не может выполнять это дело разом за всех, и система ценностей, которую он применит к историческим фактам, не может иметь иной цели, кроме; той, чтобы навязать свой образ зрения всем, кто будет его читать". Понятие ценности в истории, стр. 20 — 21. Но, во-первых, почему самого историка лишать того права, которое признаётся за его читателями? Во-вторых, дело идет о некотором сверху-индивидуальном критерии, и, наконец, если опасаться, как бы читателям не было что-либо навязано, то нужно было бы устранить из истории всякие рассуждения, делание выводов и т. п. Главное же, это — то, что этическая оценка, хотя бы и прикровенная, просто-напросто неизбежна.

283

Историку даже приходится скорее осуждать не столько людей, сколько порядки, а, осуждая последние, принимать в расчёт и условия, их породившая, и другие порядки, часто ещё худшие, на смену которых те пришли. Возьмем, напр., столь развитое в прошлом явление, как рабство, превращавшее одних людей, как вещи, в собственность других людей. Конечно, оно было "смягчением" более раннего обращения с военнопленными, которых просто убивали и (было такое время) съедали, но существование рабства у варваров или у народов, причастных цивилизации, вызывает в нас далеко не одинаковое отношение, особенно, напр., когда рабство существовало в стране с более свободным политическим строем. Прибавлю, что встречающаяся в некоторых исторических сочинениях оправдания рабства, как исторической необходимости, оказавшейся полезной для цивилизации, едва ли могут быть признаны за правильные: исторической необходимости совершенно достаточно быть только объясненной, полезность же рабства для цивилизации может послужить основанием никак не для оправдания рабства, а скорее для осуждения цивилизации: конфликта между утилитарным и этическим отношениями к одному и тому же вопросу!

Привлечение к оценке того, что было, по критерию справедливости и истины, критерии правды, морального добра, идеалов должного и всякого совершенства, раз мы имеем в виду все прошлое человечества, ставит нас на высоту философского отношения к истории, в котором добытое научным, т. е. теоретическим к ней отношением дополняется отношением, в основе своей этическим, субъективным, и этим достигается общая философская правда об истории.

284

Что такое философия и в чём заключаются взаимные отношения философии и науки, различными лицами, писавшими об этом понимается далеко не одинаково, но рассматривать здесь этот вопрос сколько-нибудь подробно было бы излишним; достаточно будет ограничиться самым существенным и важным¹¹

Как философия вообще, так и философия истории может быть или религиозною (теологическою), или метафизическою, или научною. Всякая религиозная философия истории относится к области веры, а не знания, и основным её пунктом на общехристианской почве является вера в то, что ходом истории управляет Провидение, пути которого признаются, однако, неисповедимыми. В общем, это — оптимистическая вера, ибо пути божественного Промысла, могут быть только благими. В метафизической

¹¹ Отсылаю к прим. на стр. 234. Более подробно, чем в других своих статьях, свой взгляд на сущность философии я вы сказал в статье под № 34.

философии истории прошлое человечества мыслится в тесной связи с тем или другим пониманием сущности мирового процесса, скрывающейся за пределами доступного знанию мира явлений, причем на вопрос об этой сущности даётся или оптимистический ответ, как у Гегеля, или пессимистический, как у Шопенгауэра или у Гартмана ¹² Научная философия истории отказывается от проникновения в область неисповедимого, которое может быть только предметом веры, и от постижения сущности, скрывающейся под внешней видимостью вещей, поскольку здесь место только одним гипотезам, и берёт историю так, как нам её реконструирует наука, тоже ставя, однако, вопрос об общей оценке хода истории и лишь решая его на основании фактов, а не веры или гипотез.

285

Это — вопрос о том, в конце концов, ведёт ли исторический процесс к торжеству истины и справедливости и к возможно наибольшему благосостоянию человечества, или вопрос о прогрессе.

История идеи прогресса ¹³ показывает, что у идеи есть два источника, из которых один — в наблюдении над явлениями исторической действительности, другой — в сфере наших идеалов, в чаяниях сердца, в том жизненном оптимизме, в котором проявляется воля к жизни и заключенному в жизни добру. Ранее всего подмечено было существование умственного прогресса в развитии знаний, в увеличении понимания, в усилении власти над природой, и только позднее стали находить, что прогресс совершается еще как в нравственной, так и в общественной жизни человечества. Возникающие на фактической почве взгляды и доказываются фактами, и фактами же проверяются и ими же опровергаются, если обобщения оказываются слишком произвольными. Прошлое, насколько оно нам исторически известно, даёт богатый материал для тех или других заключений, лишь бы последние делались при соблюдении всех условий научности. Отчасти на основании прошлого историческая наука может делать и заключения о будущем, но как таковое, последнее для нас является гораздо больше предметом желаний и упований, чем предметом положительного знания ¹⁴.

286

В идее прогресса заключается не только оценка прошлого, каким мы его себе представляем на основании самых широких обобщений исторической науки, но и построение идеала, осуществление которого в будущем нами желается и чается. В этой своей части, или, вернее говоря, в

¹² Об оптимизме и пессимизме в философской оценке истории см. «Осн. вопр. фил. ист.», кн. II, гл. 5 (гл. 10 по 3 изд.).

¹³ См. об этом мою статью, названную выше (стр. 35) под №41, равно как, О. В. Ф. И., кн. I, гл. 5.

¹⁴ Ex praeterito spes in futurum!

этой своей стороне философия истории имеет значение не научного подведения итогов над прошлым с известного рода их оценкою, а плода той же категории человеческого творчества, к которой относятся и религиозные верования, да и на самом деле прогресс, как самое главное в общем ходе истории, взятого и в его прошедшем, и в его будущем, есть, в сущности, предмет веры, а не знания.

Золотым веком идеи прогресса были вторая половина XVIII и первая половина XIX столетий. эпоха оптимистических упований просвещения философского века, романтического идеализма, немецкой метафизики на рубеже обоих столетий и утопического социализма начала прошлого века, когда в умственной жизни Европы творчество господствовало над исследованием, и гуманитарный знания не находились еще под влиянием принципов, формул и лозунгов естествознания. С середины XIX в. идея прогресса всё более и более стала вытесняться понятием эволюции, не заключающим в себе никакой качественной оценки. Тем не менее, именно, в том, что в мире совершается эволюция, порождающая все новые и новые формы, также заключается одно из оснований не отвергать идею прогресса в качестве пережитка мистических и романтических фантазий.

Этическое,— не одно только теоретическое, как в естествознании,— отношение к человеческим делам, которыми занимаются гуманитарные" и в их числе общественные науки, нисколько не противоречит теоретическому, строго научному отношению, лишь бы всегда сознавалось различие между тем, что есть и бывает, и что должно быть, что желательно.

287

Этический элемент все более и более проникает и в науку права по особой близости права и нравственности¹⁵, равно как в государственное и в политическую экономию, которая в прежние времена нередко забывали, что "не человек существует для субботы, а суббота для человека", т. е. игнорировали достоинство, права и интересы человеческой личности перед государством и национальным богатством, как отвлечённо взятыми предметами своих научных исследований и построений.

С этой же, т. е. этической точки зрения и история заинтересовалась больше судьбами самих людей, над которыми исторический процесс делал свое дело, сравнительно с бытовыми формами, которые, конечно, можно изучать совершенно "объективно", нисколько не задаваясь вопросом о том, что от этих форм претерпевалось теми или другими людьми¹⁶.

¹⁵ Ср. мои статьи "Нужно ли возрождение естественного права?" и "Естественное право и субъективная социология" (№№ 67 и 68).

¹⁶ Строго филологическая или археологическая точка зрения наиболее этому и соответствуют. Ср. выше, стр. 84 — 86 и 106.

XXII. Историческая наука и общественная жизнь.

Научность исторического знания, как мы видели, зависит от соблюдения некоторых условий, в числе которых важное место принадлежит устранению разных житейских влияний на научную работу историка: влияний национальных, партийных и других им подобных. Но, требуя этого устранения, не отрешаем ли мы историческую науку от жизни, не придаём ли мы этой науке отвлечённый, сухой, мертвенный характер, не делаем ли из занятия ею нечто, интересное и доступное только для кучки кабинетных ученых, далеко стоящих, в своём уединении, от общественной жизни с её тревожностями?

288

Дело, действительно, находится в таком положении, что истории нужно отказаться или от права называться наукою, или от подчинения своих выводов соображениям, вытекающим из так называемых требований жизни. В сущности, однако, сама жизнь ничего не требует и требовать не может: могут требовать и на самом деле требуют люди, очень неодинаково понимающие эту самую жизнь в зависимости от своих интересов, страстей и привитых воспитанием взглядов, а это — такие факторы, подчинение которым исторического знания, как мы видели, и лишает его научного значения.

Давно уже сделалось общим местом, что настоящее научное знание в истории возможно лишь на известном отдалении от нас изучаемой нами эпохи. Причин этого две. Одна заключается в том, что в сутолоке жизни невозможно, тотчас же хорошо разобраться в происходящем вокруг нас, другая причина — в том, что всем происходящим вокруг нас слишком затрагивается вся наша субъективность, т. е. наши интересы и симпатии, наши надежды и опасения, наши расчёты и стремления. Обе эти причины действуют в одном и том же направлении, т. е. и факты далеко не все бывают нам известны, а известные де могут быть поставлены в необходимую между собою связь, и оценка этих фактов не может быть столь же беспристрастною, как это бывает по отношению к "делам давно минувших дней, преданьям старины глубокой".

289

Было бы ошибочно думать, что современники знают то, что вокруг них происходит, лучше, нежели следующие за ними поколения. Во-первых, многое делается, так сказать, за кулисами истории, даже при господстве наибольшей гласности. Нужно время, чтобы иные факты, оставшиеся

неизвестными современникам, выплыли на свет божий, чтобы были опубликованы всякие переписки, воспоминания, открыты были архивы, сделались доступными исследователям секретные документы. Современник вынужден о многом говорить по непроверенным и не могущим быть проверенными слухам, часто ложным, преднамеренно пущенным в оборот для каких-либо целей, говорить о многом только на основании могущих оказаться неосновательными догадок, а о многом не только ничего точного не знает, но даже и не догадывается. Во-вторых, дабы каждому факту отвести надлежащее место в историческом процессе, необходимо, чтобы были известны не только причины и условия его возникновения, но и его последствия. На известном хронологическом отдалении не так трудно видеть, что вышло из данного факта, будет ли это какое-либо событие, или какое-либо новое бытовое явление, современники же, которые не в состоянии все предвидеть и предсказать, как пойдут дела дальше, склонны переоценивать или недооценивать факты в зависимости от своих стремлений, надежд, ожиданий, расчетов и т. п. Историкам сплошь и рядом приходится отмечать, как часто и жестоко ошибались современники событий, возлагая на них те или другие упования. **Весь путь истории прямо-таки усеян разочарованиями, разбитыми надеждами, не оправдавшимися ожиданиями, свидетельствующими о том, как превратно современники иногда понимали то, что вокруг них происходило.**

290

Вот почему научная история своего времени невозможна, и, таким образом, только историк, который стоит на некотором расстоянии, обладает большим количеством материала, лишь позже поступившего в оборот, и видит, что из чего вышло, или из чего, наоборот, ничего не вышло,— может хорошо разобраться в происходившем. В лесу или в горах легко заблудиться, и чтобы ориентироваться в лесной или горной местности и выбраться куда-либо на простор, нужно подняться на известную высоту, откуда можно было бы видеть большее пространство и большее количество предметов, нежели среди деревьев, окружающих лесную тропинку, или скал, стоящих направо, налево, впереди. Чтобы видеть большое здание, также нужно подальше отойти от его стен. Только по отношению к тем вопросам, ответы на которые можно получать анкетным путем, современники, конечно, поставлены в лучшее положение, чем последующая поколения, совершенно лишённые какой бы то ни было возможности собирать этим способом сведения о прежних временах.

Исторической критике в известиях, оставленных современниками, всегда приходится учитывать степени осведомленности авторов этих известий и поправлять ошибки, сделанные ими в суждениях о значении тех или других фактов,— ошибки, так сказать, чисто теоретические. Но еще больше, как уже не раз было выше отмечено, на понимании современниками

того, что вокруг них происходит, сказывается влияние их интересов и стремлений, симпатий и антипатий, желаний и ожиданий, предубеждений, предрассудков и т. д., т. е. всего того житейского, что находится в сознательном или бессознательном антагонизме с объективной истиной.

Итак, для сохранения за историей научности известное устранение её от влияния элементов, являющихся в жизни столь могучими факторами, как интересы в страсти, безусловно, необходимо.

291

Но это еще не значит, что историческая наука должна быть ограждена от жизни какою-то китайскою стеною или, больше того, замурована в склепы, куда не проникал бы ни луч света, ни единый звук из жизни, играющей у гробового входа.

Требованиями жизни, т. е., в сущности, требованиями людей с очень, коротко говоря, неодинаковыми формулами жизни, не могут, не должны диктоваться ответы на научные вопросы, которые должны и могут быть разрешаемы только на фактических и логических основаниях, но это не значит, что жизнь не имеет права задавать исторической науке те или другие вопросы, которые ею разрешались бы совершенно автономно.

Конечно, по отношению к целому ряду предметов, вообще подлежащих ведению исторической науки, до последней не доходит ни единый звук голоса жизни. Есть вопросы, способные интересовать только специалистов, даже только самый тесный кружок очень узких специалистов, делающих свое учёное дело, часто и весьма важное дело самодовлеющей науки. И рядом с этими вопросами специальной эрудиции есть вопросы, волнующие более широкие круги общества, вопросы общественной жизни, национального и государственного существования и развития, политических, социальных, правовых, экономических отношений, народного просвещения и т. п. К ним в обществе есть и теоретический интерес, хотя бы не всегда обособленный и отграниченный от других стремлений, и интерес практически, заставляющий людей очень различного положения в обществе искать в исторической науке тех или других указаний.

292

Пусть жизнь задаёт науке новые и новые вопросы: чем больше она будет их задавать, тем будет, в общем, лучше для самой же науки, но под непременным условием, чтобы самодовлеющая, автономная наука решала эти вопросы по своему разуму и по своей совести, а не ради удовлетворения тех или других требований жизни, которые, в последнем анализе, всегда суть только стремления, интересы, желания отдельных лиц или групп. От жизни наука может брать на себя поручения лишь одной категории — искать истину, говорить правду, и чем больше наука будет исполнять таких

поручений, тем лучше для жизни, хотя бы от этого было тем хуже для всех неразумных и несправедливых её требований, которые, еще раз повторяю, суть только требования известных категорий членов общества или частей человечества.

Таковы должны быть взаимные отношения общественной жизни и исторической науки. Этим наука не отрешается от жизни, чтобы замуровать себя в гробовом склепе, а только размежевываются соседние области и определяются права и обязанности обеих сторон. Право науки — ни от кого не зависеть в своих решениях, право жизни — требовать, чтобы наука ей служила; обязанность науки — служить жизни, но не угождать кому бы то ни было, берущему на себя смелость от имени жизни предъявлять науке свои требования, обязанность жизни не диктовать науке тех ответов, которые наука должна давать, а ограничиваться лишь одною постановкою вопросов, нуждающихся в научном разрешении.

Во всякой сфере человеческой деятельности, в науке также вообще и в частности в исторической науке устанавливаются свои законы и правила, свои традиции, шаблоны и рутина, которые легко приводили бы к застою и мертвенному состоянию, если бы, вульгарно выражаясь, наука варилась только в своем собственном соку и тем самым была обречена на повторение задов или охранение установившихся догматов.

293

Великие историки XIX в., оставившие после себя целые школы учеников, отмечали своею деятельностью крупные этапы в прогрессивном движении исторической науки, но каждый из них был сыном своего времени, отражавшем на себе тогдашнее понимание истории, и потому "меньшие" историки, составлявшие школу того или другого из крупных мастеров, оказывались часто отстававшими от общего движения, раз в направлении своего учителя видели "последнее слово" науки. Своего рода рутина грозила бы и всей исторической науке, если бы в одном отношении она не прислушивалась к голосу жизни, не брались именно за новые темы, в которых проявляется дух времени.

Историку нашей науки нетрудно показать на отдельных примерах, как круг предметов, входящих ныне в область исторической науки, постепенно расширялся в зависимости от движения самой жизни. В доброе старое время, когда абсолютное государство поглощало в себя все проявления общественной жизни, в исторических сочинениях мы видим, главным образом, государей, министров, дипломатов, полководцев, и только со времени выступления народных масс историки начинают интересоваться и народною стихией. Процесс демократизации жизни отразился и на этой демократизации исторического интереса. Когда не было независимого общественного мнения, когда ни литература, ни философия, ни наука не играли большой общественной роли, историкам и в голову не приходило

включать движение духовной культуры и историю идей в круг своих научных занятий: нужно было, чтобы идеи показали свою силу в жизни, и тогда лишь общие историки стали все больше обращать свои взоры в эту сторону.

294

Было время, когда это было нововведением, заставлявшим немало о себе говорить, и Шлоссер на таком отношении к литературе приобрёл даже славу. Ещё в середине XIX в. наш Грановский рассуждал так, что для историка, занимающегося последними веками, нужно-де знание и политической экономии. На этом взгляде сказалось общее направление исторической науки в первой половине XIX в. Научный интерес к экономической истории развился под влиянием того значения, какое вопрос получил с середины XIX в. в общественной жизни, в политических движениях, в обострении социальной борьбы. Самое возникновение социального вопроса и развитие социализма заставили историков, раньше игнорировавших эту сторону истории обратить на неё внимание. Наприм., первые историки французской революции видели в ней, главным образом, политическую борьбу и лишь со времени обострения борьбы между буржуазией и пролетариатом стали искать прецедентов этой борьбы и во французской революции. Даже на изучении античного мира сказались и изменения в историческом понимании, которые обязаны своим происхождением движению самой исторической жизни, т. е. социальная борьба нашего времени заставь обратить большее внимание на аналогичные факты из истории греков и римлян. Известная книга Пёльмана "Социализм и коммунизм античного мира" в этом отношении вполне соответствует духу нашего времени. Можно было бы привести ещё множество примеров в подтверждение того, что **историческая наука беретя за новые темы под влиянием и движением самой жизни** (кроме, конечно, переходов от тем к темам, обусловленных внутренним развитием самой науки). Чем как не переживавшимся во Франции в эпоху реставрации историческим моментом, объяснить, что излюбленными темами тогдашних либеральных историков сделалось прошлое третьего сословия, предков буржуазии, борьба средневековых городов с феодальным миром, возникновение представительных учреждений, в особенности английского парламента, английская революция XVII века и контрреволюция в Англии в эпоху реставрации Стюартов?

295

Всё это были темы, интерес к которым подсказывался общественными причинами. На историографии французской революции тоже можно было бы проследить многое в таком же смысле. Установление во Франции

деспотического режима Наполеона III вызвало исторический вопрос, почему французы, совершившие столько революций во имя политической свободы, в конце концов, должны были подпасть под абсолютную власть нового цезаря,— вопрос, ответом на который была гениальная книга Токвиля "Старый порядок и революция".

Не условиями ли русской общественности объясняется то, что у нас столько писалось по крестьянскому и аграрному вопросам во Франции? По крайней мере, о себе могу сказать, что моя книга "Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века" находится в известной зависимости от великого акта 19 февраля 1861 года.

Отправление от современности к историческому прошлому — явление вполне законное, поскольку касается выбора темы, постановки вопроса, исходной точки зрения. Если в математике разрешение одной научной задачи ставить на разрешение новую задачу, вытекающую из первой, то в истории такого логического перехода от темы к теме не наблюдается.

296

Один историк может продолжать работу, недоделанную другим, начав её с того места, где этот другой остановился, но, кроме того, на ту или другую тему историк наталкивается или новым найденным материалом, вроде знаменитой "Афинской политики" Аристотеля, породившей за последние два десятка лет целую литературу, или какими-нибудь обстоятельствами момента, переживаемого общественной средой. Сейчас нас интересует только это последнее отношение, т. е. насколько жизнь влияет на науку, и настоящее отражается на понимании прошлого.

Здесь уместно коснуться одного из таких влияний, выражающегося в так называемой модернизации прошлого. По её поводу мне припоминается анекдот из учебной книжки французского языка времен моего детства: мальчик, возвратившись из гостей домой, с удивлением говорит своим родителям, что там, где он был, "Ивана зовут Яковом", потому что более естественным ему казалось, чтобы и там слуга назывался Иваном. Стремление приблизить к нам что-либо путём перенесения на данный предмет имени или характеристики чего-нибудь более нам знакомого, лучше известного — явление очень распространенное в обыденной жизни, и потому в чужой семье) анекдотическому мальчику было бы более понятен слуга, называющейся Иваном, а не Яковом. Не то же ли самое мы имеем и в том случае, когда житель провинциального города, показывая у себя приезжему петербуржцу главную улицу, говорит: "это наш Невский проспект"? — Мы даже не отдаем себе отчета в том, как часто мы прибегаем к этому приёму и до какой степени он напоминает довольно модную в наши дни модернизацию прошлого не то в видах сделать его нам более понятным, не то с целью объяснения прошлого, менее нам известного, по аналогии с более нам знакомою современностью.

297

Когда в подобного рода случаях дело касается только стиля, существо науки этим нисколько не затрагивается, и все ограничивается, так сказать, литературным приемом, представляющим собою дело вкуса. Знаменитый,— между прочим, своим балагурством на кафедре,— профессор Московского университета Никита Крылов вкладывал в уста Цезарю перед переходом через Рубикон такое обращение к войску: "ребята! надевай штаны и мундиры", и это был обычный прием профессора-шутника, поддерживавшего таким способом внимание своей аудитории. Почему и римскую сенаторскую тогу не называть служебным мундиром, если это кажется эффектнее и притом не заключает в себе покушения на существо дела? Только при крайнем пуризме в этом отношении можно было бы протестовать, наприм., против обозначения римских земледельцев новым словом "крестьяне". На деле, модернизация исторических терминов — дело вкуса, а вкус бывает разный: и хороший, и дурной.

Другое дело — модернизация прошлого не в смысле изложения в современных терминах того, что было, а в смысле перенесения в прошлое современных идей, чувств, отношений, учреждений, своеобразное примкнете сравнительного метода, как бы стирающего разницу между бывшим и теперешним и представляющего чужих „Яковов" в образов своего „Ивана", как более близкого и знакомого. Объяснить что-либо менее известное и далекое ссылкой на что-нибудь более привычное и современное — дело допустимое, лишь бы не было при этом отождествления, могущего представить прошлое в освещении, взятым из современной жизни и потому все-таки ложном по отношению к освещаемому предмету. Не нужно давать современности так овладевать нашими представлениями и понятиями, чтобы казаться (или даже быть) лишенным способности мыслить представлениями и понятиями других времен, — иначе не оберешься анахронизмов не в грубом, а в более, так сказать, утонченном смысле слова.

298

Современность — лишь один момент в течение времен, и как её терминология, так и идеология столь же обусловлены местом и временем, как это было и во времена Цезаря или царя вавилонского Хаммурапи¹⁷.

¹⁷ Проф. Р. Ю. Виппер видит „в очень распространенном протесте против так называемой модернизации древней истории" «нечто похожее на страх перед новыми словами», опасение, что «новые названия искажают истинный характер старины, стирают ее своеобразие». Сам он защищает модернизацию следующим образом: «мы находим близость, сходство между условиями старинными и современными, мы хотим обозначить посредством модернизации некоторый элемента постоянства жизненных условий, повторяемости исторических элементов. Вводя термины современной жизни, мы хотим прибавить новую черту». Очерки теории исторического познания, стр. 175—176. Он готов видеть здесь лишь спор о словах, хотя «с новым словом соединяется новый оттенок, одобряемый одними, осуждаемый другими». Об опасной стороне модернизации см. В. П. Бузескул. Введете в историю Греции, стр. 510 (по изд. 1904 г.).

Есть ещё одна тема, имеющая отношение к вопросу о связи, какая должна существовать между исторической наукой и общественной жизнью, но эта тема уже выходит из тех рамок, в которых значение исторической науки трактуется в настоящей книге. Я имею в виду вопрос о том, **какое влияние историческое знание может оказывать на общественную жизнь и на общественную деятельность**. Это — вопрос очень интересный, но его место не в теории исторического знания, а в изучении жизненной практики, беря её в самом широком смысле. В самой грубой форме он может быть поставлен в смысле пользы, приносимой исторической наукой в разных сферах общественного бытия, в более тонкой, но и более сложной постановке это — **вопрос о влиянии исторической науки и создаваемого ею исторического отношения к действительности на человеческую психику, а через неё и на общественное поведение людей**.

299

Мне не раз уже приходилось затрагивать эту тему по разным поводам¹⁸, причем за тем, что я назвал бы, за неимением лучшего термина, "прикладным историзмом", я признаю особое значение в смысле развития чувства действительности, устраняющего из нашего мирозерцания всякий романтизм и утопизм. **Только историческое отношение к действительности может служить основой для трезвого понимания современности**, как переходного момента от прошедшего, продолжающего в известной мере господствовать над будущим, к этому самому будущему с ограниченным количеством возможностей, имеющихся для него в настоящем. Поскольку вообще наука призвана и в состоянии оказывать влияние на течение общественной жизни, направляемое деятельностью людей, одно из первых мест в этом отношении должно принадлежать историческому знанию и пониманию¹⁹.

300

¹⁸ В перечне моих работ см. №№ 45, 47, 50 и 73.

¹⁹ Мой взгляд на важное значение историзма и исторического отношения к действительности встретил в свое время ряд возражений со стороны покойного Н. К. Михайловского, перепечатанных, между прочим, в гл. VII первого тома его "Откликов" (1904). Находя, что я преувеличиваю значение истории, автор сам также преувеличивал, говоря, что я приписываю истории "верховную роль", желаю „сделать из своей науки царицу мира", воздвигаю историзму "всемирный трон", и даже прибавлял, что начинает бояться того, что Ницше называл чрезмерностью истории Uebermass der Geschichte). Именно, раз "ум воспитался исключительно на исторической или эволюционной точке зрения, утверждающей неустанную смену", между прочим, всех понятий об истинном и справедливому... кто или что обяжет меня признать один момента, одну подробность этой необъятной картины движения — чем-то незыблемым и обязывающими человека"? Но мною как раз принцип историзма распространяется лишь на категорию сущего и в известных условиях возможного, отнюдь не на категорию должного. Неисторическое отношение к действительности характеризуется не чем иным, как непониманием ни вообще естественного течения дел, ни того, что при данных условиях достижимо. Упрек в отождествлении мною вообще научного отношения с историческим отношением я устраняю тем соображением, что в общественных вопросах научное отношение к предмету не может быть иным, как историческим. Об упомянутой выше статье Ницше о "чрезмерности истории" см. мою статью под № 51.

У «прикладного историзма», конечно, может быть и своя опасная сторона, когда им пользуются, как аргументом в пользу консерватизма, в основе которого лежит стремление оправдать действительность и оградить ее от всяких новшеств, как это мы наблюдаем в истории немецкой исторической школы права в эпоху реставрации²⁰, но, в сущности, такое отношение к действительности является уже злоупотреблением историей, извращением историзма: история призвана объяснять действительность, а не оправдывать ее в целях увековечения всего, ею созданного. Суд над действительностью совершается перед совсем иным трибуналом, и с другой стороны, как бы ни был неблагоприятен для неё приговор этого трибунала, с её фактической наличностью в практической деятельности, как ни как, все-таки приходится считаться.

301

²⁰ См. выше, стр. 208.

XXIII. Общественное содержание исторической науки и место в ней биографического элемента

Историю справедливо относят к числу общественных наук: предмет этой науки — разные человеческие общества, а потому только общественные факты заслуживают название исторических. Правда, нередко говорят, что "историческим можно назвать всякий факт, который мы не можем наблюдать непосредственно, так как он перестал существовать", и что раз "исторического характера, присущего фактам, не существует, а есть только исторический способ, которым мы познаём их", то "история не наука", а "только особый способ познания"²¹, но это рассуждение не разделяется большинством историков, которые под историческими фактами понимают не все вообще факты, переставшие существовать и потому недоступные нашему непосредственному наблюдению, а преимущественно факты с общественным характером, т. е. имевшие в своё время значение в жизни человеческих коллективов — наций и государств. Конечно, история в качестве "особого способа познания" может безразлично заниматься всякого рода фактами, и в этом смысле мы можем с полным правом говорить, напим., об истории земной коры или об истории болезни какого-нибудь больничного пациента, но в более тесном смысле историческая наука занимается только явлениями. человеческой общности исторично лишь то, что к этой общности имеет отношение, а все остальное находится вне истории.

302

Всякий человеческий коллектив состоит, разумеется, из отдельных индивидуумов, и в каждом индивидуальном бытии можно различать стороны чисто личную и прямо общественную. Лишь последняя имеет интерес для историка, который — в качестве именно историка — может игнорировать в жизни отдельных людей всё, что не характеризует данного общественного состояния или не оказало влияния на события данного периода времени. Что рост Петра Великого достигал стольких-то аршин и вершков, для истории совершенно безразлично, как безразлично и то, что Наполеон был маленького роста. Большая публика немало интересуется образом жизни, привычками в т. п. коронованных особ, вплоть до того, в каком часу утра кто встает, когда обедает, какие блюда подаются ему за обедом и т. п., и любопытство читателей в этом отношении удовлетворяется газетными статьями или отдельными брошюрами и книгами, но в таком любопытстве столь же мало интереса к современности, как немного его и к истории — в сосредоточении своего внимания на таких подробностях личной жизни, как,

²¹ См. выше, стр. 67, 68, прим.

наприм., известная привычка Петра Великого выпить рюмку анисовки в адмиральский час.

Оговорюсь, что, конечно, и разные мелочи частной жизни могут представлять исторический интерес, но для этого нужно, чтобы они имели коллективный характер, т. е. так ли, сяк ли характеризовали известное общественное состояние. Вне этого условия любая необычайная черта чисто личного значения может играть роль простого курьёза, и мало ли каких бывает курьёзов, анекдотов, эпизодов, для исторической науки совершенно безразличных, а между тем очень привлекающих к себе внимание читателей, которые смотрят на историю с поверхностно-любительской точки зрения.

303

Если настоящий историк и будет собирать всякие подробности о частной жизни, наприм., политических деятелей, то лишь в надежде, что и повседневные мелочи помогут ему лучше понять характер человека, да и самый характер этот будет его интересовать, не как характер частного лица, а как нечто важное для понимания его деятельности на общественной арене. Историческая наука интересуется не отдельными людьми, а людскими коллективами, интересуется событиями не в личной жизни, а в жизни общественной, интересуется состояниями народов и государств, а не привычками отдельных лиц, хотя бы то были Петры Великие и Наполеоны. Здесь не место говорить о роли личности в истории: это — одна из тем второй части настоящего труда, т. е. теории исторического процесса, но и определяя общий характер научного исторического знания, мы не можем обойти молчанием вопрос о том, что составляет истинное содержание исторической науки. — Из всего, что на сей счет было сказано в предыдущих главах, с полной очевидностью явствует, что современная историческая наука стоит на точке зрения отождествления исторического с социальным. Такого понимания своего предмета историография достигла не сразу. Эпические предания народов о своем прошлом, бывшие первою ступенью его познания, сводили это прошлое к деяниям великих людей, героев, царей, пророков, законодателей, полководцев, часто небывалых, в роде разных Ликургов и Ромулов, и в этих личностях бессознательно олицетворяли целые процессы народной жизни.

304

Дальнейшее развитие историографии шло в том же направлении выдвигания на первый план отдельных героев, и исторические изображения были подобны тем рисункам лубочного производства, на которых в одной и той же плоскости генералы оказываются в сотни раз более крупных размеров, чем находящееся возле них солдаты. Нужно быть хоть сколько-нибудь знакомым с историей нашей науки, чтобы представить себе, с каким

трудом историография отделялась от старой привычки персонифицировать общественные процессы. Политические порядки времен абсолютизма, когда народные силы были придавлены, немало даже содействовали сохранению этой привычки, как, наоборот, общее демократическое движение, начавшееся в конце XVIII в., весьма способствовало тому, чтобы историческая наука стала на новую точку зрения, конечно, и раньше пробивавшую себе дорогу, но долго остававшуюся, не для всех понятною и, пожалуй, иногда не достигавшую полной ясности в головах собственных же ее представителей. Возникновение социологии и внесение историзма в другие общественные науки в значительной мере также повлияли на современное понимание истории, как науки, изучающей процессы, которые совершаются в отдельных обществах и благодаря действию в них общественных же сил.

Пожалуй, обо всем этом здесь можно было бы и не говорить, если бы, во-первых, и в настоящее время не было историков, готовых защищать старую позицию, а во-вторых, если бы наиболее крайние представители нового взгляда не отрицали всякое научное значение за биографическими исследованиями в исторической литературе. О том и о другом и будет теперь речь.

305

В самых последних годах прошлого столетия среди немецких историков происходила очень острая полемика, вызванная брошюрой Лейпцигского профессора Карла Лампрехта под заглавием "Старое и новое направления к исторической науке"²². Старое направление, это — то, которое видит причины исторических событий в выдающихся личностях, игнорируя массовые явления, и притом полагает, что поведение личности не зависит от исторического фона, на котором происходят её поступки. Этому направлению, которое Лампрехт обозначил, как "индивидуалистическое", он противопоставил другое, названное у него "коллективистическим", — направление, принимающее и массовые поступки за причины исторического движения наряду с индивидуальными, равно как полагает, что из массовых поступков слагаются условия деятельности выдающихся личностей. Критики Лампрехта более или менее единодушно высказались в том смысле, что двух таких противоположных направлений не существует, что все различие между ними заключается лишь в степени пользования индивидуалистическими и коллективистическими объяснениями. С этой точки зрения, отрицая какой бы то ни было переворот в исторической науке, возвещённый Лампрехтом, его оппоненты заявляли, что высказанный им взгляд совсем не оригинален, так как они давно всё это знали. Наконец, критикуя общие положения Лампрехта, они обнаружили в другом ряде его

²² Karl Lamprecht. Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft. 1898. Об этой полемике см. брошюру Л. А. Малинина под таким же заглавием.

идей вопиющие, на их взгляд, противоречия с его же собственными основными взглядами.

Здесь не место по существу разбирать, кто и в чём был прав или неправ в этом теоретическом споре. Интересно для нас сейчас только то, что такой спор мог возникнуть, и что до сих пор по этому вопросу не найдена согласительная формула.

306

Лампрехт воображал себя от начала до конца новатором, хотя бы и не всегда им был на самом деле, но, несомненно, и то, что его оппоненты выступали не только против крайностей "нового направления", но и прямыми консерваторами, не хотевшими ничего уступить из "старого направления". В "коллективистическом" взгляде Лампрехта, несомненно, сильнее и рельефнее выразился современный социологизм исторической науки, но и его противники, конечно, не стояли на резко индивидуалистической точке зрения. Вот если бы они сводили историю прямо на сумму биографии и вне последних не признавали никакой истории, их можно было бы признать за людей, стоящих ниже даже среднего уровня современной научной историографии²³.

Сведение истории к биографиям, к какому был склонен Карлейль²⁴, возможно было бы лишь при верности взгляда, будто история представляет собою исключительно психологическую задачу, но, даже стоя и на этой точке зрения, нельзя было бы ограничиться одними биографиями, поскольку, кроме личных индивидуальностей, есть ещё индивидуальности коллективные, каковы нации, общественные классы, партии и т. п. Притом сама психология может быть и индивидуальной (интраментальной), и коллективной (интерментальной), как было уже сказано в своём месте²⁵.

307

Существование психического взаимодействия и организации практических взаимоотношений между людьми, изучаемой в социологии, делает невозможным обоснование истории на одной индивидуальной психологии, существенно нужной для биографии: сведение к последним всей истории было бы недопустимым в данном случае атомизмом. Но из того, что история должна быть "коллективистической", отнюдь не следует, чтобы из исторической науки был изгнан всякий биографический (личный) элемент,

²³ Как я уже имел случай отметить в другом месте (стр. 22), у нас эта полемика немецких историков в последних годах XIX в. осталась очень мало замеченною. Лично я в ней и не нашёл для себя ничего сколько-нибудь поучительного, так как все это передумал, работая над своею книгою "Сущность исторического процесса и роль личности в истории", вышедшею в свет за несколько лет до возникновения этой полемики.

²⁴ Сущность исторического процесса, кн. I, гл. 2.

²⁵ См. выше, стр. 221—222.

как вообще будто бы не подлежащий научному знанию.

Нужно только условиться, в каком смысле можно говорить об этом элементе с точки зрения общественного содержания исторической науки.

Те, которые думают, что жизнеописание одного лица вообще не может быть предметом науки, поскольку наука занимается не индивидуальным, а общим, не принимают в расчет того, что и коллективности, которыми занимается история, наприм., народы также индивидуальны²⁶. Если с указанной точки зрения ненаучно заниматься жизнью одного человека, то столь же ненаучно заниматься и историей одного народа. С другой стороны, всякий ли интерес к отдельной личности можно назвать научным и всегда ли научный интерес к отдельной личности, если таковой возможен, будет интересом историческим?

Нас очень часто интересуют совершенно и притом заведомо фиктивные личности, выводимые на сцену в романах и драматических произведениях. Часто и действительно жившие личности возбуждают в нас совсем такой же интерес к себе, наприм., особенностями своего характера, драматичностью своей судьбы и т. п. Это — интерес, так сказать, эмоциональный, эстетический, и чисто фиктивный образ нередко с этой стороны возбуждает в нас к себе больший интерес, чем действительно когда-либо живший человек с подобными характером или судьбой.

309

Интерес к личности может быть и научным, теоретическим, когда она останавливает на себе внимание психолога или психиатра, как предмет, достойный специального изучения. Известно, что психологи и психиатры в этом отношении тоже не пренебрегают и фиктивными героями драм или романов (напр., Достоевского).

Жизнеописание отдельного человека может быть, далее, лишь средством морального назидания, как мы это видим в биографиях Плутарха или в житиях святых. И для целей назидания может быть безразличным, изобразить ли действительно жившего когда-либо человека или рассказать какую-либо поучительную притчу о "некоем муже", никогда на белом свете не существовавшем.

Особый, я сказал бы профессиональный интерес, обнаруживается у военных к биографиям полководцев, у музыкантов — к биографиям композиторов и виртуозов, у политических деятелей к биографиям государственных людей, у философов к биографиям философов и пр. и пр., как у историков к историкам.

Все это специальные интересы к самой личности, привлекающей к себе наше внимание тою или другою своею стороною, с той или другой точки зрения, но без прямого отношения к истории, до такой иногда степени без отношения к ней, что роль интересной личности может быть сыграна и

²⁶ См. выше, стр. 60 и след. 73 и след.

созданием поэтического воображения.

309

Чтобы интерес к отдельному человеку мог быть назван историческим, нужно, чтобы этот человек привлекал к себе наше внимание не как загадочная, что-ли, натура, не как трагическая фигура, не как своеобразное явление в психическом мире, не как образец святости или герой добродетели, не как искусный стратег, тонкий дипломат, гениальный шахматист и вообще заслуживающий ближайшего знакомства специалист своего дела, а как продукт известной общественной среды, сын своего народа и своего века, и вместе с тем как участник в историческом движении своего времени.

В отдельной личности, говоря вообще, историка должно интересовать только свое, т. е. её связь с историческим процессом, её к нему отношение, как пассивное, так и активное, её место в этом процессе. То, что выдвинет на первый план в той или другой исторической личности романист или драматург, психолог или моралист, наконец, специалист любой профессии, интересующийся биографией мастера своего дела, всё это для историка может быть мало интересным или совсем даже неинтересным, да и непонятым. Я особенно настаиваю на этом разнообразии интересов, какие могут существовать у нас к жившим раньше, как и к ныне живущим людям, и на том, что не всякий интерес в данном отношении заслуживает название исторического. Поэтому не все биографы могут быть названы историками, да не все историки пользуются биографическим материалом в исключительно исторических целях²⁷.

310

Две точки зрения на отдельные личности должны руководить историками. Отдельная личность, во-первых, может являться нам в качестве частного случая какого-либо общего правила в данном месте и в данное время, в качестве своего рода показателя того или другого общественного состояния. Положим, нас интересует крупное римское землевладение в начале империи: разве не важно здесь было бы создать несколько, так сказать, экономических биографий тогдашних земельных магнатов, которые на частных примерах показали бы нам, как создавались и эксплуатировались римские латифундии? Другой пример. С середины XIV в. в Италии происходило сильное культурное движение, известное под названием

²⁷ Поскольку интересы археологические и филологические отличаются от исторических в собственном смысле (см. выше стр. 84—86 и 106), можно говорить и об особом археологическом или филологическом интересе к историческим личностям, который, вместе с известного рода пиететом к их реликвиям, лежит в основе Гётевских и Толстовских музеев, Чеховских комнат и т. п., где хранятся портреты, и рукописи писателей, вещи, коими они пользовались при жизни, надгробные венки и ленты и пр. и пр. Специальные исследования о почерках писателей, их манере исправлять корректуры, их стиле, орфографии и т. п. относятся к той же категории не чисто исторических интересов.

гуманизма: разве не было интересно познакомиться с биографиями вождей и главных участников этого движения, **как выразителей нового общественного настроения и его творцов**²⁸

311

Это одна историческая точка зрения на отдельные личности. С другой стороны, **отдельные лица являются участниками событий, деятелями истории**. Нельзя изучать историю французской революции, не вводя в неё биографического элемента, т. е. без знакомства с такими личностями, как Людовик XVI, Мария-Антуанета, Неккер, Саейес, Мирабо, Робеспьер, Дантон, Марат и пр. и пр. **Стремление создать "историю без собственных имён" останется навсегда утопией**, а раз вводятся собственные имена, нужно знать, что же за люди были лица, их носившие, почему они действовали так, а не иначе, и что из их действий выходило.

Итак, **для истории отдельная личность важна только по своей связи с той общественной средою, продуктом и вместе с тем деятелем, которой она была**. В прошлом столетии на разных языках часто появлялись книги под заглавием "такой-то и его время". В этих книгах не все обуславливалось историческим интересом, но благодаря им всегда более или менее углублялось наше знание о времени, в котором жил и действовал NN. У авторов таких биографий мог преобладать интерес философский, религиозный, литературный, художественный, политический, но всегда отсюда что-нибудь перепадало и на долю научного понимания эпохи. В общем, чем более автор ставил себе индивидуально-психологическую задачу, тем менее он думал об истории, и, наоборот, чем более интересовался "временем" и в виду этого чем больше разрабатывал вопросы коллективно-психологического и социологического характера, тем больше из биографа превращался в историка.

312

²⁸ Я взял здесь не фиктивные примеры. Книги на такие темы есть и, между прочим, в русской литературе, притом книги, о которых мне пришлось в свое время подробно высказаться в печати, особенно подчеркнув в своих статьях пользование у их авторов биографическим материалом для характеристики социально-экономического состояния Римской империи и духовного настроения образованного общества в Италии в конце средних веков. Упоминаемые книги называются: И. Гревс. Очерки из истории римского землевладения, преимущественно в эпоху империи (1899).— М. Корелин. Ранний итальянский гуманизм и его историография. (1891). Ср. мои статьи о первой из этих книг в "Рус. Бог." за 1900 г., о второй в "Вестн. Евр." за 1893 г.

XXIV. Историческая номенклатура и терминология.

"История без собственных имен", конечно, является полной невозможностью. Если бы даже из истории можно было исключить имена отдельных лиц, в ней все-таки оставались бы еще названия стран и народов, местностей, где происходили события, самих событий, учреждений и т. д. до обозначения дат событий и хронологических отметок, заменяющих собою собственные имена событий, каковы, наприм., 14 июля 1789 г., 18 брюмера VIII года, 14 декабря 1825 г., 18 февраля 1861 г. и т. п. Вообще всякое хронологическое определение, название века или столетия (напр., XVIII или XIX и т. п.), определенной эпохи (напр., ренессанса, реформации, века Людовика XIV или Фридриха II и т. п.) также имеет значение собственного имени для какого-либо периода времени.

Таков удел всякого идеографического знания — полная невозможность обходиться без собственных имен, отличающих одни изучаемые индивидуальности от других с ними однородных. Астрономия дала особые названия созвездиям, и в каждом созвездии отдельным светилам, пуская в ход или настоящая собственные имена (напр., Сириус) или буквы греческого алфавита (α , β , γ и т. д. в таких-то созвездиях). "Наша солнечная система" есть также особая индивидуальность, название которой заключается в этих трёх словах, и вполне характер собственных имён имеют слова солнце и луна: если мы и употребляем эти два слова во множественном числе для обозначения неподвижных звезд или спутников планет, то только в том же смысле, в каком называем парламентами всякие представительные учреждения, а не один только английский парламент, для которого это и есть собственное имя, тогда как другие носят и имена другие.

313

О планетах нечего и говорить; каждую в отличие от других назвали или Меркурием, или Венерой, или Марсом и пр. и пр. Кометам также даны названия по имени, напр., лица, ту или другую из них открывшего (комета Галлея). Кроме астрономической номенклатуры, есть и географическая с её названиями частей света, материков, океанов, морей, островов, горных хребтов и вершин, рек, стран, городов и т. д. и т. д. То же, разумеется, и в истории, которая для каждой индивидуальности личной или коллективной (нации, политической партии и т. п.), топографической или хронологической, для каждого события и т. п. нуждается в собственном имени или в его суррогате, описательном обозначении, хотя бы даже в номере (первый, второй и т. д. крестовые походы, первая и вторая английская революция, первая, вторая, третья, четвертая государственные думы, цифры при именах

государей и т. п.).

От номенклатуры идеографического характера нужно отличать терминологию в смысле совокупности названий не единичных предметов, а целых категорий (классов предметов, общих понятий и т. п.). Такими терминами являются в астрономии неподвижные звёзды, планеты, спутники, кометы и т. д., в зоологии и ботанике все классификационные обозначения с нарицательными именами разных видов животных и растений, в химии названия элементов и т. п. Научные термины, это, именно, не собственные, а нарицательные имена, пользуясь выражением школьных грамматик, или слова отвлеченные. Без этих общих понятий немислимо было бы самое мышление, а потому невозможна была бы и никакая наука.

314

Науки об общем могут обходиться без собственных имен, ибо занимаются не индивидуальностями, а классами однородных предметов или явлений, где бы то ни было и когда бы то ни было, а если и нуждаются иногда, то лишь в виде частных примеров, иллюстрирующих какие-либо общие формулы. Наоборот, науки о частном, единичном, индивидуальном (хотя бы и групповом, коллективном) совершенно бессильны были бы обходиться без общих понятий и без соответствующих им научных терминов. **Наукам номологическим нужна одна лишь терминология, наукам идеографическим — и номенклатура, и терминология**²⁹.

Собственные имена, с которыми исторической науке приходится иметь дело, в громадном большинстве она не сама даёт людям, народам, странам, событиям, о которых говорит, а получает их готовыми из самой жизни. С другой стороны, между именем и тем, кто или что носит это имя, связь совершенно случайна, т. е. имя само-по-себе ничего не говорит о том, кто или что его носит. Иногда, однако, история сама что-либо, так или иначе, называет, имея в виду в самом даваемом имени что-либо выразить. Всему историческому периоду до падения Западной Римской империи она дала имя древней истории, древнего мира, античности, целое следовавшее затем тысячелетие назвала средними веками, средневековьем, дальнейшую историю, последние четыре столетия, обозначила, как новое время. Конечно, эти хронологические обозначения имеют характер настоящих собственных имен в применении к более или менее продолжительным периодам времени, эпохам, "моментам", т. е. своего времени хронологическим индивидуальностям.

315

Такое же значение имеют и названия отдельных периодов (или

²⁹ Обыкновенно такого различия вообще не делается, и, напр. говорят о номенклатуре химической, ботанической, зоологической и пр.

«времен»), все эти эпохи падения Западной Римской империи, переселения народов, Карла Великого, крестовых походов, ренессанса, реформации и т. п. От долгого употребления эти названия так же приросли к тому, что ими привыкли обозначать, как и имена лиц, государств, мест сражений и т. д. Как и всякие другая имена, эта хронологическая номенклатура, в конце концов, совершенно случайна, условна, не имеет ни малейшего научного значения. Мы очень хорошо знаем настоящую цену в научном отношении традиционного деления «всемирной истории» на три больших периода с собственными именами древности, средневековья и нового времени и тем не менее пользуемся этими названиями, находя в них некоторые внешние удобства, и даже все чаще и чаще употребляем термин «медиевист» для обозначения такого историка, который специализировался на изучении средних веков³⁰. Если известный период западноевропейской истории, «время перехода от средних веков к новому времени», принято называть «возрождением» (или ренессансом), то и это — опять-таки название условного происхождения, т. е. имя, как имя, простой знак, позволяющий нам отличать одну индивидуальность (в данном случае хронологическую) от других. Большого вся эта историческая номенклатура в себя заключать не должна, и вообще можно оставаться совершенно равнодушным к традиционным именам, кого и что как в свое время назвали.

316

Иное дело, когда в названии усматривается особый смысл, заключающий в себе определение внутренней сущности вещи, когда "nomen — omen", когда собственное имя делается общим понятием, становится на место научного термина. От номенклатуры со всеми её случайностями и условностями мы переходим к терминологии, которая должна отличаться точностью, определенностью и внутренней содержательностью. «Возрождение» в смысле названия определённой эпохи — одно, возрождение с нарицательным значением — другое, как и прочие термины, наприм., общественное брожение, культурное движение, историческое течение и т. п.³¹ Вот если иметь в виду такие термины с действительным (или предполагаемым) научным содержанием, то никак нельзя оставаться равнодушными к этим словам, за которыми должны скрываться те или другие понятия.

Одно из больших преимуществ естествознания (с математикой) сравнительно с гуманитарными и социальными науками, в том числе и историей, заключается в том, что терминология и в математике, и в физике, и в химии, и в физиологии и т. п. отличается большей определенностью и большим однообразием при употреблении, нежели в науках, изучающих

³⁰ «Medieviste» от «medium aevum», средний век.

³¹ Сколько таких метафор употребляем мы в нашем научном языке, говоря о брожениях, движениях, течениях!

духовную природу человека и мир человеческих отношений. Раз понятие получило своё определение, к нему приурочивается и известный термин, нередко взятый не из обыденной речи, а нарочно придуманный, как технический термин для обозначения какого-либо явления, процесса и т. п. Научный термин срastaется с научным понятием, чем исключается возможность одно и то же называть различно или одно и то же слово употреблять в различных смыслах.

317

Не то наблюдается в гуманитарных и социальных науках, в которых часто можно находить настоящий терминологический хаос, по истине терминологическую анархию. В своем месте мною уже была отмечена двусмысленность самого слова "история"³², что бывает причиной немалой путаницы понятий. Историей мы называем и изучение прошлого, и само изучаемое прошлое, а в обоих смыслах, кроме того, имеем в виду то изучение прошлого или самое прошлое чего бы то ни было, то лишь определенных явлений в жизни человечества. Даже тогда, когда под историей мы разумеем изучение определенного содержания, мы одним и тем же именем исторической науки одинаково обозначаем и исследование источников, из которых узнаём о прошлом, и исследование самого этого прошлого, как будто исторические источники и историческая жизнь — одно и то же и изучаются совершенно одинаково. И прилагательное "исторический" употребляется нами в довольно-таки различных смыслах: в значениях, именно, или свойственного исторической науке (говоря о методе), или служащего материалом для истории (говоря об источниках), или уже вообще отошедшего в прошлое, или имеющего особое значение в прошлом, или имеющего свою историю и т. п. Мы безразлично говорим об "исторической работе русского народа", создавшего великое государство и своеобразную культуру, и об "исторической работе" какого-либо ученого в смысле отдельного научного труда. "Война и мир" Толстого для нас "исторический роман", поскольку изображает известную историческую эпоху, но и роман Чернышевского "Что делать" можно назвать историческим, в другом только смысле, как сделавшийся таковым по своему значению во времени своего появления в свет.

318

Историческое может быть и бывает синонимом и генетического (напр., объяснения), и традиционного, имеющего корни в прошлом (напр., происхождения) и т. д., равно как и противопоставляться оно может весьма различным понятиям.

Мы видели, что и такие научные термины, как культура или

³² См. выше, стр. 43 — 44.

прагматизм, имеют у историков далеко не одинаковый смысл, первый — то более широкий, то более узкий, второй — даже совсем несходные между собою значения — искания причин и следствий, практического наставления, изучения событий¹. Сколько недоразумений порождается на этой почве неопределенности и многозначности таких терминов и при чтении книг, и при слушании лекций, и при обмене мыслей между лицами, занимающимися историей.

Подобных примеров можно было бы набрать много и привести немало случаев взаимного непонимания среди самих историков из-за необработанности исторической (или историологической) терминологии. Одно и то же мы так часто называем разное и те же самые слова употребляем в разных смыслах, что этого часто и не подозреваем. Под необычным термином мы иногда не узнаём хорошо известного нам понятия, а под термином обычным нередко не находим того, что сами под ним понимаем². Одна из задач теории истории была бы прекратить эту анархию, вывести из этого хаоса, а одним из лучших средств для достижения такой цели были бы и большее внимание со стороны историков к общей теории их науки, и более частый между ними обмен мыслей по историко-теоретическим вопросам.

319

¹ См. выше, стр. 142 — 143.

² Нечего говорить, что каждый язык пользуется своими собственными словами, вполне одни другие в разных языках не покрывающими.